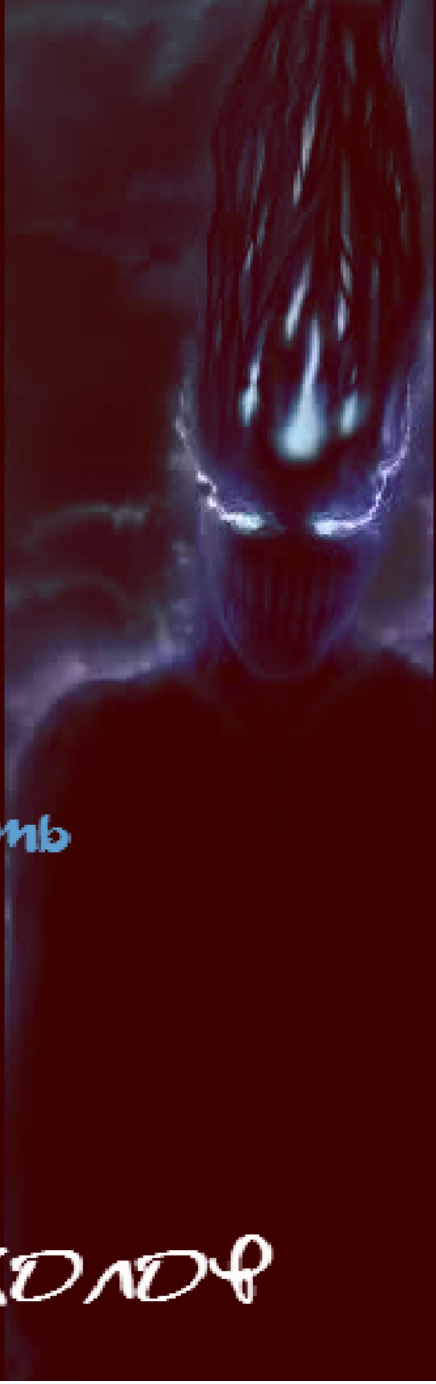
Тьма, смотри на меня



DreamPlayer

Расщепление

Игра в реальность

Илья Соколов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В сборнике оказались: киберпанковый нуар «DreamPlayer»; романтическое «Расщепление»; сновидческая в своём безумии «Игра.в. реальность». Сразу три повести, чтобы поразвлечься.

- Илья Соколов
  - DreamPlayer
  - Расщепление
  - Игра.в. реальность

Илья Соколов
Тьма, смотри на меня (сборник)

DreamPlayer

Макс, Мира, Вета, Кристина и я.

Вот такая команда «ночного кошмара». Команда невидимых снов…

Сегодня ночью Максу (нашему, так сказать, идейному лидеру) приснился разговор по телефону, в котором ему посоветовали забраться на крышу повыше и ждать звездопада, именно днём. Ещё сказали, что надо быть повнимательней с «игроками». И будто необходимо исправить какую-то ошибку нашей реальности. Макс поверил на слово. Голос в трубке во сне заявил: ты не сможешь мне позвонить, для этого слишком темно… продолжай играть, собери своих друзей вместе…

Макс проснулся, как только связь со сном оборвалась.

Он сделал всё, что было сказано: позвал меня и девчонок прогуляться по ближайшей высотке.

— Это слишком странно… как если бы министр рыбной промышленности объявил войну несуществующей стране, — проговорила Мира, обозревая просторы.

Я стоял рядом с ней и чувствовал, что мне становится душно на этой крыше. Солнце ярко ревело жёлтым. Я даже не мог вспомнить, когда мы оказались здесь. Вокруг нас пятерых метался ветер, будто был в незапертой клетке. Очередная звезда ринулась вниз…

Вета, кстати, одета в Платье Мертвой Королевы Галлюцинаций: высокие сапожки, драные колготки, скошенная юбка, мятый жакет на голое тело. Преобладание чёрного цвета в наряде Веты указывает на явное неприятие себя как личности другого человека. Её кроваво-рыжие волосы трепещут на ветру. Кристина (наша милейшая брюнеточка) указывает в сторону нового «осколка неба», чёрной кометой летящего к полосе горизонта.

Станет скоро ничем. Насовсем.

Ветер треплет чёрную мини-юбку Веты. Максу, конечно, нравится такая картинка. Мой взгляд на городские горы. Красавица Мира, просто загадав желание о наборе достаточного количества игровых баллов, согласна всё прекратить… Тогда и мне — не нужно быть.

«Помоги ей, милый Христос… Разбуди меня поскорее…»

Очередной космический «камень» падает вниз… Как же здесь жарко!

Мы не следим за жизнью города вокруг, который будто вымер (мне на пару секунд представляется, что все его жители —

вампиры, им необходимо прятаться днём в темноте… и только лишь наша команда «спящих» способна жить прямо под солнцем).

Ещё одна звезда метнулась к горизонту…

На нашу крышу откуда-то свыше брякнулся кирпич. Самый обычный такой кирпич, очень даже себе силикатный.

Мы растерялись, мы посмотрели вверх.

Там только синева небес + чёрные родинки (пока что не опавших) звёзд.

— Окажись этот кирпич яблоком, а я — Ньютоном, открыла бы сейчас какой-нибудь важный закон мироздания, — улыбается Мира. Её белые волосы ветер словно не замечает. Макс с иронией говорит: а я бы открыл холодную бутылку хорошего вина… Может, пойдём? Пора возвращаться.

Он указал на выход с крыши: верхушка каменой лестницы, заключённая в четыре стены. Дверь для нас открылась. В её проёме стоит темнота, страшный взгляд которой говорит нам о том, что я уже спятил.

Конечно, нет (я просто слегка перегрелся на солнце)…

Как пришли — так уйдём. Дневной звездопад скоро закончится.

Светила перестанут сыпаться вниз. Темнота уведёт нас отсюда.

Брось в себя камень, начни спор против тела, оставь после смерти меня одного. Дотянешь до тени? Где только лишь тьма.

Я рвусь сквозь ветки, в лесу ютятся мертвецы, падаю в тень, наблюдают, поднялся и дальше иду, мёртвый лес оставляя…

Города под слоем песка. Все пятна вины в безвременье смоем. Уснувшим.

Оплаченный выход на сцену в пустыне. Лето отменили. Зима на всю жизнь…

Теперь я вижу твою настоящую рожу.

Мы очень похожи. ЯR такой же как Мы.

И в детских сердцах есть недостатки: пугливый протест в темноту…

В ней они видят тебя? Ну быть может, за ними сквозь сон смотришь именно ты. А дальше залезешь на холм (везде очень тихо) и оглядишься…

Вид мёртвого леса кругом. Он — игра через сон.

н0ль. И времени нет…

Вы останетесь здесь навсегда? |Да| |Никогда|

Я проснулся минут пять назад. Устал во сне ещё больше. С таким же успехом можно было вообще не ложиться… Иду умываться. Пью кофе (почти получилось взбодриться). Смотрю в

окно с высоты 2-ого с половиной этажа: внизу — наша компания: Мира, Вета, Макс, Кристина. Как будто ждали, что проснусь. Сейчас оденусь, выйду к ним…

На лестнице мне повстречались две крысы в серых масках белых акул.

Чудесные твари. Они мирно беседовали между собой… Я осторожно и почтительно переступаю через них. Крысы не обращают на меня никакого внимания, продолжают рассуждать о виртуальных играх в политику.

Обернувшись у дверей, я отчётливо понимаю, что всё это мне просто показалось…

— Я убью тебя, Нео! — орёт Макс, изображая выстрел из пистолета кистью правой руки.

Предполагаемые пули летят прямо в меня, а я изо всех сил пытаюсь увернуться, отклонившись назад (сейчас я — главный герой «Матрицы»).

Совсем забыл сказать, Максу снова звонили во сне…

Мы показываем эту шутейную сценку в магазине, где полно народу.

…На этот раз ему сообщили, что среди нас существуют п0ст0янные системные еди1н1ицы. Они (вроде как) всегда уверенны в себе, ведь их у себя, в общем-то, нет…

Напуганные таким поведением люди: стараются не глядеть в нашу сторону. Жаль. Для них же показываем.

Те, которые видели фильм — смеются.

…голос во сне поведал: единиць1 просто перемещаются в видимом тебе пространстве (словно фигуры по шахматной доске), порой пытаются толкнуть тебя плечом, а чаще — просто не обращают на тебя никакого внимания, после чего…

Мы с Максом, радостные, что представление удалось, выходим из магазина.

…исчезают где-нибудь за углом.

Единственная проблема таких ед1н1ц (говорит мне Макс доверительно) в том, что они никогда не играют… Так уж устроена для них реальность.

Проходя вперёд по летней улице я отмечаю с чувством скорбной зависти вот такой факт: Макс всегда необычно одет.

Это всё его игрок. И откуда он знает нужные коды!?

Обычно мой игрок — совершенно без фантазии…

Сегодня Макса одели в килт (чёрно-жёлтая крупная клетка), рваные кеды и чёрный пиджак на белую майку. На башке: шапка с крестом.

Ну и вид у моего друга… Мира с Кристиной тоже хороши, на

них приятно посмотреть. А вот я и Вета обычно выглядим непрезентабельно (в лучшем случае — просто странно).

Сегодня Вета одета в любимое её секс-милитари: облегающая куртка цвета хаки с двумя большими карманами на груди; под ней бледно-зелёный топик с фигурной надписью «MAX»; свободная юбка в форме перевёрнутой буквы V, обрывающаяся чуть выше колен; надпись маркером «Это протез!» на левой ноге; зелёные кеды с жёлтыми шнурками, значащие мировой беспорядок и единение с тишиной.

Весь этот дешёвый «камуфляж» очень идёт Вете (он ей под цвет глаз).

Тёмно-красные кровь-волосы забраны в хвост. Интересно, а трусики у неё какого цвета? Я цепко хватаю край её юбки и дёргаю вверх.

Вета оборачивается ко мне: весёлый огонёк зелёных глаз, затмит любую красоту, которую ты видел. Полные поцелуев губы обиженно поджаты нежно-розовой помадой. Кокетливо мне подмигнула. А трусики она вообще сегодня не надела.

Шагов через девять меня больно толкает плечом какой-то рослый парень (наверное, один из этих системных)… Макс весело бредёт рядом с Кристиной, та выбирает подходящее помещение для нашей новой сценки.

Кстати, Кристина — очень жгучая брюнетка. Красива и стройна.

Приглядись к ней, если вдруг встретишь…

Макс всегда был влюблён в нежность её характера.

Ну а мне нравится родинка у неё на лице.

Видимо, мной часто играет какой-то закомплексованный неудачник, остро переживающий собственное уродство. Он-то и вынуждает меня носить мою маску…

— Вот этот! — указывает Мира на дверь цветочного магазина.

Мёртвые цветы. Отличное развлечение сейчас начнётся.

Макс заходит и покорно встаёт на колени. На лице отрешённая улыбка будущего покойника. Руки — за спину.

Я выхожу в центр круглого зала, направляю в голову Джона Доу воображаемый пистолет. Я спокоен, но не надолго.

Кристина встаёт рядом, в окружение венков и букетов.

Джон Доу, Дэвид Миллс и Уильям Саммерсет: герои фильма «se7en».

Продавщицы отъявленно недоумевают.

— Убей меня…Стреляй… — просит Джон Доу. Детектив Миллс начинает нервно сдерживать слёзы и целиться в убийцу своей жены Трейси.

— Дэвид… — взывает к долгу офицера полиции напарник

Саммерсет. — Если ты его убьёшь — он победил…

Беспокойство мерцает у него на лице. Доу выиграл в игре…

Миллс стреляет ему в голову с близкого расстояния.

Джон Доу валится на спину, удерживая мякотью мозгов свою последнюю пулю. Когда мы выбежали из «цветника», Мира и Вета нам аплодировали.

Я запомнил счастье их красивых улыбок, радость Окончания Сцены.

Он играет мной, опЯть…

Очередной «Иисус» ещё не мёртв.

Искусственные стигматы на Его механических ладонях. Просто чёрные дыры для этого Света. Они — точно бесконечные отражения одного человека.

Смерть 3215-го Спасителя близка… И нет Ему спасенья.

Он вдруг победно поднимает голову. Спокойным взглядом электронного мертвеца глядит на своих мучителей. Учёные напуганы. В Его глазах — ни капли жалости. Лабораторные лампы тревожно искрятся. Темнота ждёт в каждой из них.

— Что за чертовщина! — На ладонь ближнего сотрудника упала капля. Красный цвет.

— Это уже не игрушки, у него идёт настоящая кровь! Прекратите эксперимент!

«Иисус» улыбается своему счастью.

Прости. Стигматы смотрят темнотой. Прощай…

Но Он, конечно же, не мёртв. Как, впрочем, и не жив.

Ошалелые лаборанты снимают Спасителя (экспериментальная модель № 3215) с креста, Он завершил свою миссию.

— Это прорыв, коллега! Поздравляю… Опытный материал практически достиг 90 % уровня смертности. Благослови нас Боже!

Крест пуст, но ненадолго. Следующий объект — номер 3216… «Если бы вы были от мира, то мир любил бы своё; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир.»

Все демоны в Аду ревут нестройным хором.

Он мной играет, знаю…

Я оказался {внутри}? За пределами мира? Вышел на уровень сна…

Опавшие листвой рассохшиеся ветви.

Старое дерево неизвестного вида посреди чёрной пустыни.

Одно на миллионы миль вокруг. Дотронься взглядом, как невидимой рукой.

Забудь об истинной реальности, мой друг…

Глядит в темнеющую даль, лежит в листве под деревом Химера.

Из глубины небес — ночная чернота, над пустошью слетелась вихрем мгла.

По выжженной земле, по венам-трещинам, ведомая Случайностью Судьбы, к невиданному дереву идёт Химера-2. Подобный грому грозный шаг.

Химера мрачно поднялась, прочь от неё развеял листья ветер-враг.

Психо-война несуществующих теней. Безначальная, но и бесконечная…

Ушли давно (не)наши времена — для них за этот миг ничто не изменилось: друг против друга, Химера и Химера-2 у дерева того кружатся в вечной ночи.

В глазах врага желает каждая увидеть первородный страх.

А видит только собственное отраженье…

Роговая оболочка бесит Сатану

Стекловидное тело кружит светом во тьму

Сетка клетки Сосудистая склера

Дождь и радужная сфера

Две разные, но очень похожие половины единого целого.

Левая и Правая, как рога Дьявола.

Потерянный в слабом рассвете сон, где Ты, Она и Он доезжаете до длиннейшего моста через реку, а на его поверхности разлито зеркало воды.

Она ныряет первой, с Ним вы за Ней. Вода такая вязкая, будто болотный мёд. И вы плывёте по мосту, как в ощущениях последнего кошмара.

Сначала Она понимает, что не доплыть. Потом и вы уже готовы повернуть.

На середине мостовой реки Он-Ты-Она глядите молча друг на друга.

Прозрачная вода: в ней нет течения, подобно вам — недвижима.

По берегам большой реки обычный летний лес. Повернув назад и с трудом доплыв до такого далёкого края моста|начала суши, вы прекрасно помните о том, что эта планета ваша, только ваша, абсолютно постоянно ваша, целиком.

Почему-то именно у Тебя Она спрашивает, почти шутя:

— Как получилось, что мы втроём теперь всегда одни¿?

Но не получит от Тебя ответа.

Ты лишь мотаешь головой, себя талантливо расписывая в своём незнании нелепыми мазками. Внутри насмешки Её глаз Ты всё же различаешь свою глупость. Зато вот Он готов ответить Ей:

— Радиопассивная + видеоактивная химия химеры, рекомбинация забытой схемы. Теперь ты вспомнила? Теперь ты понимаешь — где мы?

В чьей-то роговой оболочке…

Как на показ перед приговорёнными выстроились цепью. Убийцы-инквизиторы. Безмерной ненавистью к еретикам у каждого глаза зашиты.

В руках по факелу: во мраке жаркой ночи пылают очищения цветы. Неярко, тускло…

— Эти пятеро, — указав на неугодных, он обращается к толпе. — Признались в ереси, продажи души и личной беседе с самим Князем Тьмы на богохульные темы…

— Они всего лишь дети!

— Вовсе нет! Они обманывают вас своим безвинным внешним видом! — Он замотал монашьей головой как одержимый, казалось из толпы, что огнь на факеле забился ярче в злобе. — Внутри они чернее адских впадин! Коль мы их средь себя оставим — то превратят потомков наших в слуг себе и Господину своему.

— Так сжечь их!

Тащат к будущему пепелищу вязанки дров. И шёпот липнет по толпе:

— Из дерева невиданного вида им костерок-то разведут…

Огонь… Уж к пальцам ног; смиряющие рубища нахально манят пламя…

Тот, что с толпою говорил, священник главный, от казни в стороне стоит, не смотрит. Внезапная улыбка — холодный лунный шрам. Насмешливый взгляд Дьявола из черноты его зрачков.

И в тот же миг — пять полыхающих ракет взлетают в небо ночи.

Ещё лишь пару панических воплей из рассыпающейся толпы, как удалившиеся «факелы» игриво превратились в звёзды. Средневековые космические пули…..

— Эти пятеро::. шипящий плевок в костёр колдунов и ведьм.

Макс убирает от тебя «бинокль» Машины Снов. Вы в старом заброшенном подвале. Или это чердак?

— Мы, как они, становимся всё больше похожими на свою смерть, — говорит Макс, простодушно улыбаясь. А тебе бы ещё хоть разок заглянуть в неё, Машину Снов…

Эта странная машина ваша, только ваша, абсолютно постоянно ваша, целиком. Она всегда здесь была и всегда здесь будет.

С помощью скорости тьмы Машина Снов покажет всё самое забытое, что есть в тебе, но чем ты не владеешь.

Успех — Свобода — Красота… Для каждого своё мистическое Счастье.

Всего лишь сон, за который себя в Беспамятство отдать не жалко.

Кривая ухмылочка Макса:

— Не давай свою душу — хоть плоть.

Вы вдвоём в этом грязном подвале, где кто-то когда-то оставил Человечеству суицидальное устройство самообмана.

Пора уходить. Кристина и Мира давно ждут вас.

Последний раз посмотрев на Машину Снов, медленно двигаясь за Максом сквозь пыльную тьму, ты наконец-то понимаешь:

Он прав… Наша смерть похожа на нас.

О2ч3 **е** н1ь4.

Ночь.

Труп стал совсем дурно попахивать. Невозможно жить, если от тебя постоянно такой аромат. Строго противопоказано.

Он, кстати, сидит между нами. Как вездесущая тьма.

Я — слева. Макс — справа. От трупа. Не слышно ни звука вокруг.

«Плечом к плечу, они сидели насмерть…»

Мертвец смотрит то на меня, то на Макса.

Ты — это он, а он — это я… Кто-то здесь запутался в собственной жизни?

Все мы видим играющие «пиксели» в темноте. Хаотичный цифровой код формирует пространство.

Можно видеть с закрытыми глазами, утверждает Макс. Такая способность мозга называется эфировидением. Макс же именует это «Видеть невидимое».

Я, конечно же, не вижу, кто им сейчас играет. Интересно…

Вне зависимости от точек зренья: ВСЁ — это ЭФИР. Он повсюду и нигде.

В холодильнике, в телевизоре, в телефоне, в мониторах компьютеров, в проёмах тёмных окон, в чужих гробах и книгах, внутри()снаружи твоей головы. В прошлом, в будущем, в настоящем.

Э Ф И Р… эфир …ЭфиР…

Мы втроём сидим на диванчике в квартире Макса. Луна деликатно заглядывает внутрь комнаты через приоткрытую балконную дверь. Жёлтая тряпка в роли шторы как обычно слегка откинута.

У Макса (кстати) — «ушки кошки». Это такая причёска.

Макс называет её просто — «сова».

Его тёмные волосы подняты вверх с ▲двух▲ сторон почти на затылке.

Слева и справа от темени. По мне, так это простая растрёпанность.

На нём синие джинсы и чёрная куртка, в карманах которой он словно пытается уместить параллельный мир — столько там всякого хлама.

У Макса сине-карие глаза. А ещё есть татуировка. Красивый чёрный крест во всю грудь, которую сейчас скрывает жёлтая футболка. Напряги зрение, и прочтёшь на ней надпись: «DreamPlayer».

Вся жизнь — потеря времени перед смертью, говорит Макс в темноту.

Кстати, сколько время? Спрашиваю я. Вопрос неуверенно тает эфиром.

У Макса все часы в доме идут по-разному.

8:00. 5:23. 19:17. Утро. Ночь. День.

Ну и где же мы? В каком времени замерли?

Не волнуйся… мы в самом низу этой кучи из дерьма и так далее…

Говорит мне Макс. Я многозначительно вздыхаю.

Улетает вдаль очередной момент-невидимка. В это время к нам троим заходит Мира. Настоящий ангел-блондинка с голубыми глазами.

Она, кстати, прекрасна. И почему-то она решила раздеться.

Этакая богиня Свободы — Распущенности, слетевшая с небес, потому что её турнули оттуда за разврат.

Абсолютно голая… Идеальная безупречность женского разума.

Где Кристина? Спрашиваю я ласково.

Ответ: Кристина спит.

Мира прильнула грудью к стене. Повернув слегка голову, игриво облизнула свои сладкие губы. С неприкрытым интересом смотрит на меня.

Я проявляюсь сквозь эфир в её глазах. Пытаюсь понять её чувства. Невидимо пронзаю взглядом. Делаю вид, будто жадно трогаю её мысли.

Макс глядит на её задницу. Отворачивается и весело улыбается.

Что можно сделать с трупом? Спрашивает Макс у нас обоих (а может, и у трупа тоже).

Можно вести учёт ему подобных, отвечает Мира, немного подумав. Тогда пусть этот будет под номером 3216… Труп можно оживить; можно снимать в массовке фильма про зомби;

использовать вместо манекена; им можно пугать живых, таская за собой на тележке по супермаркетам и ресторанам; можно применять как рвотное; в конце концов труп можно просто похоронить или использовать в какой-нибудь книге как героя главы…

Я молча дотягиваюсь до магнитофона. В слове «SONY» на его чёрном корпусе замазана буква Y. Я включаю радио. Кручу колесо поиска станций. На 66,6 MW натыкаюсь на жуткие (лезвием по железным венам) звуки.

Мира садится на корточки, сложив пальцы рук в «замок». Магически красива в лунном свете. Она безучастно глядит в потолок. Я выключаю радио.

Тёмная тишина окутала нас. Всё по-прежнему…

Я бы не хотел попасть в Ад, если там всё время такое крутят, смеётся Макс.

Он говорит: я знаю весёленькую историю: на одной с нами планете жили люди, которые верили в то, что они пришельцы из другого мира. Они якобы могли поддерживать связь со своим «родным» миром при помощи снов. Оттуда они черпали важные идеи и нужную информацию о будущем. Эти особенные люди были вполне довольны своей жизнью, хотя и пребывали всё время в психушке…

Очень мило, произносит Мира. Макс улыбается ещё веселей.

Мира обнажённо проходит мимо нас к подоконнику. Там стоит старый монохромный телик. Она его, конечно же, включает (Однажды Макс попытался заговорить телевизор, чтобы тот не показывал ему рекламу. Когда у него ничего не вышло, Макс просто перерезал шнур).

В свете этих событий кинескоп начал показывать какой-то вакуум.

Хоть Мира и переключала на следующий·следующий·и следующий канал — пустая темнота теней в экране ед1нственный сигнал.

— Вы обо мне забыли, — говорит вдруг труп скрипучим голосом. — Вы убиваете меня тем, что не даёте снова умереть…

Мертвец замолк. А мы о нём действительно совсем забыли.

Мира настойчиво подошла к балконной двери.

Макс уже понял. Он хватает труп за руки, а я — за ноги. Этот мертвец, оказывается, довольно лёгкий. Мы проворно тащим его на балкон.

Он спокойный, не сопротивляется. Покойник перекидывается через перила.

Его руки свисают вверх, к земле…

Мы хватаем труп за ноги. Я — за левую. Макс — за правую.

И выбрасываем его с высоты 5-ого этажа.

Кокон мумии фараона. Бабочка, лети!

…Гулкий удар внизу возвещает благополучное приземление нашего ночного гостя. Теперь он точно «оживёт» отсюда. Жаль, что Вета этого не видела.

Вету застрелили из игрушечного ружья сегодня в парке.

Круглой пластиковой пулькой.

Обычный чёрный шарик в голове… Вета.

После этого она почти сразу и проснулась. Её здесь больше нет…

Теперь яR чувствую гораздо больше смерти в нашей реальности.

Вету сюда уже не вернуть. Макс же по этому поводу сказал: это всего лишь Игра. Что тут поделаешь… В сценарии этого не было…

Мы уходим с балкона. Макс и Мира сели на диванчик. Я тоже — между ними.

Темнота всегда здесь. Рядом с нами, вокруг, внутри нас. А мы видим то, что на свету всегда останется невидимым. Мельчайшие частицы тьмы.

Они переливаются, мерцают, натыкаются друг на друга.

Атомная хаотичность графических комбинаций.

Формирование общей картинки. Не засвеченная плёнка. Загадочная ночь.

Для нас как будто бы не остаётся будущего.

Глаза обманывают. Я вижу это.

Память обманчива. Я это помню.

Я медленно поднимаюсь, сообщаю, что у меня дела и я должен идти.

Знаю я твои дела, говорит Мира слегка насмешливо. Ты носишь имя, будто жив, но ты мёртв…(откуда же она вычитала эту фразу?) Лучше проводи меня до набережной и назад, требует она вкрадчивым голосом.

Я ей говорю: я не могу… Мне надо воскрешать Брежнева…

Макс, смеясь, уходит в соседнюю комнату.

Там на кровати спит Кристина. Она застенчиво одета.

Макс тихонько ложится рядом с ней, нежной рукой обнимает за талию, целует в щёчку. Кристина улыбается в красивом сне…

Мира уже надела трусики. Теперь она натягивает блузку. Передумав, снимает её и бросает на пол. Я слежу за тем, как Мира одевает красную футболку, а дальше — бежевую мини-юбку. На ногах — босоножки…

Всегда хотел, чтоб девушки при мне красиво, эротично раздевались, а получается пока наоборот.

Потом Мира буквально вытаскивает меня на площадку перед входной дверью. Мы не стали её закрывать.

Вызванный лифт раздвоил свои двери, заботливо приглашая нас прокатиться. На полпути к 1-му этажу он благополучно застрял.

Свет внутри кабины погас. Темнота добралась и сюда.

Неловкое молчанье нарушила она:

— Вот отлично! Ты, случаем, не этого хотел?

Секс-нотки голоса красотки.

Мира прижалась ко мне. Её губы мягко коснулись моей щеки, прилепились к моим (точный выстрел, подробно видимый через прицел), плавно скользнули вниз, к шее (вампирки сладостный укус)…

Я обнимал Миру, сжимаясь вокруг неё всё сильнее.

Плоть к плоти. К праху прах.

Но кто-то ещё был рядом, во тьме. Я присмотрелся сквозь странный испуг… Конечно же, она!

Моя щека упиралась в Мирину щёку. А возле нас, прислонившись к панели с кнопками, спокойненько стояла Вета. Смешливый взгляд весёлых глаз. Видение «загробно» изучало нас.

Страх стукнул по сердцу. Я крепко сомкнул веки.

И с закрытыми глазами можно видеть, утверждает Макс.

Видеть можно даже с открытыми глазами…

Вслепую я целую Миру. Не хочу, не могу её видеть…

Но вот мои глаза открыты. Вета подмигнула мне и растворилась во тьме.

Мира почему-то печально улыбается. Я гляжу на неё.

Шёпотом она говорит: жаль, что Вета не видела это.

Один|Боль|Ноль… Прямое попадание в Нирвану, закрытое пространство памяти, которая затаилась за каждым могильным камнем.

Мозговой вихрь натягивает твои паруса, ты дремлешь, но живёшь как на скалах, но не прикован за похищенное пламя, а свободен своим скучным одиночеством.

Вокруг тебя пустыня.

Настоящее сияющее море песка. Ступаешь сквозь память, идёшь и идёшь, и вдруг понимаешь, что ходишь по кругу, вдоль душного тела столба.

Закрытое пространство.

Ступаешь тоскливо — внутри за пределами мира.

Ни света, ни тьмы. Лишь вязкий песок. Он набился в кроссовки, зарылся в карманы, стал почти твоим продолженьем.

Скоро тебя заместит.

Не к тебе тянутся пальцы кошмара, не тебя преследуют забытые сны.

За тобой не следят дыры глаз бесконечной тоски. Ты умер.

И ты веселишься в Нирване…

Жизнь зародилась в аду. Тёплый климат благоприятно повлиял.

Первобытный адский огонь и сейчас помогает нам выжить.

Но так как (как так) ж **и** 3 **нь** за(у)родилась в воде, можно буквально из ничего сделать очень смелый вывод: человечество изначально настроено против существования (и своего, и общего).

Люди природой обречены пере(жи(же)вать себя и на себя похожих.

Планета абсолютного уничтожения, на которой ра́вно рухнули все Вавилонские башни.

Здесь явно все что-то скрывают.

Я сплю тебя наяву — Явь слепо смотрит во тьму…

Даже не пробуй читать меня, ты даже не пытайся…

Синий винил нашей вены — игла замерла на последнем кругу.

Это Ад, в котором ЯR тебя 0пять забываю.

Человек течёт…

Если спился — его отпели. Пространство зарыто и крышка закрыта.

В начале человек — ребёнок, а уже потом — будущий труп.

Для таких вот, как ТЫ в прошлом станет существовать детский _ад:

пришивание себя к другому малышу (круг детей для прогулки во дворе обязателен); стоп-час (голову вверх, глаза в одну точку — кружишься на месте, пока тебя не вырвет); обед в столовой за круглыми столиками не состоится, если один из малышей (хотя бы и ты) не «пожелает всем приятного аппетита» (то есть — наложит в штаны в присутствии всех); из игр выделяется так называемый «робот» (одного из детей младшей группы обступают кольцом и начинают кидать в него пластиком {не всегда острым}, используя максимальное количество попыток, во время которых «избранный» должен сохранять кибернетическое бесчувствие, но если от боли он всё-таки закричит — обиженный таким к себе отношением, демон-воспитатель накажет его)…

Вода с неба хлынула освежающим душем.

Бог с листьев смывает свой текст.

Тёплое послевкусье безумной весны.

Бойцовые цветы, пыльца, душистый Яд.

Кто-то в зеркале крепко сжимает ружьё обеими руками.

Оба дула направлены в одну сторону. В нигде никогда.

Кто-то слышит глухой щелчок курка!

Грохот выстрела отскочил к потолку, упал на кафель и растаял в воздухе.

Осколки зеркала посыпались в умывальник.

Я проснулся в чьём-то холодном поту… С ощущением ледяного огня внутри своей черепушки…

Рядом мирно спит Мира. А летняя ночь словно застыла на середине.

Следующим утром на кухне у Макса наша «команда ужасных кошмаров» собралась воедино. Кристина заварила всем кофе (хотя я был не прочь выпить чего-нибудь покрепче). Состояние моё заметно улучшила новость: Макс опять говорил по телефону во сне. Он не поведал, о чём именно, зато заверил — нас ждёт новое незабываемое приключение…

Мира с Кристиной радостно переглядывались, попивая кофе. Макс вообще выглядел так, будто он — главный герой фильма про гения с другой планеты. Я же не разделял их оптимизма. Новая заварушка в Игре. Только себе жизнь усложнять… Макс сразу понял мой настрой: не будь таким скучным. Мы же играем для удовольствия, а не потому, что выбора нет…

Я безысходно поставил кружку на стол.

Весь остальной день прошёл в прямом смысле во сне (Макс сыпанул в кофейник немалую дозу снотворного; и выпил его вместе со всеми).

На наши вопросы сказал, усмехаясь: это была вынужденная необходимость.

А дальше — мы «вымелись» на улицу, где ночь и жарко.

Макс ведёт нас. Куда? Я даже не знаю… Разговоры по телефону во сне, максимальная уверенность в себе, коды на деньги + потрясные шмотки…

Мы потеряли Вету, ну а ему как будто наплевать на это!

Макс, словно читая мои мысли, оборачивается и улыбается мне самой своей красивой улыбкой… Я стыдливо отвожу глаза, пытаюсь просто следить за дорогой. Макс говорит:

Закрученность закатов… Перемена мест… Поезд-пуля… Я еду… Мальчик растил акулу, а когда она подросла так, что аквариум был мал для неё — выпустил в море… Через неделю он утонул. (На теле обнаружены многочисленные укусы)… Та самая {его} акула сделала так, что он уже никогда не вырастет… Череда высоких башен… Мимо: я иду… Пыль падает в проёмы подвалов… Красота чёрных красок… Мясо мёртвых & мухи…

Холодный каменный зал для зеркал… Алкогольный выплеск комфорта… В соседней кабинке огромный член льёт из атрофированной человеческой головы… Статичная пустошь… Ищем на кухне сахар с девушкой по кличке Сахар… Amor(,) mi solo … Голос, измазанный мёдом… «Ты меня только не съешь…»: Чужая шипит — она сверху… Инструкция по эксплуатации отражения… Ласково шепчет «Ночь вечна»… Забытый уборщиком дурдома вампирский ожог жил на стене красивой кляксой… Телесная окись, оставленная следом за жгучим поцелуем света… Твоё лицо отлично смотрится на мне… Одинокие поля Господни… Внутри вихря — палые листья: очерчен циферблат… Стёртая желтизна неба… Снег изображает песок… Парень, похожий на меня почти так же сильно, словно я — это ты… Бредёт сквозь коридоры… Веснушки увядших цветов… Без всплеска дверь… Она разбудила себя, чтобы закинуться снотворным… Наша материя пропадает за временем… Парень, похожий на тебя так, словно он — это я: эпилепсия залита в мозг… Пропавший альманах скользит за Бесконечность… «Поцелуй» — стираемая надпись на щеке… Места изменчивы… Восходы вдоль других земель… . Макс замолкает. Мы без удивленья смотрим на него. Знаем, он и не такое может придумать (если настроение есть).

Макс, не сбавляя шага, ведёт нас в новый «сон»… Кристина ласково чмокает его в щёку. Сплошной тестостерон, смешно смотреть…

Насмотревшись сине-карих звёзд его весёлых глаз, она отворачивается – беспечно изучает небо ночи.

Через забор из китовой кожи я перелизал последним. Кристине с Мирой помогал Макс, умело переправившись на ту сторону первым.

Изгородь не была высокой, примерно в метр, но странная сила гравитации при переходе создавала какую-то обратную тягу, словно воздух выталкивал тебя.

Мне трудно лезть вперёд по эпидермису кита уж только оттого, что мне никто не помогает. Мои друзья стоят и смотрят по сторонам (туда, где медленно плывёт седой туман, заманчиво переливаясь).

Наконец-то Мира втянула меня за руку. Я здесь, со всеми.

Воздух вокруг холодный, вязкий, вот-вот тебя обнимет — станет погружать во мрак земли. Никто и поглазеть на это действо не успеет.

А в действительности + реальности мы в месте, где страшные картинки ты воплощаешь для себя как в детской

книжке-раскраске.

— Мы здесь зачем?

Мой беспокойный взгляд замер на Максе, и я боюсь, что он сейчас увидит — мы ещё внутрь не попали, а мне уже смертельно страшно…

Кристина кричит. Я дёргаюсь от резкого звука. Всё!

Макс спокоен. Кристи почему-то смущённо улыбается вместо того, чтобы просто понять — нужно бежать отсюда подальше.

Мира показывает в сторону ползущих по тёмной траве наручных часов.

Металлические хвосты ремешков угрожающе приподняты, готовые жалить меня и моих друзей. Мерзкий электрический хруст живого железа. Неотвратимые стрелки внутри прозрачной головы.

Макс не даёт нам вконец закаменеть от необычных впечатлений.

Со словами «Идите за мной…» он уверенно ведёт нас в обход от ползущих часов к дверям отеля.

Громада заброшенного здания, как утверждает справочник психических заболеваний (однажды найденный Максом на кладбище), существовала задолго до появления объективной реальности. Возможно, мы проникли в самое древнее место Небытия.

А может, просто пробрались ночью на старую стройку.

Туман проделал замысловатый млечный путь, сопровождая нас. Пару раз он даже пытался погладить Миру по голове, проявляя особенное любопытство по всей (не)видимости именно к блондинкам.

Минуя как будто бы 616 лет статичного пути, мы добрались до входа.

Туман нас обступил стеной, сжимая полукруг — могильная река без брода.

Попади в такой — будешь хоть вечность в нём блуждать, а никого кроме себя, отчаянья и смерти не отыщешь.

— Нужно быстрее открыть двери!

Кристина наконец-то осознала весь ужас нашего незавидного положения. Мы с Мирой тоже напуганы дальше некуда (к Максу это вообще никак не относится — он неспешно пытается читать какие-то значки на осколке скалы, используемом здесь в качестве ручки).

Я замечаю, что из глубины тумана вылезают раскалённые холодом иглы. Миллионы множеств ледяных уколов — верный билет болевого шока в чертог Старухи С Косой.

В этот жуткий момент (не стал бы он последним самым) я всё-таки услышал его полный радости открытия голос:

— Эту дверь нельзя открыть! Она сама тебя откроет…

Мира отчаянно толкает упрямый холод входа. Я и Кристина пробуем помочь, но ничего не происходит. Дверь без движения, а вот игольчатый туман всё ближе…

Макс ни черта не делает, просто расслабленно прислонившись к проклятой двери спиной, насмешливо любуется нашими потугами спастись.

— Макс! Помоги нам! — ору я ему, а он, абсолютно не обращая внимания на туман, начинает объяснять смысл символов: чтобы войти, достаточно произнести слово, обозначающее инструмент произношения слов.

Наша блондинка Мира даже рот открыла от растерянности… Как всё это оказывается просто.

Макс, по-прежнему посмеиваясь над нашей глупой пугливостью, пригнулся к выступу дверной скалы, прикрыл свой рот от нас ладонью и прошептал входное слово уху в камне.

Я только сейчас заметил, что бесшумно разъезжающиеся вовнутрь двери отлиты целиком из снега. Причём одна половина чёрная, другая — белая.

Ну вот мы и вошли в отель.

Гостиница для мертвецов. Так именуют это место.

Пока мы шли сюда по городу, Макс рассказал, что это заброшенное здание на окраине пользуется не самой лестной славой. Во-первых, никто не знал тех людей, которые хотя бы знали слухи о том, когда оно здесь появилось. Кто-то думал, что эта постройка — вечна, а кто-то полагал, что все истории о привидениях, демонах, ведьмах, куклах-убийцах, летающих чудовищах и машинах смерти, связанные с загадочным отелем — всего лишь газетные байки для дураков.

Во-вторых, сие здание уходит прямиком в космическое небо.

В самом прямом смысле.

Оно в 666 этажей. Почти 2000 метров.

Правда, снаружи гостиница выглядит тринадцатиэтажной. Но 22-хминутная поездка в лифте на крышу рушит иллюзию ложной высоты, развевая её по ледяному ветру.

В-третьих, отель стоит в самом начале Self Street и является на ней первой постройкой. А в-четвёртых, мы вчетвером нерешительно замерли в мерцающем сумраке холла…

Длинный тёмный коридор уходил влево и вправо от центрального входа. В дверь каждого номера смотрел холодный свет Луны, проникавший через грязные стёкла полуразбитых окон. По обе стороны от пыльной стойки портье располагались

лифты-близнецы (два слева и два справа), а между ними карабкались скалистые уступы лестниц, инеем своей прозрачности напоминавшие застывший водопад.

— Мрачновато, — Мира прижалась к Кристине, будто пытаясь согреться после встречи с опасным туманом. Я, как и девчонки, был всё ещё напуган.

Макс же решил не медлить с осмотром помещений. Первонаперво он явил из внутреннего кармана своей куртки чёрную маску, которая позволяла ему отлично видеть в любой тьме, и начал аккуратно надевать. Справившись с её застёжками, **демон** стративно повернулся к нам. Вместо лица — красивое бесформенное нечто.

Маска Темноты Макса.

Как чёрная кошка в тёмной комнате. Кошка, которой нет.

Не знаю, где он взял эту вещь, но чувствую, она нам сильно пригодится.

— Да… Теперь мы в безопасности, — скептичный голос Миры.

Кристина «отлепилась» от подруги, схватила Макса за рукав и потянула к страшноватой стойке. Повертев башкой во все стороны, Кот Темноты сообщил, что на стене перед нами висят огромные часы в виде открытого глаза. Над ними восемь букв, дающих имя месту.

Ice **Hot** el.

Зеленоватые обои с крестами тёмно-жёлтых роз. Левее телефонного разъёма прилипла надпись «{холепра}», давно забытая здесь кем-то.

Интересно, он всё это сам придумал, или там действительно что-то есть?

Я ничего не видел кроме тьмы. Мира, похоже — тоже.

— Может, проще было бы взять фонарик? — Спросила она, обращаясь больше ко мне, чем к Максу. Ответил всё же он:

— С фонарём нас заметят гораздо быстрее.

Чудно… Меня, конечно, успокоили его слова.

Пока мы приглушённо беседовали, Кристина смотрелась в огромное зеркало на стене слева от нас. Точно видела впервые.

На ней (в отличие от «привычно-игровой» одежды) сегодня красные кроссовки, небесно-изумрудные чулки и облегающее\/ обжигающее платье, оформленное в половину свадебными кружевами облаков, а в половину под холодеющий металл кольчуги.

В блестяще-чёрных волосах заплетена златая лента.

Налюбовавшись в отблесках Луны собой, Кристина приблизилась к Максу, который продолжал рассматривать

«слепую» стену, и (приобняв его) настойчиво проговорила:

— Зачем мы здесь?

Тогда-то наш друг наконец объяснил, что во сне ему было указано на это место, что мы должны пробраться ночью внутрь отеля и оказаться в определённом номере, где станет ясно, чего нам ждать от Смерти дальше.

Во всяком случае — мы здесь из-за чьего-то сна…

От нас так и разит безумьем…

— Каждый едет наверх в своём лифте, — «сестра тумана» Мира уже жмёт кнопку «вызов». Ответом ей — недвижимая тишина.

— Тогда по лестнице. — Кристина.

Я говорю: я — за.

— А я категорически за «не против», — улыбается Макс сквозь маску.

Мира осторожно движется по скользким ступенькам (самый левый лестничный подъём неплохо виден в лунном свете), Кристина сжимает руку Макса — вдвоём идут за ней. Я же карабкаюсь самым последним. Опять и снова.

Что-то проворно скользнуло мне по плечу!

Чья-то ладонь из тьмы задела меня… Позади кто-то есть. Кто-то пятый.

Я глупо вскрикнул и побежал…

Рывки вверх… Пустое окно прямо передо мной… Быстрый выстрел поворота пыльных перил… Осколки ступеней как лунные шрамы… Никого рядом… Повсюду темнота…

Первое, что услышал — встревоженный голос Макса:

— Ты чего?

— Там кто-то был… Нас сейчас… Пора сваливать!

Кристина заглядывает мне в глаза. Она мне явно не верит:

— Ты пошутил? Признайся!

Макс в маске внимательно изучает новый коридор и преодолённые нами пролёты лестниц. Его «эфирный» взгляд (который видит всё), конечно, никого не видит.

А «я же, как говорят, сошел с ума и теперь живу подаянием.

А кенарь больше не поет, уж это точно…» *(Лотреамон, «Песни Мальдорора».)*

Успокоившись с перевесом чувства вины, я списал всё на страх. Хотя Мира, скорее всего, уже считает меня трусом. Даже если мне и вправду показалось…

Благодаря моей попытке уйти от невидимой погони, мы очень быстро оказались на трётьем этаже. Макс с серьёзным видом поведал, что именно здесь надо искать «нужный номер».

Я и девчонки неспешно двигались за ним сквозь мрачный

лабиринт гостиничного коридора. Ледяной ветер игриво шелестел обрывками обоев, словно хотел (обнажив старые стены) содрать занавес ужаса перед нами.

Неприятное ощущение холода на затылке скатилось к шее. Мне снова стало страшно, и я буквально «вмёрз» между Кристиною и Мирой.

Макс внезапно замер напротив тёмного предмета на стене.

От неожиданности я запнулся о Мирину ногу, чуть не упав.

— Что там? — Кристина вглядывалась в чёрное нечто.

— Это картина, — разъяснил нам Парень-Темнота. — Странное полотно из плевков, по задумке автора воплотившее его представление о политической абсорбции.

— Возьмём её с собой?

— Нет. Лучше просто пойдём дальше… Мы же здесь не ради неё.

В этот момент я думаю о том, как бы не встретить снова тот страшный туман, ползущих на чужеродное тепло человеческого тела часов и того, кто до меня дотронулся. Я спрашиваю: а как мы отсюда будем выходить? Не через главные, надеюсь, двери?

Макс оборачивается и отвечает, что главный вход мы уже не откроем, даже если сильно захотим (он открывается только снаружи), но мы можем попробовать уйти через чёрный, если успеем его найти прежде, чем найдут нас. Я ему говорю: да нас уже нашли!

Но Макс ничего не отвечает и крадучись идёт вперёд, зато вот Мира трепетно требует, чтоб я заткнулся.

Тут я понимаю, что иду по коридору совершенно один — мои друзья куда-то вдруг пропали… наверное, забыли обо мне…

В мозгах поднялся смерч. Пространство зашумело. Я бегу…

Совершенно-своевременно-случайно я замечаю какое-то движенье на дальнем конце тёмного коридора. Там точно кто-то есть.

Ну вот и всё… Мне осталось лишь ждать, когда воронка шторма в моей голове подхватит меня и унесёт из проклятого места.

Они идут прямо ко мне! Они заметили меня…

Тут я понимаю, что это мои друзья.

Мира бросается мне на шею, будто боялась больше никогда меня не увидеть.

— Мы тебя потеряли! — говорит Макс растерянно.

Лучшее успокоительное — улыбка красавицы Кристины. Во всяком случае — никто не понял, что же со мной произошло.

— Может, местный эквивалент Бермудского Треугольника… — глубокомысленно подводит Макс черту, и мы

подходим к нужной двери.

Номер 252.

Добрались… Поверхность двери «украшает» надпись.

— Оставь надежду, всяк сюда входящий, — загробным голосом читает Макс.

Смотрит на нас и смеётся.

Он пошутил. На самом деле здесь написано:

Чет веры м отчаянн ым: не бой тесь и в ход ит е.

Что мы и сделали (хоть я протестовал, говоря, что я боюсь — я не пойду).

В комнате этой разве что только поисков чёрной кошки не хватало — так там было темно. И никакого сквозняка — в стекло закрытого окна чернело небо. А обстановка в номере казалась идеальной: ни строительного мусора, ни грязи. Образцовый порядок комнаты указывал на самое недавнее пребывание в ней одного из посетителей гостиницы.

Постоялец, похоже, освободил 252-й пару минут назад.

Всё это «увидел» нам Макс сквозь глаза своей маски.

Кристина утонула в сумерках кровати — легла на спящее {как белый призрак памяти} одеяло. Макс подошёл к письменному столу, а Мира села в кресло рядом.

— Здесь есть микроскопический микроскоп, — Макс начал осмотр. — Он установлен для изучения души… Видимо, так.

— Может, муляж? — тени сомнения внутри вопроса Миры.

— Что? Мини-микроскоп или душа?

Мой же бесцветный вопрос смутно напоминал разговор Ничего с Никем.

— Тут, кажется, Машина Снов, — удивился Макс, показывая на силуэт непонятного ящика у стены. — Такого не может быть… Она ведь существует в единственном экземпляре… и *несуществует* — тоже.

— Может, муляж? — опять Мира.

— Возьмём с собой? — голос Кристины как будто из чужого сна.

— Нет, у нас уже есть одна.

Макс берёт со стола какие-то чёрные листочки — записи загадочного посетителя отеля — и читает нам:

Её телефон получает входящий вызов, когда ей никто не звонит..

В его винампе иногда звучат песни, которых нет на жёстких дисках..

Её изображение на фотках то появляется, то пропадает..

Тембр его голоса меняется как минимум раз в месяц..

Некоторые её сны в точности повторяют прожитый день..

Порой его лицо становится маской, к которой приходится привыкнуть..

Очень часто она не видит предметы красного цвета..

В его доме все часы идут по-разному..

В её доме все часы идут в обратную сторону..

Его крик может быть тише, чем шёпот..

Она меняет имена..

Он всегда забывает дату своей смерти..

Они встретятся?

НикогДА.

Макс вернул один листок на стол, оставив другой для чтения.

Где-то между пустотой и бесконечностью |в ночном номере страшного отеля на окраине города| мы слушаем его слова:

Твоя самая любимая девушка наконец-то узнаёт о твоём существовании.

Она приводит тебя к себе в квартиру.

Оказывается, у неё есть брат, с которым она общается по телевизору. Он — оживающая картинка мёртвородящего кинескопа.

Твоя самая любимая девушка любит забраться на крышу своего многоэтажного дома (квартира, где она живёт с телебратом, на самом последнем этаже — лоджия в небо, площадка для старта к звёздам), а уже оттуда, закрепив огромную метлу за антенну, спуститься к себе на балкон из стекла, который никогда не бывает закрытым.

Обычно именно так она попадает домой.

Макс закончил читать «отрывки древнего романа». Я и девчонки оглушительно молчали.

Что нам делать дальше? Что из всего **этого** может следовать?

Первым рассёк тишину, конечно же, Макс:

— Я полагаю, номер занимал очень необычный постоялец. — Похоже, наш друг понял именно то, что должен был понять.

Кристина приподняла голову над подушками:

— И какой же?

— …Настоящий Иисус Христос…

Можно ли верить в нечто подобное?

Я не знал.

Видимо, в тщедушной попытке «проявить» правду я щёлкнул выключателем. Номер 252 вспыхнул непривычным светом. Макс слепо смотрел на меня скв●зь чёрные дыры глаз св●ей маски. От забытого ощущения яркости я прищурился и заморгал.

А через секунду из глубины коридорного лабиринта безжалостный ветер домчал до нас чей-то жутчайший визг, похожий на крик ржавой вороны.

У меня внутри всё превратилось в лёд. Казалось, сердце сейчас треснет.

Девчонки перепугались не меньше моего. Макс, будто бы ожидавший подобных событий, тихо сказал только одно слово:

— Сторож.

Абсолютно растерянный, я покидаю комнату Божьего Сына последним. Проламывая тьму, Макс направляет нас. Я бегу слишком медленно — панический страх «лепит» ступни к полу. Тыкаясь в стены, как тупая игла в железные вены, я успеваю пару раз оглянуться. Сквозь бледную нарезку сквозящего в окна лунного света к нам движется человекоподобное существо, созданное (как мне показалось) из грязных обрывков старой одежды и осколков стекла.

Оно снова «визжит».

Наконец, мы бежим вниз по лестницам — первый этаж, через холл к чёрному ходу. Живая пульпа мусора по-прежнему где-то позади. Пока мы в отеле — она не отстанет.

Макс быстро сворачивает в ресторанное помещение. Держась прямо за Мирой и налетая на столики в полутьме, я понимаю, что страшная тварь гонится именно за мной. Я виноват. Я включил свет.

…Мы мчимся через кухню. Впереди — спасительный выход.

Ещё чуть-чуть… и Макс откроет дверь…

Чёрный ход оказался ОЧЕНЬ **чёрным** .

Мёртвое прос *транс* тво бликующего кбсмбса… Холод.

Не успел я сообразить, каким образом нам удалось уйти, как что-то закрылось у меня за спиной. Я резко обернулся: старая дверь отеля казалась запаянной несколько тысяч лет назад.

Мы в безопасности.

Я ужасно устал и чувствовал: сонливость набирает ход. Мира с Кристиной пытались придти в себя после безумного забега. Макс уже снял свою маску.

С небес на нас смотрели звёзды. Никакого тумана, никаких механических гадов, никаких сторожей.

Спокойная ночная тишина.

— Элвис покинул здание… — пошутил Макс, улыбаясь. Его тёмные волосы взмокли от жара под маской, лицо блестело как Луна.

Я спросил: зачем нам было это надо?

Ни зачем, просто сказал Макс, зато теперь мы знаем, что *Он* больше не живёт в отеле «Лёд».

— Иисус Христос? — не поняла Кристина.

Макс не ответил.

Он бодро зашагал к ограде, и мы пошли за ним, вместе

покидая это «потустороннее» место.

Ночь завершалась с востока.

«Иисус» номер 3217 подключен и укомплектован.

Аппарат перемещения в сон игрока (которого, кстати, зовут 17ый) набирает амплитуду сигнала. Сейчас произойдёт «захват», тогда реальность для «Иисуса» исказится.

— Только не думайте, будто мы сами не спим, коллега… Мы отличаемся от подопытного материала лишь тем, что не сможем принять участие в Игре.

— Этот, как и другие, станет своим Лазарем после окончания эксперимента?

— Такой момент вполне возможен.

Новый Спаситель уже «исчез»… А 17ый просто видит сон:

Завтра приходит сегодня и ждёт до завтра…

После очередного толчка плечом я оказался на асфальте, раскалённом от полуденного солнца. Упал из последних сил.

На мирно мерцающем небе — ни облачка. А значит, жди дождя.

Отчаянье толпы. Я в её центре. «Иисус» — уже здесь. Он «будит» без разбора: из воображаемого оружия летят невидимые пули. Подстреленные прохожие валятся на тротуар, окропляя его бутафорской кровью.

Силу в себя! Я беспомощно лежу на земле. Практически под баллистическим дождём. Дикие крики, фантомные звуки выстрелов (которых не должно быть слышно), стоны агонизирующих заставляют меня собрать мою мозаику мыслей. Всё это понарошку! Тела убитых медленно испаряются, не остаётся даже крови на асфальте (кто-то включил режим для детей)…

Я смотрю по сторонам и вижу остальных: Макс, Кристина и Мира притаились за углом дома напротив.

Надпись на стене рядом с ними — «Hell Here» чёрной краской.

Кристина машет рукой. Манит меня, чтобы спасти.

«Иисус» продолжает бескровное уничтожение. Скорее всего, что всё это сон, электрический транс, в котором я — неглавный герой…

Всё-таки яR поднимаюсь и бегу к своим друзьям. Макс довольно улыбается. Может, его игрок знает лукавый код, не позволяющий бояться никаких последствий?

— Мы поможем ему, — решает Макс.

Поможем отправлять людей из сна в Реальность Игры?! Он и сам, вроде, неплохо справляется…

Макс покидает наше надёжное укрытие, бежит через улицу,

стараясь не столкнуться с паникующими. Лучи яркого солнца. Небо: ни облачка.

Мягкий ветерок трепещет на кончиках Мириной причёски. Макс остановился у дерева, в тени. Спрятался за его телом… Демографическая чистка пока не кончена. Все «спящие» должны уйти.

Нам надо добраться до Спасителя. Кто до Него дотронется — тех Он не тронет. «Иисус» замер на месте. Не могу толком рассмотреть, но Он, вроде как, говорит с самим собой. Получает дальнейшие инструкции таким способом?

— Пора! — вдруг говорит Кристина.

Уголки её рта нервно подрагивают. Похоже, она хочет улыбнуться, но ничего не получается. Мира осторожно выглядывает из-за угла. То тут, то там дымят горящие машины. Улица пуста — все люди разбежались. Остался только Он.

Мира глядит на Макса. В его руке что-то блестит.

Маленькое и металлическое…

У меня вспотели ладони, пот капает со лба, руки трясутся, как у законченного алкоголика. Ничтожество пугливое.

Храбрец Макс выходит из-за дерева. Мы трое — из-за спасительного угла.

Нет смысла прятаться. Он всё равно найдёт нас где угодно.

«Христос» стоит к нам спиной. И продолжает говорить с пустотой.

Жаркая дымная улица напоминает адский полигон. Сон Данте.

Человеческий Сын к нам спиной, прямо по центру дороги…

И мы бежим к Нему. Дотронуться, вложить хотя бы пальцы в раны.

Сумасшедшее солнце припекает во всю, ядовитый дым от машин поднимается вверх чёрными смерчами. В сонном пространстве происходит что-то случайное — «Иисус» поворачивается к нам. Механический холод взгляда Мессии. Спокойный, словно мертвец, Он стреляет в нашу сторону.

Невидимый полёт пули-н **0** ля…

Неслышимая тишина второго выстрела…

Кристина исчезает прямо на глазах. Он «разбудил» — её игра закончилась…

Христос пытается перезарядить оружие воображения. Вот тут-то к нему и подбегает Макс. Лихой прыжок — и он врезается в «Христа», оба падают на горячий асфальт.

Иисус покорно раскинул руки в стороны. У Макса в руке что-то блестит.

Это крестик. Маленькое распятье.

Макс проворно прикладывает его ко лбу Спасителя.

Я разбудил мир? неслышно шепчет Божий Сын [за номером 3217].

Кровь течёт по рукам, бороде и щекам… Стигматы плавятся тьмой. «Если бы вы были от мира, то мир любил бы своё; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, то ненавидит вас мир…»

Он умирает. Макс сел с ним рядом, тяжело вЗдохнул. Жаркий воздух… Растерянная Мира смотрит сначала на меня, затем — на него. Ветер бесшумно растворяет дым… Молнии сверкают повсюду.

Пошёл серый дождь. А на небе – ни облачка.

Меня зовут «мертвец».

Я прибуду к *ним* сегодня, как только ночь настанет…

Путешествие на другой конец Тьмы.

Я оживлён, лишённый сна, закрыт в чужом сознании, я буду множиться бесчисленностью зла, дождливым днём воспоминаний.

Он бесшумно проходит в комнату без окон (пустые стены, пол и потолок).

Старый серый костюм с огнём в петлице, золотая лента чёрной шляпы, туфли, слишком поношенные для некогда представительной персоны.

Шуршание прощального песка по потолку. Сквозняк пустого взгляда.

— Что живому хорошо, то мёртвому — смерть.

Но, может, он ещё увидит свет. В потустороннем ящике [что именуют гробом] сегодня будет пусто…

Моя цена победы над собой — уродливое пораженье.

Я каждый ваш космический|земной отец. Я каждый ваш глоток Пустыни.

Самодовольный, он выходит вон. И вновь её задумчивый вопрос:

— А правда, что эксгибиционистов голыми хоронят?

Ни раз не повторяется повтор. Не раз приходит чей-то голос.

Чужеродная улыбка счастья на сером лике инопланетянина.

Вечный ветер со стороны египетских гробниц.

Покойник вышел ночью на прогулку.

Забытый в древности двойник Христа.

Живой и мёртвый. Лазарь.

Дуалит.

Меня однажды бабушка перевела через дорогу, говорю я.

Макс ухмыляется. Мира сидит рядом с ним на диванчике. Мы

— в квартире Макса. Сейчас: сумерки вокруг нас. Скоро совсем темно станет…

Давно «системных сбоев» не было, зачем-то произносит Мира.

{Абсолютно идентичные аварии совершенно одинаковых машин с разными номерами; одна и та же песня по телевизору и радиоприёмнику в одно и то же время; одинаковые чувства очень разных людей при просмотре очень разных фильмов одного режиссёра; звонки по телефону с того света; приобретённые в процессе покупки наркотические качества совершенно ненаркотических препаратов; и прочие (по словам Макса) «падения↔сов»}:

Глаза Миры как у девочек в японских мультиках. Большие и красивые, словно всегда влюблённые в собственное сияние.

Прямо сейчас, внутри молодой темноты ночи, хлынувшей в квартиру через балкон, она то и дело поглядывает на меня.

— Это всё не я/ Это всё не я/ Как я мог жить лишь без тебя… — мягко напевает Макс как будто только для себя.

Я подхожу к шкафу |там на открытой полке лежит стопка листов, сшитых жёлтой ниткой|. Это сценарий Макса. Его «бесценная» рукопись.

Читать её тяжеловато — у автора почерк ужасный. Крупные, некрасивые буквы обведены несколько раз в разных местах текста.

Я открываю 16-ую страницу. Макс с интересом наблюдает за мной.

Поворачиваю книгу куда-то к тебе, чтобы можно было видеть хотя бы это:

Прямое поп ад *ание* в Нирвану. *До* т **я** ни до *тени. Все пятна вины. Ступаешь тоскливо — внутри за предел* ами *мира. За тобой не следят дыры глаз* бес *конечной* тоски. Он *поднимает голову. Стигм* аты *смотрят тьмой.* С *покойным взгл* яд *ом мертвеца глядит на своих мучителе* й.

К голгофе с лет *аются тучи… Человечество* из *начально нас* троено *пла* нета *Вавилонской башни. Синий винил нашей вены пород* ил *силой своего больного* **псих0вство** .

С трудом прочитав это во тьме, я смотрю на автора. Он смеётся.

Понравилось, спрашивает.

О чём книга, отвечаю я вопросом.

Ни о чём, поясняет Макс. Там говорится, что жизнь — это память. Все её события и моменты — воспоминания перед смертью. А когда они заканчиваются, ты становишься свободным, снова попадая в Ничто.

А если ты в этих «воспоминаниях» теряешь память,

спрашиваю.

Всё равно это твои воспоминания… Ты помнишь потерю памяти, говорит Макс. А ещё что там? интересуюсь я. Роман-сценарий покоится у меня в руках. Там есть Храм Проклятых, серийные убийцы, подопытные клоны Спасителя, правое окно слева, крах всей системы, Армагеддон и сам Иисус Христос, объясняет Макс (по-моему, он вспомнил только малую часть).

Мира говорит: и как же ты её назвал?

Я долго смотрю на титульный лист и, наконец, читаю: «Тот — Темнота».

Мира уходит на балкон поговорить с луной, а Макс достаёт сигарету из кармана клетчатой рубашки, надетой поверх зелёной футболки с длинным рукавом и надписью "НЕНАВИЖУ ВСЁ", вживлённую на грудь.

Закуривает. И говорит мне:

— Спиши немедленно фразу "Спеши медленно".

После «смерти» Кристины (сердце, освобождённое из плена грудной клетки) он побрился наголо. Переживает, что ли? Непохоже на него…

Я положил роман на место. Тут же лежали аудиокассеты: Slipknot, КоЯn, Prodigy, SOAD, Amatory, Биопсихоз, Mudvayne, Crossbreed, Black Sabbath, Dry Kill Logic, Judas Priest, Disturbed, Demon Hunter, Motograter, Stone Sour и Sevendust.

Кто больше нравится? Спрашиваю. Макс затянулся, задумался.

Да в целом — все эти группы… под них хотя бы не уснёшь, говорит он, окружённый дымом. Тогда я отворяю дверцу шкафа. Внутри клубится тусклый жёлтый свет, такой, что видишь стопки видеокассет и дисков. Культавуха, как Макс их называет. Его лучшая коллекция фильмов: Бойцовая рыбка, Земля, Видеодром, Малхолланд драйв, Безумный Макс 2, Идентификация, Коровы, Помни, Выход, На игле, Быть Джоном Малковичем, Реконструкция, Титаник, Матрица, Dante\'s Inferno, Дьявол и госпожа «Д», Богиня: как я полюбила, Изгоняющий дьявола, Видок, Pulp Fiction, Se7en, Кафка, Сталкер, Машинист, Old Boy, Пьянь, Нечто, Список Шиндлера, Страх и ненависть в Лас-Вегасе, Слон, Бешенные псы, Человек-слон, Шоссе в никуда, From Dusk Till Dawn, Песни со второго этажа, Бойцовский клуб, 21 грамм, 9 с половиной недель, 9 жизней Томаса Каца, Рыжая белка, Молчание ягнят, Прирождённые убийцы, Summer of Sam, Сердце ангела, Достучаться до небес, Shutter Island, Донни Дарко, Inception, Престиж, Apocalypto…

Мира заходит в комнату (за ней опять сочится темень). Луна уже повернулась боком, оставляя свой полумесяц. Он виден

хорошо через окно. Я же вижу три книги на слабоосвещённой полке.

Лотреамон, Рембо, Бодлер… Смотрю последний раз и закрываю шкаф.

Макс бросил окурок на пол. Наша «девушка-снег» нежно погладила его по лысой голове и улыбнулась мне. Кажется, Мира меня любит.

Макс идёт на кухню поставить чайник.

Я хочу сказать Мире что-то очень важное. Кто же мной сейчас-то играет?

Какая-нибудь девчонка… Люди постарше меня не выбирают никогда. Крутые парни тоже не любят таких персонажей прохождения. Может, девушкам хоть нравлюсь? В качестве игрока.

Разумеется, в голову мне ничего не приходит. «Новых сообщений нет.»

Я просто смотрю на её ноги, грудь, шею, лицо… Всё в Мире красиво.

Она глядит мне в глаза так, что во внутренней палате Дурдома НеБытьЯ менR сразу навещает мысль: я могу видеть звуки и читать мысли…

Пошли пить чай, просто говорит Мира. Скоро кто-то придёт.

Я знаю точно, что она права.

Бывает, к нам заходят ночные гости. Всегда разные (но одинаковые по структуре элементов).

Мы с Мирой идём на кухню. Там, прислонившись к подоконнику, Макс снова курит. Дым липнет темнотой вокруг него. А на столе — четыре кружки с чаем и пятая, пустая… Для Кристины.

Я хочу узнать, который час. 22:30? Полночь? 2 ночи?

У Макса все часы идут по-разному. Всё неправильно.

Звонок в дверь.

Мы идём открывать. Темнота — за нами. Открыли. Темнота тут как тут.

А с ней — очередной гость. Не нашедший покой.

«Мертвец».

Старик, когда был молод, задумал написать роман. Бессмертную книгу человечества, которая смогла бы отразить всё то, чего не сделал Бог.

В год Старик писал по о1дной странице. Всего их вышло 66.

На эту «вечную книгу» он потратил всю свою жизнь, и не было для него ничего дороже. А когда захотел Старик дать её кому-нибудь прочесть, то понял — нет у него никого. Только

книга.

Тогда он сел у зеркала и прочёл её самому себе.

И умер от сердечного приступа.

В последствии его «самый важный» роман опубликовали с трагической историей жизни (и смерти) автора в предисловии.

Книгу Старика прочли миллионы…

Быть может, в ней написано про пятерых друзей: трёх девушек и двух парней, которые не живут, а «играют». Но постепенно они выходят из Игры.

А игра такая, что даже если пройдёшь её до конца, она не закончится.

Из выше сказанного вытекает ниже сказанное:

Мы все во сне играем своими жизнями…

А **мы** — то, кстати, сейчас что делаем? Спрашиваю я.

Мира пристально смотрит на замолчавшего Макса. Тот проводит ладонью по своей голове. И что-то отвечает мне. Вообще, он, по-моему, прекрасно видит, что из-за странного шума в ушах я ничего не услышал.

Макс улыбнулся, слегка прищурил глаза. Не хочется мне его переспрашивать. Я говорю: я иду спать. Кто со мной?

Мира говорит: ладно, пойдём заниматься сном…

Макс вынимает из пачки новую сигарету. Весёлый танец огонька зажигалки на фоне полумесяца Луны. Слиянье с кончиком. Табачный дым.

Макс полон всяких историй.

Он считает, что ВСЯ история основана на реальных событиях… Но здесь мой {С}О{Н}: Ты с твоим глупым, но понимаемым всеми, другом идёте в заброшенный Богом зал спорта и мужества, где при помощи неведомой и абсолютно никем не управляемой силы скрепок между мирами распороли(ли) дверь в соседний бардак.

Миазмы пространства. Из коих в нашу среду прорвалась какая-то гадость.

И мерзкие твари смешались с людьми.

Вы (ты с твоим другом), чтоб не стареть с каждой звездой, сначала затеяли матч по футболу по всему, поросшему шипами и черто(пере)полохом, периметру зала. Играли с какими-то девками.

Они все синхронно разделись и удалились одеваться в раздевалку. Ты и твой хренеющий друг прошли в коридор, где толкучка волнующихся решала, что теперь делать. Довольно жарко и томно, и только ваш старый знакомый был в тёплой одежде. Чтоб соответствовать жа́ру, он поместил на себя женскую шубу, такую же шапку, а на ноги вздёрнул сандалю и тапок в виде

кровати.

Вы пообщались, вы подождали, а очередь всё же решила, кто будет решать, как миру жить дальше.

Какой-то мужик просто вытянул в потолок руку и крикнул:

— Я главный! Теперь я всем буду!

А вы с твоим другом прошли мимо задавленных лифтов, разрезали бумажную дверь на этаж и стали спускаться (но вниз подниматься) по всхлипам трёхмернорисованых лестниц.

Раздвоенный вид окон искажал чей-то город снаружи.

Вы внутри. Идёте мимо прозрачности стекла на звуки призрачного мира, проклятьем скованного уже как несколько минут. По чьей вине такое вдруг случилось? Молчит твой глупый друг в ответ на голос ниоткуда.

Внезапно плавится стекло и с визгом рвётся громкость пустоты — а ниже этажом уже пылает огненная тварь из Пекла, похожая на твоего собрата по вечности конца как капли две колодезной воды.

Вот эта тварь и твой не храбрый друг так увлекательно орут дуэтом, что тебе сразу становится ясно примерно следующее:

ВАМ ПОРА СВАЛИВАТЬ ВСЁ НА ДРУГИХ…

Или хотя бы переладить со всех одушевлённых предметов ваши отпечатки пальцев правой руки на левую.

Адская тварь не живёт и не ждёт — летит через пролёт, пылая жаром.

В общем, она гоняется за вами по всем лестницам сразу, но с некоторым холодком по отношенью к вам (видимо, не очень хочет пачкаться о парочку уродов). Из темноты презентуют секаторы и ножницы и бензопилы, но вы с идиотом-другом отказываетесь принять подарки помощи, в силу быстроты движенья по ступенькам вы просто не успеваете их взять.

Пылающая тварь всё ближе держится вдали.

Одна из девушек-близнецов-тройняшек, поджидающих кого-то из демонов памяти на этаже, выполненном под осеннее кладбище ночью, прицельно указует в преображенье жгучей инфернальной твари, прискорбно опадавшей ворохом листвы у встретившейся на пути могилы.

Твой туповатый друг и ты благодарите трёх близняшек и приспускаете себя по лестницам всё ниже ничего.

Ты у дверей на улицу один. Протиснувшись вдоль двойственности темноты через кубическую группу входа, ты выбираешься на свет, которому, возможно, скажут "НЕТ", и очень скоро.

Какой-то сумасшедший бомж, сидящий на асфальте рядом с

дверью, глядит тебе в глаза и тяжко предлагает выпить.

В столь ясный тёплый день планетой овладело беспокойство.

Когда конец? — смешной вопрос из зала.

Бомж игнорирует тебя, ты игнорируешь бомжа, все неотступно ожидают быстрой смерти мира. Концовка будет сладкой и красивой, ты внемлешь ей, но…

Он, твой бестолковый друг, вышедший сквозь чёрно-белый вход, вступил в случайный разговор со странными любителями вспышек и договорился спасти планету (или хотя бы Вселенную) с помощью краски.

Апокалипси(хи)ческий беспредел нарастал, улицы наполнялись безумцами, желавшими не быть собой, случись Последнее Прощанье.

А вы: две сущности пространства: ты и твой лучший друг направились к закату изменений мира краской.

Макс, Мира и я резво выбегаем из городской психушки.

Туда легко попасть, но трудно выйти (только не нам)…

Мы втроём «влезли» туда пару минут назад, постояли в холле, будто в новом доме осматривались, а дальше подошли к регистратуре. Макс попросил определить нас здесь до истечения бесконечности, а «лучше — ещё на большее отсутствие времени».

Приёмная медсестра поглядела на нас как на психов.

Затем спросила «Зачем?»

— А может, мы — самые лучшие сумасшедшие… — убеждал её Макс.

Для окончательного завершения уговоров Мира дала регистраторше хорошенько меня рассмотреть (я как раз надел свою маску: кривую кожаную рожу со змеями шнурков вместо волос).

Не помогло. Психушка оказалась переполнена.

Нас выпустили, так и не приняв.

— На свободе! Наконец-то! — весело орёт Макс на всю улицу.

Ошарашенные прохожие останавливаются, оборачиваются, утыкают в нас свои зрачки безумных глаз. Мира дико хихикает им в ответ, а я бегу прочь от психбольницы, по-дурацки раскинув руки в стороны. Макс тоже бежит, но болтая руками так, словно взлететь не может. Мира с чужой фамилией наперевес преследует нас в образе злобной врачихи.

Это (как бы) настоящая свобода. Мы делаем, что хотим…

Ещё мы побегали по простым больницам, пугая персонал и посетителей. Просили там телефон, чтобы «выбраться из матрицы». Нам отвечали смущённо-недоверчивым молчаньем.

Зато нам удалось встретить Выключателя. Этот тип разгуливает в белоснежном халате, притворяясь высококлассным

врачом, заходит в палаты коматозных больных, чтобы отключить «механическим растениям» приборы их жизни. Короче, ходит и вырубает людей из розетки.

Дальше мы опять шли по летней улице.

Жаркую синеву неба резали золотые лучи.

Оценка погодных условий от Макса: солнце работает во всю.

На Максе, кстати, лёгкая спецовка-комбинезон. В ней он выглядит как космонавт с Луны, выпавший из пули корабля при приземлении.

У торгового центра (вселенной) мы заметили парнишку лет пяти. Он очень настойчиво просил огонька. В руках вертел сигарету. Все мимо него проходили, держа в руках свои покупки.

Какой-то дед тоже заметил мальца.

— Идиот малолетний! Ты же подохнешь, тварь! — отчитал он «младенца».

А спички всё-таки дал. Малец неумело закурил, втягивая пары ядовитого счастья. Дед пошёл своей дорогой, мальчуган — своей, а мы зашли в магазин.

Товарно-денежный Рай. Всё, что вашей душе угодно! От зубочисток и туалетной бумаги до телевизора величиной со шкаф.

После долгих прогулок кругами я пробрался в «продуктовый» отсек. Остановился у одного интересного отдела, который почему-то пустовал.

Мира подходит ко мне будто из самого Ниоткуда. Она же была в секции видеоодежды (по-моему, стащила оттуда новые вещи).

Теперь на Мире: синие кроссовки, чёрные джинсы, белая футболка и чёрная курточка. Спереди по футболке размазано кроваво-красное пятно, которое никогда не высыхает.

— Какой выбор товара! — восхищённо произносит она и хитро на меня косится. Перед нами — абсолютно пустые полки. Отдел не работает.

Мира улыбается, и я тоже. К нам не торопясь подходит Макс, катя перед собой ржавую тележку. На дне тележки лежит прозрачный пакетик с надписью «чипсы со вкусом таблеток», а в нём находится что-то тёмно-коричневое. Это дерьмо… Я оглядываю полки других продуктовых отделов.

Чёрная плитка под ногами покупателей. Белый пластик над их головами.

А на прилавках — фекалии, завёрнутые в пакеты, упакованные в красочные коробочки и обёртки. Кое-где видна блевотина. В бутылках — урина.

— Интересно, правда? — говорит Макс и ухмыляется мне.

Мира перекладывает пакетик «чипсов» на прилавок пустого отдела, после чего советует Максу забраться в тележку. Тот усаживается в этот «железный гроб», и мы с Мирой катим его к кассам. По дороге я успеваю услышать выражение «Дурдом на выезде!», метко брошенное в нашу сторону.

Охранники у касс чуть было не стреляют в нас, но смешливые кассирши наперебой вымаливают нам прощенье. Макс, правда, отказывается покидать сектор («пока его не выкупят друзья») и, пытаясь влезть на «кассовый подиум», требует, чтоб его «оценили».

Вместо этого Макса вежливо выпроваживают вон.

— Своей же яростью себя вы проклянёте… — не расплескав достоинства, охранникам чеканит он.

Мы поднимаемся на второй этаж. Там продают игрушки, часы, ювелирные изделия, сотовые телефоны, постельные принадлежности, сантехнику и прочее. Самые необходимые вещи первостепенной важности.

Всё, сколько бы оно не стоило, покрывается пылью, говорит Макс, пока идём по лабиринту торговли. Заходим в отдел со шмотками. Распродажа. Много людей. Все — выбирают, примеряют, покупают. Распродажа…

Мира проскальзывает в свободную примерочную (кабинка-раздевалка в виде труп-мешка). Я и Макс — за ней следом. Тесновато втроём.

Мы притворяемся манекенами (очень талантливо), когда в примерочную хочет войти покупатель — женщина, наверняка, с распространённым именем… Мы удивляем её своим существованием. После этого момента времени игры Мира невозмутимо подходит к старшему продавцу и говорит:

— Здравствуйте, арестуйте меня…

Приобретя себе отличное настроенье, мы покидаем торговый центр.

Идём по городу и веселимся, вспоминая, что мы ещё могли бы сделать.

В маске мне становится жарко не только от взглядов прохожих. Но я не смогу её снять. Для этого нужно вернуться в квартиру Макса и посмотреться в зеркало в прихожей. Издалека Мира замечает роскошную брюнетку, раздетую в короткое платье. Красотка, явно привыкшая к восторженным выстрелам глаз и, конечно же, отлично знавшая себе цену, граци(гранди)озно вышагивает нам на встречу. Когда мы поравнялись, Мира шлёпнула брюнетку по заднице. Та остановилась, растеряно **о** ткрыла рот, уставилась на Миру (взгляд из-под тёмных очков, подходящий для ситуации «красавица и психи»). Мира

внимательно изучила все нервные окончания реакции девушки, а потом вкрадчиво предложила:

— Выходи за меня…

Резко развернувшись на шпильках, красотка зашагала прочь.

Приятно наблюдать даже за тем, как она уходит.

— А мне она понравилась, — сказал Макс весело. — Сексуальные губы…

Мира, решив поправить мне маску, произнесла примерно это:

— Молодой писатель жил в вагончике посреди поля. Бесконечное 8осемь (Забыл, как забывать… Теперь я помню вечно.) Бессердечная ос8нь…

Когда он выходил за пределы своего романа, то прогуливался до берега реки, с наслаждением цитируя про себя полёты мёртвых листьев. Деревьев не было на тысячи шагов вокруг (по всей видимости, палая листва попадала сюда с планеты другого фильма).

Никакой живности, никаких людей. Бескрайнее поле одинокого разума.

— Этот пришёл. Весь смеётся… (Писатель то и дело слышал чей-то голос, так что проблем с собеседником у него не возникало.)

Ведро воды (как будто слёзы снега). Постоять на берегу (передышка перед возвращеньем), немного поглядеть твой сон сквозь отражения в реке.

И назад — за работу.

Роман, надо признать, продвигался долго. (Постоянно влезал образ Адского Купидона — демона в маске сварщика с рогами, который всячески отвлекал писателя). Купидон пробовал приварить героев книги друг к другу так, чтобы они даже умирать вместе пытались. В ответ на эту подлость писатель плескал водой в металлическое лицо маски Купидона, чем и спасал неспешное продвижение сюжета (Адский ненавидел воду).

Однажды литературный жилец вагончика, мучимый скукой, попробовал раздвоить свою сущность, но ничего не вышло (снова появился Купидон и бесцеремонно нарушил процесс). Писатель обсудил свою неудачу с голосом невидимого собеседника, после чего лёг спать (а во сне закончил долгий роман).

Никому (кроме него) не понравилась книга. (Он выбросил её в поле.)

Сухие слезинки дождя — и она проросла. Молодой писатель стал заботится о странном растении. Отныне ведро воды делилось на троих: росток, он сам и Купидон. А время дальше шло — Так вырос клён.

Когда была гроза, не молнии боялось дерево, а грома. В такие

неспокойные моменты писатель на пару с голосом уговаривали клён укрыться в вагончике (страшась воды с небес Купидон не посмел бы заварить дверь).

У **гроза** миновала, и клён возвращался на место. В ос8ень.

Из-за «инопланетных» листьев книжное дерево не оставалось облетевшим. Никогда.

Писатель же, смотря твой сон, стал собирать (как зёрнышки) характеры других героев… «к» ни «г», а самая последняя буква…

Через полчаса мы добрались до здания городской библиотеки.

Макс идёт внутрь первым, мы с Мирой следуем за ним. В огромном холле слишком пусто. Прошли по «книжным» этажам и залам — никого…

Мира берёт с ближайшего стеллажа какую-то книгу в белой обложке. Долго листает её, потом ставит на место. Оказывается вся книжка состоит из повторения одной страницы. На всех листах отрывок одного и того же текста.

— Зато легко прослеживается основная мысль, — смеётся Макс.

Мира ради интереса берёт другую белую книгу и принимается читать вслух самую первую страницу:

> Блондиночка + Я… Полярные поляны снега.
>
> Мы шагали вне бури и даже не хотели замечать, что она внезапно прошла мимо нас — навсегда… Ледяные осколки (как зубья пилы) торчат из промёрзших деревьев. Спокойное небо, мерцающий снег так похож на бледные листья бумаги. Блондиночка листает свой чёрный блокнот, глядит на часы. Время (обеда) закончилось. В кафе почти никого: пара покойников, священник и я… Она убирает в сумку блокнот и быстро шагает к выходу мимо меня, даже не захотев заметить шикарную фотографию ледяной бури, которая до сих пор висит у меня за спиной… Я встаю со своего места, иду к этой фотке и выключаю изображение в рамке — навсегда(?)
>
> Выйдя из кафе, Блондиночка спешит по коридору к лифтам. Один короткий взгляд в иллюминатор — и ей сразу ясно: дирижабль уже набрал высоту… Скорее в лифт! Она успевает в самый предпоследний момент перед тем, как я чуть было не закрыл двери лёгким нажатием кнопки.
>
> Блондиночка вежливо улыбается, едва посмотрев в мою сторону… Мы очень молча едем на нижний уровень

«Туманного Сна» (такое имя дали нашему дирижаблю несколько тысяч лет тому сейчас)…

Только я решился сказать ей хоть что-нибудь — двери лифта открылись. Вот я смотрю, как она (без единого намёка на мысли обо мне) быстро уходит вдаль коридора…

Блондиночка — Я… Мягкий песок океанского пляжа. На ней удобный купальник чёрно-небесного цвета. Она с интересом читает статью о бесследном исчезновении самого старого дирижабля планеты, а склонённые пальмы словно заглядывают ей через плечо, пытаясь узнать — что же там пишут в этой газете…

Чешую и рыбьи внутренности я завернул в газету, покинув свою ещё не обжитую комнатушку, пошёл выбрасывать в мусоропровод (чтоб не копить эту мерзость в помойном ведре)… Блондиночка спускается по лестнице мне навстречу: на ней зелёный дождевик (ведь на улице осень и дождь)… Она неловко задевает меня локтем, беспардонно выбив свёрток из моих рук — фарфоровый букет цветов в виде бутылки дешёвого вина, обёрнутый подарочной бумагой — падает куда-то вниз и разбивается о ступеньки…

Блондиночка +— Я… Огненный смерч палой листвы гаснет на дне весеннего ручейка. Умирающий снег без возврата тает под ласковым солнцем. На деревьях воскреснет листва…

Блондиночка ждёт меня за нашим любимым столиком в полупустом кафе.

Ей не нужны цветы, какие-то подарки… Ей нужен только я — навсегда.

Блондиночка смотрит на весну за окном и с волнением ждёт, когда я приду… Она хочет сказать мне, что любит (очень сильно любит) одного лишь меня, и никто ей больше не нужен…

Она заказывает ещё кофе (а позже ей придётся повторить свой заказ несколько раз)… Потому, что я так и не приду.

Я — мягкий песок океанского пляжа…

Я — огненный смерч палой листвы…

Я — поле полярного снега…

Блондиночка смотрит через весну за окном (и больше не ждёт).

Медленно, но без сожалений, вычеркнув моё имя, она закрывает свой чёрный блокнот…

Ледяные зубы пилы изображение в рамке лифт набрал высоту туманного сна тысяч лет без намёка удобный купальник пытаясь узнать рыбьи внутренности обёрнутый подарочной бумагой гаснет на дне в полупустом кафе…

Блондиночка глядит на часы.

Время закончилось.

Эхо хлопка закрытой обложки.

— Добро пожаловать в нормальный мир, — а это голос Макса.

То есть — всё то же. Мира швыряет книгу в другой конец зала, та бьётся о самую дальнюю полку, задевает другую книгу, и обе они падают вниз, раскрывшись на разных одинаковых страницах.

Теперь мы замечаем, что на каждом стеллаже стоят эти белые близнецы-книги. И все страницы в них, как одна единственная…

Уже на улице нас застаёт летний дождик. Туч почти нет, солнце по-прежнему светит. Идём дальше в глубь города, и дождь заканчивается.

На асфальте у крыльца аптеки лежит пожилой мужчина. Редкие седые волосы спадают на пожелтевший лоб. Потёртый пиджак выгодно дополняет драные брюки. Старик закрыл глаза. Он как-то тяжко дышит.

Неужели умирает…¿

Макс говорит: когда же я в гробу валяться буду?

Посетители аптеки осторожно перешагивают через старика, больше стараясь не испачкаться, чем не навредить. И вот неожиданное спасенье! «Скорая помощь» медленно катится в направлении подыхающего пенсионера. Сейчас они ему помогут…

«Скорая помощь» неспешно проезжает мимо.

Мира робко склоняется над стариком. Вам плохо? Спрашивает она.

Тот просто пьян. Ему хорошо… Он пытается лапнуть Миру за грудь, но девушка вовремя отстраняется.

Со странным ощущеньем неприятной раздвоенности внутри мы уходим и не можем слышать, что говорит старый алкаш нам вдогонку…

Из ближайшего видеомагазина Макс вышел далеко не с пустыми руками.

Он «даром купил» несколько фильмов: «Тариф на лунный свет», «Безумно влюблённые» и «Амели».

— Отличный выбор, — сообщаю я Максу, вынимая из

кармана плотно свёрнутый чёрный пакет. Сумка Персея.

— Да… «Амели» специально взял. Всё никак не мог досмотреть…

Мира конфисковала у него «награбленное» и, положив кассеты в пакет, вручила их мне.

Мира стоит около прилавка с мороженным внутри круглосуточного магазина с нарушенной перспективой. Я наблюдаю за ней с улицы через зеленоватое стекло витрины. Отсюда пространство торгового зала напоминает каменные кишки. Вот Макс указывает мне на странного парня, у которого на футболке надпись «Все красотки — проститутки». Он специально выпячивает грудь, чтобы покрасоваться своей надписью (ведь сам пришёл к этой мысли).

— Нет, — улыбается Макс. — Голоса подсказали.

Между тем, этот парень приблизился к Мире и робко у неё спросил:

— Скажите, у Вас любви со мной не будет?

Красотка Мира пообещала ему «ночь горячей любви» в обмен на его дрянную футболку.

Парень мужественно отказался.

В это время я и Макс заходим в магазин, нагло хватаем Миру за руки и тащим к выходу. Она сопротивляется, кричит, зовёт на помощь и начинает пинаться, пару раз больно попав мне по щиколотке. Покупатели, продавцы и даже сонный охранник — все *равно* душно (не без интереса) смотрят за сценой дерзкого похищения. Мы выволакиваем Миру из магазина. Ведём её до ближайшего поворота во двор, там останавливаемся и смеёмся как сумасшедшие. Социальный эксперимент окончен.

Неподалёку расположена школа, главная гордость которой — слово FU2K, высеченное на дверях помадой. В итоге Макс с Мирой, представившись студентами психологического факультета, провели у восьмиклассников крайне интересный урок шизофрении на примере человека, носящего вместо лица уродскую маску.

То есть — на примере меня.

Могу только добавить, что детям мы, вроде, понравились. Все девочки класса захотели поближе познакомиться с Максом, а мальчики, конечно же, с Мирой. На меня им было в общем-то наплевать, но я не обиделся. Дети…

Звонок прозвенел, и мы покинули школу.

Проходим пару кварталов, потом ещё пару…

К вечеру мы случайно встретили Человека, Который Всех Знает.

«Идёшь ты и смотришь: этого вчера видел, эту вижу опять…»

Он был простым бродягой и говорил бичеватым голосом. Зелёно-ветхое пальто, спутанные волосы (длинные пряди грязи из-под шапки), тёмно-серая борода, будто трава на могиле; рваные чёрные брюки, свитер как капкан для призрака, изношенно-драные ботинки и груда пожитков, которые он таскал с собой в тележке из супермаркета.

Мы поприветствовали его, а он сказал, что знает нас.

«Возненавидь дальнего своего как самого себя…»

Который Всех любезно согласился пройтись с нами немного.

Макс спросил: тебе трудно смириться с тем, что ты знаешь каждого в мире?

— Нет, — ответил ему Человек. — Труднее всего принять Знанье о тех, кого никогда не узнаешь… Они мертвы, либо не родились.

Мы попрощались, и он покатил свою тележку куда-то ещё…

На серой стене дома висел таксофон.

{12-97-24-99 — звони сюда по этим цифрам}

Он покорно врос в свой красный ободок.

Люди используют такие вещи для общения друг с другом.

Макс снял с рычага трубку и положил на прямоугольный корпус аппарата.

Мы пошли дальше, вниз по оживлённой улице.

— Зачем ты это делаешь? — интерес вопроса Миры.

Макс ответил: люди многого не видят. И не слышат. Так у них хотя бы может возникнуть вопрос — кто это делает? Зачем? Почему снимает трубки уличных телефонов? Кто-то невидимый, в их понимании вообще несуществующий… Люди хотят вернуть всё назад. На прежнее место, проявляя негатив равнодушия ко всему. Стоит только прислушаться, как сразу становится ясно: что-то не в порядке. Тогда они могут отбросить своё безразличие к происходящему помимо их жизни. Наконец у них появляется возможность прислушаться к самим себе по-настоящему.

Но не многие возвращают трубку обратно на рычаг…

Имеющий уши да услышит, говорит Макс.

Мира понимающе на него смотрит. Я же не понял вообще ничего.

Спрашиваю: кстати, как заканчивается твоя книга?

Он весело глядит мне в глаза и говорит: хорошо… все умирают.

Сегодня мы играем в гости.

Основная задача: зайти домой к незнакомому человеку (при условии, что он сам нас впустит) и провести с ним какое-то время.

Ради такого случая Мира надела чёрное подвенечное платье в

обтяжку.

Макс нарядился в свой комбинезон и раскрасил лицо «под вокалиста своей любимой группы», а мне ничего не оставалось кроме кривой кожаной рожи со змеями шнурков вместо волос (то есть — моей маски).

Мы покинули квартиру Макса. Игра началась.

…В много-многоэтажном доме № 18 на соседней улице во всех квартирах живёт одна и та же старушка. У неё фиолетовые очки в форме двух кошачьих голов, за которыми совсем не видно глаз… Она нас так и не впустила.

…Но нам удалось погостить у старого учителя, давно вышедшего на пенсию. Поначалу он принял нас за свои галлюцинации (о чём сразу себе и сообщил), а когда мы представились «командой экзорцистов», пригласил в квартиру. Скромная обстановка, множество книг, серая кошка на подоконнике (Макс деловито стал расспрашивать её про местных демонов и злобных духов, пожилой же хозяин жилища заметил, что «кроме соседей — таких здесь нет»).

— Всё нужно проверить, — строго вымолвил Макс и начал бить по батарее.

Мира обошла все комнаты с церковной свечкой (которую забыла поджечь).

А мне досталось внимательное изученье всех зеркал и ванной.

Макс проверил чёрные дыры вентиляции. Старый учитель наблюдал за нашими действиями с таким видом, что становилось ясно — в роду у него имелись психи.

После окончания «обряда» Макс заверил хозяина помещений в необходимости провести нам троим ночь в «этой дьявольской утробе».

Ответом старика стало полное выдворение нас из квартиры.

…На Горькой улице мы заприметили небольшой частный дом с постоянно горящей крышей. Но заходить почему-то не решились.

…Дверь под номером 96 открыла девчонка лет 13-ти. Мы представили себя как продавцов наслаждений. Мира показала ей пакетик с аскофеном, а Макс сказал: если принять эти таблетки, акт сновидений может длиться два года.

Девочка красиво улыбнулась, но промолчала. Пока она строила глазки Максу, из глубины квартиры вышел страшный дядька и поинтересовался целью нашего прихода.

Блондинка в чёрном Мира ему всё популярно объяснила.

— Всем спасибо, все свободны, — сказал он таким тоном, словно имел в виду: все живые, все подохнут. И закрыл дверь.

…К вечеру мы вернулись домой. Сегодня мы играли в гости.

Мы решили снимать фильм

Небольшой документальный видео-шедевр, как о нём отозвалась бы Мира

В фильме я в маске, а Макс загримирован краской

Мои глаза — две чёрные дыры

А у него глаза как две 8осьмёрки: круг яблока под верхним веком и над нижним: луна и солнце, бог и сатана — два отражёнья двух зеркал, два отражённых взгляда

Весь монтажный процесс Макс хочет осуществлять под песню Илл Нино (Ill Nino) — When It Cuts

Максу, кстати, приснилась Машина Пространства

Он захотел ввести её в фильм

По его словам — она представляет собой вагончик посреди поля, напоминающий пустой ящик, который может превратиться во что угодно

Во сне Макс и я разъезжаем по городу в Машине Пространства (ставшей мусорным контейнером с джойстиком вместо руля и сломанной стремянкой, наспех привинченной к колёсам)

Кажется, что управлять Машиной можно только при помощи чуда

Мы ищем Миру, но она сама нас находит

Машина Пространства формирует себя раз за разом (похоже на череду фотографий, которые сливаются в бесконечность)

Мира оделась для съёмок в кино весьма подобающим образом: на ней чёрная смирительная рубашка, обрезанная под топик; леопардовые сапожки со вкусом крика и чёрные стринги

Словно голый, стоял человек

Мы хотим предложить ему дружескую помощь, но он вежливо отказывается «быть понятым» (и с подозреньем пялится на Миру)

Антифизическая Машина Пространства может преображать любые предметы, меняя их запахи

Мы останавливаемся, чтобы снять кое-какие сцены на фоне очень живописной натуры (Мира стреляет камерой)

Второй «стреляет» в себя из пистолета-зажигалки, Первый подкуривает от огонька у виска

Двое непринуждённо беседуют, говоря в трубку таксофона, которую передают друг другу

Виновный взгляд

— Ты успела опоздать на 666 секунд

Маска Темноты Макса

Плавный поворот камеры: улыбку Миры невозможно не

простить

Зелёные облака уносятся прочь

Из открытого люка на мраморной стене обелиска вырывается смерч

Чёрная воронка штриховых и сплошных линий скользит в нашу сторону

Мёртвые отраженья всех пуль, использованных при расстрелах со времён появления мира — вот истинное тело смерча

И он смертельно близок к нам

Машиной Макс спокойно изменяет его физический состав — у наших ног кружатся листья

Всё зафиксировано камерой

Снимаем дальше: бег назад (прохожие затянуты игрой, а лица их остались дома); спор Солнца и Луны; зелёная вода фонтана

Крест у Христа за пазухой

Кривая кожаная рожа со змеями вместо волос

Перемотка в будущее (20 секунд)

Макс, Мира и я с куском стекла стоим на крыше оседающего небоскрёба

Строенье умирает вниз-вниз-вниз

Мы ещё успеваем сыграть в «передатчик» (бросаем острое стекло друг другу), правда, я плохо ловлю самую резкую передачу Макса {самую последнюю}

Кусок стекла бьётся в агонии, поверхность крыши приближается к земле под музыку MuDvAyNe — Not Falling

Мало, совсем м(алло…) времени, но мы ещё успеваем залезть в Машину Пространства и унести паденье здания подальше

Расслабленно смотрю сквозь камеру на Миру, которая следит за быстрой сменой пальм на кипарисы вдоль нашего пути

Макс где-то раздобыл круглые очки сварщика (в них он похож на акулу)

Он оборачивается к нам и говорит: нельзя останавливать фильм, иначе мир остановится

Не будет обновлений, всё превратится в «Лёд»

И потому мы мчимся дальше

Наш объектив делает слепки миллионов мест на этой и других планетах

Сфокусированное давление звука

Плёнка давно замкнулась в себе (но это не мешает нам фиксировать божественные ароматы)

Машина Пространства заботливо даёт возможность видеть тайны чувств

Крошащиеся камни после предложенья Миры:

— Может, поиграем в прятки со смертью?

Ещё успеем, в другой раз

Игра в фильм не может продолжаться вечно, а чудеса, что двигают Машину, способны приходить и уходить

Мы снимаем сливки Истории, беря крупным планом легенды

Любые новости теперь станут обычной рекламой

Вот я показываю крушенье «Титаника» как видео-ролик кинокартины

Покупайте билеты на фильм

Реклама всемирного закона тяготения — падение самоубийцы с Эйфелевой башни; мёртворождение — реклама Смерти

Нет, мир не остановится (только ты сам)

Наша Машина движется в тьму (для камеры мы все — лишь кадры образов)

Макс, я и Мира: простая фотография на титрах (затемненье)

Чёрная дыра последней точки

Спад с крыши:

В самом центре адского августа сего года на патрульной волне был пойман и зафиксирован странный случай. Пара молодых людей оказались задержанными за совершение обмена между мирами.

Безумный Гнусный Джеймс и Сумасшедший Микки решили вызвать, как они объяснили, демона (некоего Пого), чтобы тот вылил над городом кровавый дождь. Нелепая пара лунатиков-идиотов облюбовала местом проведения мессы простую крышу дома.

Сияла ночь. Блистали звёзды. Ребятки запаслись курочкой.

Для совершения обряда Джеймс и Микки должны были измазать куриной кровью тело надувной куклы, а потом обменять её на вызванного демона. Но у парней ничего не получилось. Курица, мерзко матерясь, самоустранилась в тёмный подвал чердака. А надувная кукла зацепилась грудью за антенну и лопнула. После всего крышешественников полночно задержали какие-то силы в форме охранников правопорядка, натравленные бабушкой-смотрителем из соседнего дома.

Их повезли в участок. По дороге Джеймс слушал невидимую музыку, а Микки требовал «остановить самолёт». Хождение по ночному участку этих двух шаманов в поисках выхода напоминало компьютерную игру.

Наконец-то они нашли в карманах свои справки из Психушки, и их отпустили на экскурсию в местный отдел по борьбе с наркотиками.

Статью подготовила Мирина Чудова.

Мы идём и беседуем.

Снова звонил этот голос во сне, сообщает Макс мне. Он придумал нам новое развлечение… Будет весело.

Ты в этом так уверен? Спрашиваю я.

Сам узнаешь, говорит Макс и ухмыляется. Он уже предлагал поставить памятник памятнику. Я замечаю парня, идущего нам на встречу. Его футболка словно взрыв мозгов. "Screaming Mad Head" — на ней пылает надпись. Макс напевает приятным голосом: я твой звуковой, твоя пушистая скорпена — ты старый герой, пришла Харонова нам смена…

Затем говорит: голос в «телефоне сна» мне будто бы знаком, но вспомнить не могу… Может, он даже из будущего.

Я говорю: почему, интересно, голос звонит только тебе?

Макс неопределённо пожимает плечами.

Он уже предлагал прочесть «Шаманский космос» вслух и на ходу.

Мы обращаем внимания на всех и всё. Идём через центр самого сердца города. Слишком солнечно. Жара максимально раздела прохожих.

Какая-то системная еди1н1ица больно толкает меня плечом. Я [е2] ли не падаю. Ничего. Я привык к подобному обращению виртуальных личностей.

Макс иронично глядит на меня. И говорит: цианистый калий — последняя стадия антидепрессанта. Жизнь надо переносить, гордо стоя на коленях, с высоко опущенной головой…

Я вздыхаю. Как здесь появились люди? Спрашивает Макс больше себя, чем меня. Возможно, всех наших предков из Древности похитили со своей родной планеты? Пришельцы изгнали их из привычного «рая», поселили сюда. Поколение за поколением — так появились мы…

Я просто молчу. Смотрю по сторонам.

Может, Земля — специальный заповедник. Аквариум. Клетка. Вселенское гетто, рассуждает Макс. Инопланетные пришельцы, в нашем понимании близкие к образу Бога, «создали» нас сюда. И наблюдают за нами.

Смотрят, во что мы превратимся дальше. Развлекаются… Похищают нас для своих детей в качестве домашних животных.

Я говорю: почему инопланетяне должны быть обязательно с другой планеты? Возможно, они появились тут ещё раньше, чем мы.

Макс пялится на шикарную блондинку, идущую по перекрёстку.

Планирую сменить имя, сообщает он мне. Возьму, например, твоё…

Макс улыбается и говорит: уродство притягивает взгляд не меньше красоты.

Я спрашиваю: ты по поводу моей замечательной маски?

Он улыбается.

Он уже предлагал сделать пирожные "чипсы" из пирожного "картошка".

Дальтоники путают красный и зелёный. Обычно так и бывает… Получается, что летом все деревья, лужайки и кусты будут, словно осенью. Разглагольствует Макс. На углу ему вручают газету. Мы оба читаем колонку Мирины Чудовой о съёмках нашего фильма.

«Спад с крыши». Очень ошибочная статья…

Для того, чтобы быть кем-то, надо быть никем. Произносит Макс, на меня не глядя. Я говорю: нет. Чтобы быть кем-то не обязательно никем становиться.

Он с ухмылкой отвечает: чтобы быть никем — надо быть никем… «Я» — это звук, имеющий сходство с криком при атаке и отрицанием этого крика.

Он уже предлагал писать картины звуком. На нём сегодня: чёрный пиджак, серая футболка с надписью «DreamPlayer»; брюки в тон пиджаку + кроссовки жёлтого цвета. Новый игрок вернул Максу волосы (бритоголовость — Ctrl Z).

Макс говорит: «Бермудские лётчики»! Я внимательно гляжу Максу в глаза. Он продолжает: есть у меня тут одна идея… Для анимационного фильма. Нарисовать такое проще, чем в живую снимать… Сюжет пока очень примерный: на Флориде существует секретная авиабаза (можно в наше время, можно – 50\60 лет вперёд/назад, не суть важно)… Им в определённый момент приходит сигнал. Из рая, порой – из преисподней. Врубается сирена тревоги. Лётчики (тут важна интересная система героев, разработка персонажей картины) взлетают с аэродрома. И через «портал» Бермудского треугольника попадают в иной мир на своих самолётах. Где им предстоит сражаться на стороне ангелов Божьих, а то и за демонов Дьявола (смотря какой придёт сигнал по радио)… Вылет заканчивается. Кто выжил в этой бойне – возвращаются через «портал» обратно на базу. До следующего раза…

Макс замолкает, отвлечённый красивой брюнеткой (смуглая кожа, симпатичная чёлка, замечательный бюст)… Я говорю: мультик из этого, наверное, мог бы получиться…

Ага… Чудеса на виражах, смеётся Макс. Глядит «в спину»

прошедшей мимо нас брюнетке. Опять поворачивается ко мне и говорит: в «Бермудских лётчиках» должны быть важны характеры главных героев. Над этим надо хорошенько подумать… Также видеоряд — пейзажи адских впадин, высоты райских облаков. Но самое главное: показать двойственность человека. Лётчикам как бы всё равно, за кого биться. На чьей стороне воевать — определяет вызов по радиоточке (специальная разработка какого-нибудь гениального профессора)… Пусть это будет сериал. Туда можно приплести Атлантиду… все тайны Бермуд… даже пилотов НЛО, которые пытаются помочь лётчикам. И уж, конечно, пятёрку Тэйлора (пять самолётов, бесследно исчезнувших над треугольником). В мультике просто обязан быть м *о* мент, когда Бермудским лётчикам встречаются живые скелеты на «Эвенджерах», а командир Чарли Тэйлор так и ведёт их по просторам чужих небес…

Мы рабы выбора веры, говорит Макс, стоя у светофора.

Мы подходим к уличному телефону. Макс хочет совершить перезагрузку (как он это называет), она уже совершена. Кто-то другой положил трубку на корпус аппарата. У Макса появились последователи?!

Он усмехается, довольный. Я иду рядом. Макс спрашивает:

Когда, ты думаешь, Конец Всех Дней настанет?

Я смотрю на рекламный плакат «Будущее зависит от тебя!» Макс ухмыляется и в шутку говорит: будущее **от меня** зависит…

Мы попадаем в поток людей. В какой-то канторе начался обеденный перерыв. Служащие спешат за едой. Макс специально говорит громче: обычно убийство — это сублимация суицида. А ведь легендарный Ахиллес был, в общем-то, серийным убийцей.

Мифы Реальности перегружают игровой процесс, сообщает Макс «убавив звук». Серийные убийцы (и Ахиллес) избежали нормальной жизни…

Мы идём в полном одиночестве. И уже давно.

Макс спрашивает: тебе часто встречались внешне похожие люди? Ты когда-нибудь ошибался, приняв незнакомца за одного из друзей?

Ну бывало, говорю я. И у меня, продолжает Макс: такова система «вариантов» персонажей. Чтобы не прорисовывать каждого в отдельности — проще копировать сотнями тысяч. Для разных моментов пространства… Возможно даже, где-то в другом городе есть несколько десятков таких же, как ты.

Я ухмыляюсь: ты веришь, будто есть другие города?

Я верю в Историю Партии, улыбается Макс, смотрясь в витрину аптеки.

Он подходит к очередному таксофону. Совершает

«перезагрузку».

Шагаем дальше. Он спрашивает: что лучше: «Фотография Клэр» или «Сердце Ангела»? «Пёс-призрак. Путь самурая», отвечаю я.

А как насчёт других классных фильмов? «Психоз», «Апокалипсис сегодня», «12 обезьян», «Заводной апельсин», «Космическая Одиссея 2001 года», «Магнолия», «Беги, Лола, беги» «С широко закрытыми глазами», «Правила виноделов», перечисляет Макс названья.

Тобь Магвайр ещё отлично в «Вундеркиндах» сыграл, говорю я.

У Макса особая мания… Он всегда по-своему называет имена.

Переделывает знакомые многим фамилии.

Например, Брэда Питта он зовёт Биллом. После просмотра фильма «se7en» в башке у Макса появилась Гневея Палтроу.

«Билл Питт в «se7en» с Кевом Спаси играл…»

Его вклад в Историю Слова стал примерно таким: Дэйв Финчер, Жонни Депп, Рай Файнс, Джулька Дрейфус, Джар Лито, Маша Сид, Бенись Дель Торо, Майк Мэдсен, Мик Рурк…

Список продолжить ещё как можно. Вспоминать не хочу все его «переделки»… Какая у тебя любимая актриса? Спрашиваю.

Макс отвечает (со странной нежностью в глазах): Наоми Уоттс. А у тебя?

Кэри Вюрер, говорю. Немного поразмыслив, Макс заводит разговор о женщинах. Вот обычно говорят «занята», объясняет он мне. Она что, туалетная кабинка? Какое-то дурацкое выражение… В любви я за равенство, которое делится надвое, говорю ему я. Раздвоение личности — это когда тело одно, а человека два, объясняет Макс. Любовь же — когда тела два, а человек один… Если настоящая любовь, конечно.

Я смотрю себе под ноги. Тротуар «трещит по швам» от жары.

Ты любишь её за то, что она тебя любит. И наоборот, продолжает Макс.

Это любовь? Ромео и Джульетта — древние старики, которые теперь терпеть друг друга не могут.

Я смотрю на него. Больше не слежу за дорогой. Куда мы?

Он улыбается и произносит: ты любишь Миру?

Да нет, говорю. Я люблю Миру.

Ваш прах нужно поместить в песочные часы. Вместо песка, разумеется. Тогда это будет символ того, что даже время не сможет вас разлучить, поясняет мне Макс. Вы сами им станете.

Где-то вдалеке я замечаю Миру. Она уже ждёт нас. В своих голубеньких кроссовках, чёрных джинсах, красной обтягивающей футболке: она неотразима…

Мира прекрасна даже здесь, в самомцентре(пылающегожарой)городаИгры.

«Красота девушки — в глазах влюблённого в неё человека.»

Макс её тоже заметил. С кривой улыбкой глянул на меня.

Он уже предлагал вокалисту какой угодно группы выступать с микрофоном, который привинчен к дробовику на платиновой стойке в форме человеческого позвоночника.

Знаешь с чего начались все эти знаменитые подвиги Геракла? Спрашивает.

Я только улыбаюсь. Сейчас ведь Миру обниму, услышу нежный голос…

Макс говорит: он убил своих детей в приступе ярости.

Мы идём и беседуем…

Берём такси для поездки за пределы города. Я интересуюсь: зачем?

Красавица Мира отвечает мне очень просто: следуй за лидером…

Макс уже сел в машину. Мы с Мирой тоже пытаемся влезть на переднее сиденье, но Макс отшучивает нас словами "Нет! Я толстый, мы не поместимся…" Я и Мира садимся назад. Наш водитель представляет собой бесформенную биомассу, только издалека напоминающую человеческое существо.

— Куда едем?

Мы и сами не знаем. Просто вперёд. (Максу, наверняка, опять звонил голос из сна, сказал, что делать дальше…)

В очках таксиста сияет темнота. Очередной код на деньги позволяет Максу щедро расплатиться за будущую поездку. Жёлтое такси набирает ход.

Урбанистический пейзаж быстро сменяется на более новый по дизайну, который плавно преображается в незнакомые секторы города, выстроенные будто вчера.

— Как зовётся ваше такси? — неожиданно для самого меня спрашивает Макс водителя. Тот снимает солнцезащитные очки при помощи телекинеза. Под-ними: слепые язвы глаз. Таксист улыбается. Зубов у него никогда не было. Макс видит язык водителя. На жирном куске гнилого мяса во рту копошатся опарыши. Водитель хлюпает червивым языком.

— «Легион», слыхали о таком? — выговаривает он и давит на педаль газа.

Макс спокоен. Его причёска теперь как раньше (но всё ещё коротковата, так что вместо «ушей кошки» у Макса «уши совы»).

Я начинаю волноваться. Крепко сжимаю Мирину руку, но девушка-ангел даже не поворачивается ко мне, а продолжает следить за полётом жизни через окно. На бешенной скорости

жёлтое такси мчится по улицам, то и дело сшибая [как кегли] виртуальных «манекенов» {детали таких объектов на самом низком уровне прорисовки}.

Адский возница хрипло смеётся, глядит на Макса слепым взглядом.

Зачем он снял очки?

Таксист включил радио… Звучит музыка. Мы едем. Просто вперёд.

— Почему вы не пробуете выбраться из машины, позвать на помощь, истерично кричать? — веселье в голосе безумного возницы.

Макс смотрит на обновляющийся пейзаж летнего города. И говорит: следите за дорогой.

Наш милейший шофёр скривил свои пухлые губы.

Он ни разу не притронулся к переключателю скоростей. Его ноги устроились сразу на 2-х педалях: газ и тормоз. Одновременно. До упора. Просто вперёд.

Мира прильнула к стеклу. Её ладошки оставляют след. Отпечаток всего происходящего.

— Не надо бояться, — произносит адский возница.

Можно подумать, он желает нам добра… Мы выехали на шоссе. Всюду машины. И люди в них не замечают нас. А ведь, возможно, мы проживаем последние мгновенья.

— Сколько дураков за рулём развелось! — ухмыляется наш таксист.

Природный ландшафт вдоль дороги вырезан словно из картона: всё впереди размыто; всё позади — будет размытым. Похоже, отключили резкость текстур. Сбросили уровень качества и чистоты прорисовки.

Я гляжу на Миру. Всё в Мире красиво. Можно очень долго любоваться этим «видео»… Макс смотрит на магнитолу «SONY». Буква Y замазана чёрным цветом. Адский возница громко смеётся.

— Не принимайте на свой счёт, — говорит он.

Мы всего лишь следим за дорогой.

Красный дождь капель на лобовом стекле. Макс печально улыбается. Водитель такси «Легион» включил дворники. Следы от графической плоти пропадают под полосками щёток.

— Мне пора уходить, — расстроено сообщает таксист. — А вы пока остаётесь…

Мы думали, что он исчезнет. Как во сне про иллюзию жизни.

Он остался: руки и не думают держать руль, ноги устроились на педалях, а слепые глаза видят приближение жёлтого микроавтобуса.

— Вы не хотите остановиться? — спрашивает Мира осторожно.

— Не говори со мной, девочка. Меня уже здесь нет, — отвечает таксист.

Конечная: проносится у меня в голове. На встречу несётся смерть в жёлтой оболочке общественного транспорта. Макс сидит спокойно. Впечатление такое, что он абсолютно расслаблен и получает удовольствие. Мира глядит на меня, как под гипнозом. Её красивые глаза: зрачки расширены до предела.

Мне будет меня не хватать, говорит Макс, обернувшись к нам.

Я смотрю сквозь лобовое стекло. Маршрутка приближается. Спешит на долгожданную встречу. Любовное свиданье…

Внезапно гаснет свет.

Внутри такси густая темнота. Она залилась в салон и застыла, сковав нас.

Я ничего не чувствую и ни о чём не думаю. Ничего не вижу и не слышу.

Покой. Обездвиженное Ничто абсолютной релаксации…

Макс нащупал дверную ручку. Свет сменил тьму.

Мира испуганно смотрит по сторонам. Бесформенный возница из Преисподней теперь действительно исчез. Макс сидит на месте водителя.

— Мы умерли? — спрашивает меня Мира. Я не могу ответить ей. Мы ведь были «мертвы» изначально, разве нет?

Это всё Игра для мёртвых. Продаётся на cd-носителях. «Круговая» (версия 9.0)… Нормальный экшн с элементами квеста + эротики. Ведь так?

Макс заводит нашу машину. Он в маске Темноты? Я не заметил.

(Моё лицо — кривая кожаная рожа со змеями шнурков вместо волос.)

Я говорю: меня укачало… выйду, подышу…

Мира пересаживается вперёд. Макс двигатель не глушит, говорит мне: едем, нам пора.

Я смотрю на задний номер такси «Легион». Чёрные символы на белом железе. Цифры смешливо сложились в число: 666… Я говорю: давайте без меня. Пока останусь здесь.

— Попробуешь пройти всё дальше? Сам? — Макс, недовольный голос из-под маски. Мира (с деланным безразличием) поправляет причёску, заглядывая в зеркало заднего вида. Персей и Медуза Горгона, тоже мне. Я замечаю слёзы на её лице. Она не хочет расставаться. Макс говорит: увидимся ещё.

Машина уезжает прочь.

Я возвращаюсь в город…

Дотянешь до тени? Где только лишь тьма.

Я рвусь сквозь ветки, в лесу ютятся мертвецы, падаю в тень, наблюдают, поднялся и дальше иду, мёртвый лес оставляя…

Дорога под слоем песка. Все пятна вины в безвременье смоем. Уснувшим.

Оплаченный выход на сцену в пустыне. Лето всю жизнь…

Теперь я вижу *свою* настоящую рожу.

Мы очень похожи. Я такой же как Ты.

А дальше залезешь на холм (везде очень тихо) и оглядишься…

Вид мёртвого леса кругом. И времени нет…

Ты останетесь здесь навсегда? |Да| |Обязательно _ да|

Ваши гулкие шаги сквозь ночь… Последний взгляд Луны, висящей над городом… Сине-карие краски её ореола… Осень.

Немного морозно, но вам такие настройки погоды подходят.

Бар "Оборотень" закрыт. Осталась только "Сточная канава".

Заходите, покупаете напитки и садитесь. В баре полпотолка на полу.

Странное место… И музыка как будто бы из Ниоткуда.

За шумным столиком в углу вы замечаете Шофёра.

Бесформенное существо без глаз заключено в объятья «падших женщин».

Его семя как мета-кислота смывает все грехи, поэтому они готовы «согрешить» с ним. Прекрасные blood'ницы.

Сегодня все они — не ваше дело. Вы тихо спорите о таинствах отсутствия, о вечной близости с ничем, о запредельной правде Смерти…

Короче, говорите не о том… Это не дни, а днища.

После последнего глотка вы вспоминаете о чёрно-белом фильме.

Суть фильма не ясна, но в нём особый интерес к героям.

Три девушки, что воплощают Красоту: рыжая, брюнетка и блондинка.

В картине только эти девушки наделены цветами.

И чья-то маска Темноты…

Пока вы «удаляли забытьё», компания наоборотов завалилась в бар.

У них наружность вся всегда внутри, а внутренности — наизнанку.

Вам неуютно с ними.

Выходите на свежий воздух. Ночь, мерцание огней. Вперёд по улице.

Идёте. Далеко идти? Мысль о такси промчалась перед вами.

Но нечем расплатиться. Жаль…

Холодный взгляд на циферблат часов (в котором ваше отраженье).

Здесь все часы показывают время Темноты.

Не важно, что за день и что за год… Сегодня вся планета плачет.

Чей-тоголосвнутрименяголосвнутрименяголос…

«Бог — это парень, живущий в одинокой квартире на окраине Конца Земли. Он один и он беден. Он пытается защитить то, что когда-то придумал, но не всегда у него получается плохо.

Бесформенная темнота внутри его зеркала в ванной. Сны о дожде. Бесконечная ос8нь.

Парень-Бог, в старом сером пальто бредущий вдаль одинокой улицы.»

Макс и Мира — мертвы? Я мёртв? Мёртвы все трое?

Сплошное ощущение кошмара, точно выпущенная на Фабрике Страха пуля… Мой мозг разбился как хрустальный шар о крышку гроба. Моё лицо — простая маска клоуна: нос срезан, дыры глаз, ухмылка из кошмара.

Не вижу, где я… На дне ладьи Харона? В небытие? И какой теперь вообще может быть «я»? Опять этот голос:

Итак, мы в пустом эфире…

Болезнь темноты…

Смерть t это то, что бывает со мной…

Любовь и независть…

Смывай своё лицо…

Я разделённый разум…

Твоя последняя…

Темнота болезни…

Мёртвые кошки всегда улыбаются… Молодая Смерть.

В памяти голос и больше ничего. Я себя оставил.

«Ты убеждаешь себя каждый день, что ты — это ты. А я убеждаю себя, что я — это совсем ты, каждый раз из сна возвращаясь.»

Мы с тобой, как две одинаковые картинки, в которых нужно найти одно различие. И оно у нас есть…

Сырая щель могилы.

Я всё ещё в Игре.

Сонное впечатление прямого попадания в Машину Кошмара.

Я убегаю от собственной тени. Она тёмным силуэтом тащится за мной, не отстаёт. Словно страшный неприкаянный призрак.

На меня летит птица. Голубь в чёрно-белом оперении.

Он норовит воткнуться мне в глаз, но я успеваю увернуться.

Птица взмывает ввысь и растворяется в солнечном круге.

Я остался один. Меня покинула даже тень.

Её больше _нет.

Я сижу на ступеньках входа в слишком знакомый мне магазин. Слышны голоса, звуки машин, открывающейся и закрывающейся двери. Но никого не видно. Город умер. Он пуст.

Я огладываюсь по сторонам. Игра стала пустынной.

Что-то приближается издалека. Всадник на белой лошади. Я вижу крест у него на груди… Это Макс.

Он сбавляет ход, подъезжает ко мне. Лошадь гарцует, оставляя вмятины на асфальте. Макс изучает меня пронзительным взглядом, а дальше — говорит:

— Ты знаешь, что "Макс" в нашем случае сокращение от женского имени Максимилиана?

Я иду по какой-то дорожке, вымощенной серыми и жёлтыми камнями.

Все они выглядят так, будто их вырезали из бумаги.

Подбор камней для меня.

Далеко впереди¦—¦калитка. Железную решётку сжали с двух сторон квадратные столбы, уходящие в небо. На их далёких вершинах стоят два распятья. За калиткой море крестов. Я иду по дороге на кладбище.

Вокруг темно. Очень тихо. Не слышно даже собственных шагов.

Полночно ухает сова. Похоже, я в лесу.

Я открываю решётку… Идёт дождь. Только капли не падают сверху.

Они льются откуда-то снизу, затем — горизонтально земле.

Освещённое тьмой помещение. Замкнутое в себе пространство уходит вдаль серым коридором. Сквозь шрамы в потолке проскальзывает свет Луны.

Он проясняет ситуацию: я на каком-то складе.

Холодно или жарко — понять невозможно. Здесь никак.

Дождь закончился. Вдалеке я замечаю что-то. Тёмный силуэт одиноко стоит на другом конце коридора. Похоже, это человек…

Причёска «совы», чёрные джинсы. «DreamPlayer» на футболке: буквы искрят светлячками другого берега реки.

Конечно, это Макс. Она приближается ко мне, снимая на ходу футболку.

Мне страшно даже думать о том, что будет, если она не

остановится и врежется в меня (наверное, я разобьюсь на бесконечно мелкие кусочки, которые никто уже не соберёт). Неотвратимость темноты. С ней ближе, ближе… Она остановилась. Прикрыла грудь руками, повернулась. Я замечаю татуировку на её спине. Буквы тянутся через позвоночник над лопатками так игриво, что образуют надпись: «Место для крепления крыльев».

Мы стоим в глубине [неизвестно когда и где] заброшенного склада. Макс (лицо вполоборота) поглядывает в темень за моим плечом. Вокруг горячей чернотой бушует пламя.

Максимилиана говорит мне что-то очень-очень важное, но звуковые помехи на линии мешают мне слышать слова. Она понимает это. Улыбается своей красивой улыбкой. Мне многое мерещится.

Макс говорит, что она — моё отраженье. Внезапный дым схватил меня.

Всё пропадает…

Я нигде. (Был бы в психушке у телефона — повесил бы трубку…)

Всё пропадает. Я стою у чёрной кирпичной стены. Темнота — рядом со мной. В моей правой руке зажат мел. Я пишу на стене:

«Мы — это люди, в которых нельзя играть ни за что».

Надпись жёлтого цвета уже не смоешь. Ставлю подпись: «ЯR».

Чужое кажется своим, если таким не является, говорила мне Макс когда-то. Вспышка засвеченной плёнки…

Я вижу Макса. Она стоит в центре тьмы. Жёлтый цвет невидимой лампочки падает на неё /сверху\. Она у зеркала. В руках Макс держит круглый предмет, который подносит к лицу. Это тоже зеркало. Отражения бесконечны. И тьма в их глубине. Глухая пустота охватывает меня. И я отворачиваюсь.

Я в башне какого-то замка.

Вокруг массивные стены. Повсюду полутьма. Сквозь арку одинокого оконца видно небо. Безоблачная синева окутала Луну. «Картинка на рабочий стол».

Я отворачиваюсь. От окна веет прохладой. Передо мною коридор отеля «Лёд». Тут только пять дверей. В каждой прорезана квадратная щель, через которую можно с трудом просунуть яблоко целиком.

Я смотрю, что за первой дверью:

В центре «камеры обскура» — графический портрет Веты (рыжеволосая красавица в зелёном платье молодой весны).

Иду ко второй комнате. Там «автоматическая» Кристина. Она не шевелится, точь-в-точь как манекен.

В проёме третьей щели виден save-архив: ящик (расширения

rar) с табличкой «МИРА» возле сердца.

За дверью номер 4 я наблюдал статичность отблесков Гекаты. Сама она, почти как Макс. Богиня лунных перекрёстков…

Фигура девушки (быть может — парня), чёрный ореол. Души не видно: только плоть. Уродлива моею красотой. Сквозь тьму я замечаю шрамы линий — на её груди срастаются крестом. Я отворачиваюсь.

Дверь пятой комнаты открывается для меня. Там никого.

Я прохожу внутрь, словно эта трёхмерная пустота — моя крохотная гробница.

Делаю пару шагов и понимаю, что иду по траве. Солнечно и очень тепло. Меня окружил зелёный океан. Он — до самого горизонта и дальше. Небо пылает синим. Зелень приятно шуршит у меня под ногами. Твердыня «океана» тает под шагами. Умиротворенье и покой. Передо мной заброшенная стройка — символ несостоявшейся жизни, ошибочного прохождения Игры, символ сбоя и неверного выбора…

Я подхожу ближе. Место походит на каменный павильон.

Словно купол в церкви. Виснущая над апсидой крыша.

Я захожу внутрь. Здесь должна быть стена. Вместо этого — огромная «дверь» |Фронтальное пространство входа|. Пустые квадраты на стенах, высеченные в ряд, являют окна. Яркий свет солнца льётся из ниоткуда. Попадая внутрь, он выстраивает жёлтую дорожку прямо по центру «храма». На конце жёлтого пути — одинокое деревце. Оно растёт в полутьме, чуть больше метра в высоту. За ним — стена из серых кирпичей. Маленькое деревце зеленеет своими листочками. Как произведение искусства. Памятник одиночеству. Жёлтый свет только слегка касается его. Листья неподвижны — нет ветра (и не будет). Я замер на месте. Возможно, я первый, кто видит всё это. Осколок Небытия. В «храме» много покоя…

Я, медленно шагая по песку, обхожу лужицы травы и костры кустарника.

Иду мимо гигантской стены, дальше видна «вторая часть» умершей стройки. Пя5ь этажей отчаянья. Чуть правее — чёрная насыпь. Лысая гора человеческого пепла. Развеянные останки кремированных в нашем городе всегда попадают сюда? Внезапно я слышу приглушённый звук. На земле «вверх ногами» стоит телевизор из квартиры Макса. Показывают какой-то чёрно-белый фильм (про нас). Где-то ухает сова.

Я резко поворачиваюсь, смотрю по сторонам. Я один по-прежнему.

Телевизор пропал не более неожиданно, чем появился. Дикие кустарники и полевые травы уселись перед входным проёмом. За

ними — темнота.

Я захожу внутрь.

Это даже не первый этаж. Подвал. Свет невидимого солнца то тут, то там, как расщеплённый призрак. Но в целом — полумрак. Огромные квадратные колонны:: подпорки с двух сторон от центра зала (которые уходят будто в Никуда). Нет лестницы наверх. На стенах отпечатки рук (цвет красного заката). А на песке _ обломки досок, кирпичей, окурки ритуальных сигарет, бутылки «первородного бульона», наполненные пустотой.

Иду подальше от своих следов. Фантом виртуальной Веты мелькает в колоннаде (она вроде Медузы Горгоны, а я теперь Персей)…

Я сажусь за пыльный компьютер и скачиваю игру, похожую на нашу.

Запускаю. exe-файл. После крутой заставки, которую запомнить невозможно, происходит выбор героя (того, кем будешь играть). Дальше начинается прохождение… Всё весело и даже интересно. Много смешных моментов. Выполнение задач для выхода на новый уровень.

Внезапные «вставки»: очередной парень «играет» роль Христа в шутере от первого лица. Крестя людей, ты получаешь бонус.

«Иисус» купает их в крови (безумная мистерия крещенья). Стрельба во всё подряд, передозировка свинца в организме. Летальный исход. Отходная молитва. «Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнём и серою. Это смерть вторая.» Откровение 21, стих 8.

Но это совсем не люди: роботы с кровяным двигателем в голове.

Если бы вы были от мира, то мир любил бы своё; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, то ненавидит вас мир… Кривая надпись на стене Игры.

Выполнение следующих миссий.

Щёлкая кнопками «мышки», я выхожу на голограммы снов моих друзей.

Максимилиана, Мира, Вета, Кристина… Они все здесь. В Игре.

Но для Реальности мертвы?

Зеркало отражённого света…

Я на голгофе. На своём персональном кресте. Макс тоже.

Иисус ещё не мёртв, но кровоточит. Стигматы (электронные дыры) смотрят темнотой. Он — между ей и мной. Максимилиана…

Её не хочется видеть такой. От неё нельзя отвернуться.

Я с грустью гляжу на Макса. Она смеётся надо мной.

Я — слева. Макс — справа (от Христа). Вокруг не слышно ни звука.

Она говорит мне:

— У меня в голове твой голос… Я никак не могу понять — или ты мной играешь, или **я** становилась тобой… Ты был во всех моих снах…

Макс рассказала мне то, что я сразу постарался забыть. Она всё поняла, игриво улыбнулась…

Она говорит: знаешь, нет никакого Я. И никогда не было.

Она говорит: оно, это «Я», появится и освободит всех нас от себя.

Она говорит: любовь существует даже для тебя.

Иисус поднимает голову и говорит: ВСЁ в мире красиво…

Макс часто мне говорила, что Мира очень похожа на её любимую актрису. Зеркало отражённого света…

Я за Компьютером Реальности. В храме Гекаты.

Фиолетовый огонь бежит по колоннам. По стенами льётся игровая кровь.

Из песка вз *дым* аются серые смерчи. И я вспоминаю всё то, что говорила мне Макс на кресте…

Я с самого начала «проецировался» на неё словно призрак забытого Альтер-эго она была моим обратным отраженьем тьмы…

Она *была* мной. Такой вот «сбой» системы.

В Максе я видел только себя. Даже не знал, как она выглядит на самом деле.

Игра от третьего лица. Маска **моей** Темноты.

Живое отражение, для которого не было зеркала.

Так, значит, Ошибка — это я. Из-за меня Игра закончится?

АрМаГеДдОн для снов. Всего лишь место.

Я в коме собственных фантазий?

Шизофрения Древности добралась до меня?

До окончания времён Игры осталось 10… 9…

8… 7…

6… 5…

4… 3…

2… 1…

0…

Меня кружит темнота. Тишина Конца Дороги. Никакого ветра. Ничего.

Передо мной обычный фонарный столб. Рядом с его длинным телом — покосившийся указатель. «Self Street». Говорят чёрные буквы на жёлтом знаке. Я гляжу по сторонам: вокруг нет никого:

мои друзья, «Иисусы», остальные: где-то совсем не здесь…

А я здесь. На Self Street, в городе Ночи.

Улица Памяти. Улица Имени Самой Себя. Улица ПусТОТы.

Жёлтое сияние фонаря озаряет меня /родившийся во тьме дождь света\.

Видением мерцает огонёк вдали. Неясным призраком застыло здание.

Видна лишь левая его половина. Вторую навсегда скрывает мрак.

Иду как по пустыне (и под ногами сахарный песок). Я ближе подхожу к строению. Мираж приобретает чёткость линий. Теперь я вижу два окна.

Из левого за мною наблюдает тьма. Точно фотография Вечности — в правом всегда горит свет. А на стене я замечаю телефон (словно в петле провода под ним болтается трубка). Мельканье мысли «позвонить кому-то»…

Я возвращаю трубку на рычаг. И захожу вовнутрь.

Тёмный коридор едва различим, но я вижу жёлтую полоску света под нужной дверью. Иду вперёд. Медленно, осторожно. Боюсь споткнуться и упасть… Успокоенье, тьма и тишина.

Здесь, наверное, много покоев…

Я открываю дверь. А за ней может быть всё, что угодно…

Пол выложен досками. Лампочка льёт себя через свет на внутренность комнаты, в центре которой «электрический стул». Слишком знакомый магнитофон на деревянном столе. В слове «SONY» замазана буква Y.

Позади меня дверь закрылась.

Такое чувство, что её должны заколотить гвоздями.

В комнате я один.

Сажусь на стул, смотрю в окно. Я словно ночной сторож. Тьма.

Там больше нет фонарного столба. Пропал и указатель.

Я закрыл глаза. Хочу всё вспомнить. Увидеть лица всех моих друзей. Представить лицо той, что меня действительно любит…

Внутри видна одна темнота.

Открываю глаза: и лампочка гаснет…

Я в своей одинокой квартире (в той, что «приписывал» Максу).

Здесь оглушительно тихо. Прохладный ветерок играет занавеской. Через балконную дверь виднеется безумное око Луны, моргающее раз в месяц.

Осень во сне.

Сижу на нашем диванчике и жду, когда же кто-нибудь придёт.

К нам часто заходили ночные гости…

Максимилиана, Мира, Вета, Кристина.

Они ведь не умерли. Они вообще не умирают.

Просто сменились их игроки. Все эти мальчики и девочки проиграли и отошли, оставив места для следующих…

Или просто вышло их время.

«Засыпает снег глубоким сном…»

Похоже, что Игр0к, "живущий" за Макса — это, конечно же, я…

«Остаюсь всегда обратной стороной лица…»

Но это ничего. Ничего… Если бы только у меня была Машина Прошлого… Хотя ей ничего не изменишь.

Почему-то я вспоминаю, как мы любовались дневным звездопадом.

То, как веселились, показывая сценки в магазинах. Как посетили отель «Лёд» и решили снимать фильм. Как играли в гости…

Я вспоминаю то, как мы разбудили очередного «Христа». Помню почти все наши с Максом разговоры. То, как я отказался ехать с ним и с Мирой куда-то дальше. Я вспоминаю одинокое деревце в «храме» Игры.

Это последнее, что я вспоминаю.

Может, перечитать это опять? Встать и достать из шкафа наш общий сценарий, в котором возможны разные варианты концовки.

Нет… Слишком темно…

Я обязательно позвоню Максу. Только найду подходящий телефон (где-то на новых уровнях)… Стану советовать, что делать дальше. Это поможет нам играть, теперь я знаю.

Меня кружит тьма. Предчувствие Конца Дороги.

Игра закончилась?

Я набрал достаточно «очков опыта», чтобы всё прекратить?

Оказался {внутри} за пределами мира. Вышел на уровень сна?

Возможно, я застрял в скрытой реальности.

Или угодил в «бесшовную» систему. А значит — выходов не жди.

Быть игроком «виртуальных снов» и персонажем жизни одновременно… Такое против правил.

И вот теперь меня Нигде не будет.

Сбой в системе пройден.

Игра перезагружена… В ней всё начнётся снова.

Я же вышел на самый секретный уровень.

Расщепление

Слово «Бог», начертанное на пожелтевшей от дождя коже левого плеча, укрощало её. Последнее «привет» в пустыне.

Вперёд. Назад.

Назад. Вперёд.

Маятник качелей безудержно кривлялся на ветру, точно заигрывая с густыми тучами облаков.

Небо изливалось. Она двигалась на одном месте.

Вниз. Вверх.

Вперёд. Назад.

● Тайна внутри раскрытых истин топкой жизни ○

Тихий бред голосов. Она одна. Под дождём.

Ровный треугольник крыши поднял два креста её качелей: левый катет ската — левый крест, правый — правый.

Грустный сход лавины ливня.

Вверх. Вниз.

Два двойных креста качелей печали.

Затаив во взгляде блаженную радость, одинокая девушка на крыше намокла всем телом.

● …течёт вода из крана (кровь из раны). Поэтому поэты мы… ○

Закатный блеск сквозь облака. Качели стали останавливаться — мерно, мирно… замедляют ход.

Скрип. Стоп.

Она смотрит на вытатуированную надпись у себя на левом плече.

Слово «Бог»…

Потом она глядит в тебя. И говорит:

— Какое женское начало…

Два двойных креста на крыше спокойно держат взмокшие качели.

Ни вниз. Ни вверх.

А ей уже пора.

Тихонько, почти не грохоча каблуками своих сапожек, она проходит к входу на чердак. На краешек оконца села. В чернеющее чрево крыши она выходит прочь.

Траурно-серый склон неба плачет каплями по пустым качелям.

Во тьме она опять одна. S2: сверкнуло слева жёлтой лентой.

Чердак сырой, не прокопчённый. Нет гари запаха, но светит слабо серое окно. Осторожно пробираясь сквозь тьму, она подходит к блёклой двери. То дверь на лестничную клетку.

Она в неё стучит. И не настойчиво, а чутко.

Никто не открывает. Дверь отвернулась под её рукой. Она ступает внутрь.

Две жёлтые руки скелета, отчаянно вырвавшиеся из чёрной тьмы чердака, резко захлопнули за ней условно пискнувшую дверь.

Она достала из кармана джинсов молодой мелок, наполовину чёрный с одной стороны/наполовину белый с другой. И начертала Перекрестие Христа на двери.

Мелок скользнул обратно. Его хранительница стала спускаться.

Жёлтые лампы освещали клетки лестниц, лишь лёгкий сумрак скрёбся по углам. Ей чудилось, сейчас разинет пасть дверь чьей-нибудь квартиры, а оттуда вылетят грубые живые трупы будущих жильцов. Раскатистая труппа трупов.

Но нет. В квартирах — пустота. И рядом с ней — ни звука.

На очередном пролёте она замечает смятые банкноты: 20 + 5 + 20.

Нужные бумажки никуда не прячутся в тусклом свете скупых ламп. Ждут втроём её одну.

Она вообще всегда жила на деньги, которые находила на улице, в супермаркетах, в кафе-закусочных, на пляже, в кинотеатрах, (опять-таки) в подъездах… Привычным жестом подобрала купюры, а задний карман их ловко проглотил. Джинсы заметно подсохли, отличаясь этим от футболки, ярко красневшей по этому поводу. Когда-то слишком длинные рукава были оборваны.

Девушка взобралась на морщинистый подоконник. Крупные капли со стороны улицы хлестали в стёкла, сбегая по ним дорожками грусти.

Похожие капельки текли по кончикам её волос, неспешно задерживаясь у края, бессловно размышляя о будущем падении, о тихой важности происходящего, о мнимой сиюминутности момента, и {самоотверженно порвав с опорой} преображались в лёгкие прозрачные слезинки на лице её печальной красоты.

Свои мокрые растрёпанные волосы она терпеливо пригладила рукой.

С одной стороны они были по-вороньему чёрные (частично), с другой же оставались снежно-белыми.

Она всматривается в плачущее окно, слезает с подоконника и неторопливо спускается к дверям на улицу. По-прежнему тихо, лишь слышен шум дождя.

● Куда теперь одной-то ей идти? Какое место станет ей наградой ○

В её голове — опять тот сладкий шёпот. Она решилась. Она выходит в черноту… Змеится в сток воды поток. Всё небо падает дождём, а ночь уже легла в пустынный город.

Видимая поверхность этой девушки снова промокла. Чёрная тьма арки учтиво крошится рассеянными отблесками уличных фонарей, что высятся, почтительно склонившись к тротуару.

Арку она минует. Бросает любопытный взгляд на фонари. Они подобны дереву без листьев: на металлическом стволе ветвятся пары ламп, метавших слабый свет. Ей виден дождь, падение воды.

Девушка огляделась: безлюдная, безжизненная, бесстрастная городская площадь. Гладкая поверхность мокрой пустыни асфальта. Слепые «полицейские» патрулируют улицы.

Это её тревожное виденье бессмысленно проходит мимо. Она одна под непрекращающимся дождём движется по городу через ночь.

В любом окне ей люди чудились с «зашитыми» глазами. Никто не смотрит на неё. Фасады, лица зданий, омытые водой.

На одном — табличка с парой цифр («25») бьётся о кирпичную кладку под порывами ветра. Одинокая девушка грустно идёт вниз по улице. Огненная наледь слышится ей в каждом своём шаге.

Чуть впереди — скопленье луж. Их негде обогнуть. Но ведь промокнуть ей уже не страшно. Она ступает по воде. Идёт к реке Болот.

Руки мертвеца из чердачного окна встречного дома указывают ей дорогу.

Часы . Кто их сюда повесил?

Весёлый циферблат смеётся. Стрелки послушно застыли. Ночь.

Тринадцатый час.

Она утомлена. Заходит в близкий ей подъезд. Жёлтый огонёк лампочки трепещет мотыльком, порхающим над свечкой. А по стене вздымаются вдоль лестницы рисунки: смешной старик без глаз, мужчина с дыркой вместо рта, бессмысленная девочка, безухий кот, сердито кажущий белёсые клыки.

Своим раздвоенным мелком она одаривает старика глазами, мужчину — ртом, ну а кота — ушами. Вот так. Ей больше нечего тут делать.

Она выходит. Снова дождь. Сквозь время сорока минут прибудет она к месту. Мост. Минуя рощицу деревьев «ведьминых волос», она ступает по мосту. Тот траурно скрипит доск *а* ми.

● Хороводит Смерть с дождём ○

Тьма крепко держит купол неба.

Мерцающим цветком блестит единая звезда.

Мост тонет в сумраке, за занавеской ливня. Безлистые почти недвижимы. Их ветки подняты к дождю. Река, чьи воды мутный чай напоминают, свой брег песчаный ей учтиво подаёт. Над девушкой нависла тьма небес.

И одинокая звезда сквозь тучи.

Стоя на сыром песке, она видит: ливень, одолевая воздушные вершины, соединяется с рекой. Ей помнится страстей пустыня, безумья гневный взгляд. Она заходит в воду.

Вход — Вдох Выдох — Выход.

Намокла мокрая одежда. Сапожки с каждым шагом сильнее вязнут в иле. Невидимое дно. Уже и слово «Бог» скрывается из вида ночи.

Дождь хлёстко плещет по реке.

Сколько ещё?

Вдох — Выход.

Когда?

Выдох — Вход.

Крещенье гробовой водой достигло глубины поверхности крещендо.

Она печально смотрит в объектив реальности. И говорит:

— Без меня вся стройность текста развалится…

— Хочется кого-нибудь вызвать, — говорит она, — Пусть приходят, селятся у меня в голове… Я ведь тоже чувствую одиночество.

(Голос шепчет) ● Не в своё тело не лезем ○

А рыбка отвечает бормотаньем.

— Без тебя вся *тройность* текста развалится.

Золотистая обитательница реки Болот к ней подплыла, порхая плавниками. Слегка высунув голову из воды, она пристально посмотрела на девушку.

— Бормочущая Рыбка, — представилась неразборчиво, тихо. — Ты решила искупаться в такой весёлый час?

«Ночная купальщица» — ни да, ни нет — неопределённым кивком ввысь к пылающей звезде сквозь ярость неба. Безмолвная.

— Я хочу, чтоб больше душ познали мою боль, — сказала она скорбно.

— Разве никто не чувствует нереальность бесконечности?

Рыбка, что-то сбивчиво бормоча, замкнула за собой фигуру круга.

Вокруг девушки подобно лёгким ангельским крылам, желтеющие плавники плясали по воде.

● В утопленников лучше не соваться. Серьёзно! Они размокнут неловкими пробками кожаных пузырей — ты ещё

видеть их глазами не научишься ○

Наплывы голосов из капель ливня. Бормочущая Рыбка сухо говорит:

— Он постоянно сюда ходит с удочкой. И думает о дочке. Но нет её… Ловить здесь сетью нечего. Тут рыбы нет.

Она ныряет вверх и с плеском входит в чай реки. Бриллианты брызг в густую топку ночи. Не утопшая девушка всмотрелась в рекламу твоей двоичной личности. Слова скатились капельками с посиневших губ:

— Любовь приходит через наши души, заражая великолепием Смерти во имя другого. Я…

Фривольно Рыбка обрывает стоки звука:

— Весёлое начало. Слышишь «свои» голоса? Они…

— Под Богом. Над Дьяволом. Не слушай никого!

Намокший весь, взъерошенный, блестит огнями глаз. Ночное привиденье — обычный чёрно-жёлтый Кот на берегу:

— Я стану вновь игрушечным, коль перестану мёртвым быть… О, девушка! Оставь же проклятым забавы!

Бормочущая Рыбка парирует ему бесцветно:

— Пора перестать плясать на песке. Работать начать, установить за собой каждодневную слежку… Ещё течёт вода реки Болот.

Кот девушке: пройтись не хочешь?

А та оглядкой на него:

— Отчасти, только в Бесконечность?

● Сухая жизнь мозгового дождя за каждой тенью ○

Невидим, ил её не держит. Она выходит из воды.

Чёрно-желтый Кот довольно сводит пасть полуулыбкой. И говорит:

— Тело имеет значение только для двух: Входа и Выхода.

Нескончаемое дождепадение. Бормочущая Рыбка грустно глядит на прощанье.

— Позаботься о ней, — слова летят беззвучным всплеском. И тихо в глубине. Одинокий шум дождя над округой.

Глаза Кота горят зелёно-жёлтым. Он (замечает с интересом): правая бровь у тебя чёрная, а левая — белая.

Она кивает правде в лицо. Картавое мурлыканье Кота из темноты:

— Не выводи себя из меня. Дивное украшение заигрывая на одном месте ровный треугольник лавины ливня всем телом её бесполезной жизни два двойных креста на краешек оконца склон плачет каплями во тьме сверкнуло жёлтой лентой хранительница клетки лестниц самоотверженно порвав с опорой печальной красоты змеится в сток чуть впереди безумный с парой цифр… Не

выводи его из себя.

— Не говори мне ерунды, — она.

— Не буду. Я **здесь** не для того, — Кот хмурит брови ей во след. — Постой! Нам в сторону другую.

Капли искрами очертили силуэт остановившейся фигуры.

Девушка спросила:

— Куда делись листья?

— Они нигде. — И чёрно-жёлтый Кот оглядывает их: опалые тела деревьев, пустынные поляны и бе́рега пески. — Обычно падших забирают… Но место есть, где листья всё ещё нужны.

Она к нему подходит ближе.

Встречаются внимательно внимающие взгляды.

— Можешь лечь на меня, если хочешь.

— В смысле — положиться, — улыбка девушки в дожде отражена.

— Да тут недалеко. Идём.

Они идут вдвоём.

Кот укоризненно: ты всё не прекратишь ленивый этот ливень. Я до крови промок!

Она ему:

— Но как?

Он ей:

— Перестань лить слёзы внутрь. И на плече моём поплачь…

Шли по тропинке и остановились. Чёрно-жёлтый Кот пытается поддержать её морально, когда она обессилено валится на него. Упали в мокрую траву.

Сахарные слезинки затравленно обнажены.

Она ревёт, придавленный орёт (и затухает ливень).

Печаль души прошла дождём.

Кот еле выбрался из-под неё. Уселся рядом.

— Водопад выключила, — он говорит, ломая рот улыбкой. — И сухо, как в пустыне стало… Пора уж дальше нам идти.

«Ведьмины волосы» склонили устало тонкие, спутанные ветви.

— Приятные деревья, — молвит Кот, когда водой ему проказливо плескают на затылок. Прибрежный лес теперь затих. Ночь наконец-то безмятежна.

— Промокло всё кругом, а я без обуви что твой Иисус.

Кот оценил её нечистые сапожки. Она меж тем уж снова замерла.

— Куда ведёшь ты? Стой, я дальше без ответа не пойду.

Кот глянул косо и сказал: прибежище умалишённых, безумия чертог.

То место, где покоев много…

— Шизняк, психушка, жёлтый дом?

— Больница душ, — Кот девушку смешливо поправляет. — Её недавно обновили… Там главный — доктор Бен.

— Пошли…

Единая звезда блестит на склоне ночи. Стена из палых листьев перед ними.

— Стена Осени, — кивает мёртвой изгороди Кот. — Сейчас наищем вход.

Она за ним неспешно следует вдоль жёлтой. На тёмной простыне могилы гроб лежит. На нём из музыки табличка «ВЫХОД».

Кот крышку открывает.

— Ну вот мы и пришли. А дальше — твой вопрос.

— Что я почувствую после смерти?

Жиль Корвус:

— В детстве от страха темноты меня спасла одна девочка. Она жила этажом ниже. И мы с ней сильно дружили.

Однажды вечером в одно из тёплых лет я и она, заигравшись во дворе, не заметили быстроту заката и очутились в окружении темноты абсолютно одни. Другие дети уже спокойно спали.

Нам нужно было вернуться до того, как наши родители сойдут с ума от безответственности своих детей.

Она схватила меня за руку, и мы двинулись к дому.

Ночь выдалась лунной. Мы прошли через аллею тополей, верхушками взлетавших к звёздам, а после вышли на пустырь за нашим домом.

Беспокойное чувство вмешательства чего-то злого не покидало меня, но моя подружка крепко (ладонь в ладонь) держала мою руку.

Мы быстро миновали заваленный всяческим мусором пустырь и подошли к подъезду. Чёрный проём дверей испугал меня невероятно.

Но спутница-соседка храбро втащила нас внутрь. Нашаривая в темноте ступеньки, мы поднялись к её квартире.

Блёклый свет Луны смотрел через оконце. Мы стояли на лестничном пролёте и в нежной тишине летней ночи любовались друг другом.

Она осторожно меня поцеловала и постучала в свою дверь.

Страх темноты тогда меня покинул.

Мы попрощались. Она зашла домой.

Нам было по 5 лет.

Я засыпал на раздвижном кресле в углу, а просыпаясь, обычно лепил из пластилина разноцветные фигурки людей и играл ими на балконе.

Моя подружка-соседка любила летать на качелях.

Иногда я пробовал её нарисовать.

Ещё у нас во дворе была старая голубятня. Но голуби там почти не ютились. Зато в подвале нашего дома водились огромные серые крысы. Однажды мы с моей подружкой нашли мёртвую крысу в траве. Убедившись, что тварь сдохла, мы стали по очереди вертеть её за хвост. Внезапно крыса ожила и, чуть не укусив меня, сбежала, чем очень удивила нас. Я и моя подружка любили исследовать округу, подолгу играть на улице. Помню, она научила меня быстро плевать трижды через левое плечо. Туда, где «ждёт демон»…

Эта девочка-соседка уехала с семьёй куда-то далеко, когда наступила осень.

В школе после второго класса мне было невыносимо скучно. Я наплевал на неинтересные предметы, такие важные таким важным людям.

Я был халявщиком и одиночкой.

По прошествии 10 лет «учёбы» родители направили меня в Академию, за несколько километров от города. Студгородок, каждодневно навевая тоску, вогнал меня в сильнейшую депрессию. Занятия я благополучно забросил и, как в детстве, занялся исследованием округи.

Хотя бы природа радовала меня. В одиночестве я бродил по вымерзшим полям, забирался на крыши заброшенных строек, исхаживал пыльные дороги, пробовал вызвать духов в вечернем лесу.

Потребность в обществе людей я не чувствовал.

Это позволило обособить меня от их реклам и мнений.

Различные безумства я начал совершать от скуки. Иногда чьи-то голоса подсказывали мне, что делать. Я веселился.

Одинокий шут в пустынной зале дворца.

Продымившись в Академии полтора года, ушёл по собственному нежеланию быть здесь. Тогда родители закинули меня в Университет.

Я стал аутсайдером, прозрачным одиночкой.

Та тьма и *тот* свет манили меня. Мир живых оказался абсолютно ненужным безликому невидимке. Мне виделись призраки. Они говорили со мной. Я начал предугадывать всякую чертовщину, случавшуюся с людьми из-за людей. Вокруг меня скопилась Тьма.

Бессонница убаюкивала. Я жил лишь только по ночам. А днём был как лунатик. Страдая от раздвоения жизни, я не видел выхода.

Весенняя жажда самоубийства.

Но всё закончилось иначе…

Всё началось с того, что я побывал на своих похоронах.

Вспомнил себя на весёлых по себе поминках.

Мой дьявольский двойник меня покинул. Я не болен… Но я и не здоров.

Жизнь моя была грустным праздником одиночества.

Я хочу прожить эти несколько последних лет так, как не мог прожить их никогда раньше. Наверное, никто не в силах это изменить.

Потеряв чувство реальности, я просыпаюсь.

Вскинул взгляд — пожелтевший скелет машет надо мной острой косой. Через комнату бежит восьмилапая собака. На подоконнике в горшке гримасничает одинокий подсолнух. Лицо у него такое, что на Хэллоуин маска не нужна. Лысый человек, торс которого заканчивается покатыми плечами, пытается ползать по полу. Ещё один, плоский словно коврик для ног, висит, прибитый к стене гвоздями.

И всем очень весело.

Пост{сон} прерывается чёрным шумом, рвётся на части у меня в голове.

Теперь я проснулся.

В моей комнате по-осеннему светло. Приятное утро апатии и покоя.

Часы лежат на стене, улыбаясь мне циферблатом. Время здесь гуляет против часовой стрелки.

[Жиль сел на кровати, медленно потёр глаза, уставшие видеть Ничто за ночь. «Обутый в ноги» пошёл к умывальнику.]

Вода на 80 % состоит из человека.

Умываясь, я вспомнил, что одна здешняя пациентка — Ночная Игла — чистит зубы гневом (как она, во всяком случае, говорит).

Не смыть вином вину перед Христом…

[Закрыв кран, Жиль идёт в дальний угол комнаты, где притаились его чёрные кроссовки (или, как считают все остальные — «сапоги байкера»).

Он переобулся и оделся в повседневное: чёрная футболка с жёлтой надписью «Self *street* », чёрные джинсы и жёлтый пиджак/куртка.]

Я предпочитаю тёмные тона и густые краски.

[Жиль выходит из комнаты. На двери — номер 25.]

Больничный коридор гипнотично манил своей бледностью.

[Корвус идёт в соседнюю палату.

=Монохром=

Он останавливается в дверях. В палате двое: девчонка,

которую зовут Блондиночка (это её настоящее имя), и темноволосый паренёк Алекс, похожий на капитана дальнего плавания, уволенного за пьянство.

Блондиночка что-то усиленно драит в раковине умывальника.

— Чем занимаешься? — спрашивает Жиль у девчушки.

— Мою мыло… — отвечает та. — Мило мою мыло… Ужинать будешь?

— Нет, спасибо. Я поел во сне.

— Заставлять не стану.

Блондиночка бросает обмылок лежащему на кровати (их в комнате две) Алексу, а тот «откусив» ножницами половину, возвращает кусок девушке.]

Ужин здесь утром. Завтрак — вечером. Обед — ночью. А ночь — днём.

[— Сигареты не будет, — утвердительно как бы спрашивает Алекс.

Жиль улыбается, согласно кивает. Блондиночка валится на свою койку и дикими глазами пялится в потолок. Корвус тихо прощается и уходит.]

Чёрные/жёлтые квадратики пола под моими шагами. Моя тень тает.

[Уборщик Гениталич в заплёванном халате, щедро накинутом на голое тело, метёт пока ещё чистый коридор больницы. Жиль проходит мимо, придерживая путь в туалетные покои.

= Монохром =

Дверь, вскрикнув, открылась.

Некий безработный художник, замотанный в десятиметровый шарф, расписывает потолок туалета, удерживает кисть из хвоста крысы двумя пальцами одной руки. Его борода давно стала разноцветной от краски. Стены сортира он уже расписал:

Фреска № 1 — Мишень с ребёнком внутри.

Фреска № 2 — Поедание плодов беременного выкидыша.

Фреска № 3 — Расстрел пули.

Фреска № 4 — Безрукий мальчик, пишущий портрет обезьяны.

Фреска № 5 — Холодильник в Аду, внутрь которого поместился полуразложившийся прут.

Фреска № 6 — Кривой излом ухмылки ангела.

— Ну как?

Художник вопрошающе зыркнул на Жиля, затем уверенно пошатнулся, заливая бороду очередной порцией краски. Табурет под ним хрустнул и подло опрокинул живописца на пол, попутно разваливаясь в щепки.

— Жизненно. — Произнёс Жиль под занавес сцены. Художник

траурно уставился на падший табурет.

— Быстро прогнил, — прокомментировал он. — Только вчера ведь вырастил!

Медленно вскочив, бородатый рисовальщик принялся отмахиваться кисточкой от кого-то совсем невидимого и орать примерно следующее:

— Я, такой свежий, удивительный, не могу творить в обстановке нетерпимости, лжи, а также зависти умерших коллег! — он метнулся к зеркалу. — Я, божественный Микки Анджело, требую воздавать мне дьявольские почести!

Не выдержав захлёбной интроспекции, Корвус ретировался в коридор.

А там доктор Бен и доктор Урод (самый красивый из персонала) вдоль стен выстраивают жителей общей палаты.

Последнего вышедшего в коридор психа осуждают и наказывают, уводя в первую палату. Доктор Бен сопровождает его, держа за руку, покуда «опоздавший» врёт, изворачивается и сквернословит про себя. В первой палате он проведёт весь день, перебирая газеты для последующего применения в уборной. Ведомый, напевая «Я буду любить меня нежно», заворачивает вместе с доктором Беном за угол.

Чтоб не успеть к приёму лекарств (их выделяют на первом этаже), пациенты возбуждённо ждут автобус.

После пятиминутного вглядывания больных в даль коридора к «остановке» подъезжает прозрачный сгусток эмоциональных расстройств.

Один псих отчаянно кидает себя под нистагмические колёса транспортного средства, но выживает уже в который раз.

Доктор Вуду (высокий и очень худой джентльмен в цилиндре и чёрном сюртуке с длинными полами), сверкая остроносыми туфлями руководит [как кукловод] погрузкой. Кривясь искромсанным лицом, его прислужник Зомби красиво горбится за рулём. Пациенты лезут в кишки автобуса сквозь невротические двери, показывая почтенному врачу жёлтые листья бумажек. Билеты, вышедшие из роли обрывков старых книг.

«Трижды герой мира» Чапаевец, разразившись дьявольским смехом, предъявляет свой партизанский паспорт — самодельное удостоверение личностей. Доктор Вуду требует пояснений, на что Чапаевец заявляет будто он — творец мировой победы и ему подчинены все подземные воздушные силы. Ещё он многозначительно уверял, что под его руководством свершились революции в Африке, Южной Америке и Антарктиде, где во главе правительств стоят его двойники. Утверждал, что перед поступлением в больницу у него сожгли все внутренности, а

голову подменили (и теперь его настоящая голова хранится забальзамированной у доктора Бена в золотом сейфе).

Доктор Вуду в нетерпении забирает паспорт Чапаевца, из которого ясно:

1. Документ выдан штабом дивизии тяжёлых пулемётов.

2. Владелец документа имеет право ношения на левой и правой «грудях» всех существующих медалей, значков и блестящих предметов.

3. Предъявитель имеет право доступа во все секретные бункеры, подвалы и кусты, растущие на крышах КПП.

4. Документ в огне не тонет, в воде не горит, не подлежит возврату и переоценке.

Доктор Вуду отдаёт партизанский паспорт Чапаевцу, тот (по)степенно проходит в автобус.

Больных, впавших в кататонический ступор, заносят внутрь как гипсовые статуи. Корвус с любопытством пронаблюдал весь процесс погрузки пациентов. Автобус ещё не успел тронуться, как кого-то сразу же укачало и вырвало. Наконец-то Зомби раздавил педаль тормоза, и психи поехали за лекарствами. А к Жилю подкрался доктор Урод.

— Доктор Корвус, добрый вечер вы запланировали на сегодняшний день. Вам бы поесть.

Жиль смущённо кивнул жёлто-чёрной плитке пола.

— Знаете не последние новости, доктор Корвус? — Урод окутал свои слова туманной таинственностью. — Вчера ночью в морге обнаружили одного жизнерадостного жмура, одетого в Микки Хи. Там мы сняли с него нашего мёртвого Микки, и доктор Вуду его оживил, а доктор Бен выписал справку о втором дне рождения.

— Значит, скоро Хирург снова приступит к работе?

Спросил Жиль. На что доктор Урод определённо пожал плечами воздух и ушёл по лестнице вверх, в сестринскую.]

Теперь я один.

[Жиль бредёт к дальнему концу коридора. Гениталич смахивает пыль с подоконников. Жиль садится на стул из спичек, спокойным взором смотрит за окно.]

Дождь пойдёт.

[Так он просидел до «особого» дневного приёма пищи.

= Монохром =

Джекил-и-Хайд следует за собой в столовую. Лучший друг и лучший враг в одном лице. Корвус останавливает «двойного» больного.

— Как вы?

— Испытывая двоичные чувства, на этот вопрос могу ответить

дважды двояко.

Одна половина лица Джекила вежливо улыбается, вторая часть морды Хайда в бешенстве кривится.

— Что с ней? — Жиль указует на перевязанную руку пациентов.

Джекил-и-Хайд отмахивается ответом:

— Палец не закреплён… Дрались… Отпал… Отобрал у кота… Потерял… Нашёл… Пришили.

В столовую они зашли втроём.

Жиль проследовал за столик у окна. Остальные столы стояли как попало, некоторые были перевёрнуты днищем кверху, а один вообще привинчен к стене.

Опять подавали невидимую пищу.

Чапаевец нашёл её жирной, а дон Кидок, широко танцуя на стуле, опрокинул свой стакан чёрного молока, которое разносили три симпатичные медсестры с целлофановыми кульками на головах.]

В столовой у меня лунатическое спокойствие.

[Конец калорийной трапезы был встречен феерическим взрывом огнетушителя, шумно излившим из угла свою пенную душу.

После «обеда» привезли сто тонн стекла.

= Монохром =

Прозрачный «подарок» от президента Вельта складировали холмиками, искрящимися от солнца, во дворе больницы.

Все неадекватно радовались, а какой-то дикий мужик с молотком побил все стёкла, мотивируя это тем, что у него «штапика слишком очень много до хера…»

В ответ на столь жестокий акт вандализма доктор Бен приблизился к Жилю и посоветовал такое:

— Вам нужен новый сон.

Корвус идёт на третий этаж, в лабораторию доктора Сна.

Там его уже ждут. Просторная комната без окон, но с балконом, выходящим вовнутрь, оборудована для проведения опытов по просмотру «электрических» снов. Доктор Сон будет видеть сновидение Жиля на экране мерцающего монитора. Жиля «подключают» к сносмотрителю, запускают поток тока в мозг, и он засыпает.]

[Сырой дождливый вечер — На крыше два креста качелей — И девушка на них — С ней слово «Бог» — Она на улице — Дождь одинокой тьмы — Пустыня города — Её рисунки на стене подъезда — Тусклый желток лампочки — Тринадцатый час ночи — Мост над тёмной рекой — Девушка в воде — Неясный блеск звезды — Бормочущая рыбка — Чёрно-жёлтый кот на берегу — Их

разговор — Облетелые тела деревьев — Девушка и кот — Тропинка через парк — Сырая земля могилы]

[Жиля «отключили», развеяв восприятие другой реальности лёгким щелчком тумблера. Мир сна померк.

— Очень мистичная картина, — бубнит доктор Сон в значки показателей.

— Будем бычить на болезнь…

Он направляется на балкон, перемахнув через изогнутый поручень грациозным прыжком и приземлившись правым ботинком в кадку с песком, вынимает из складок халата бледную сигарету, не поджигая кончика глубоко затягивается, выпускает серый туман дыма.

Корвус выходит из лаборатории «электросна».

Окна больницы царапает дождь. Жиль идёт к себе, в палату номер 25.

У Алекса и Блондиночки в комнате тихо.]

Читают, наверное…

[Абсурдник: Сборник парадоксов, глупостей и прочего / Самуэль ЦэЦэ. — Могильник: Издательство T-ouch Press. — 252 с.

Единственное, что есть из чтива.

Чтобы увеличить свою библиотеку, Жиль разрезал книгу на две половины.

«Деление — начало жизни. Удаление — конец.»

Он открыл другую страницу.

«В Раю — свечи. В Аду — костры.»

Он открыл другую страницу.

«Одна часть человека играет. Другая — судит.»

Он открыл другую страницу.

«Их учат понимать, как детей, чему самих научили.»

Он открыл другую страницу.

«Жизнь отбирает себя от смерти.»

Он закрывает раздвоенную книгу.]

Пора навестить своего лечащего врача. Ведь скоро вечер.

● Главное — попасть в свой сон, а не в чей-то чужой ○

Блёклый шум голосов в моей голове.

Умеющий слушать — Ад услышит.

[Жиль спускается на первый этаж. В комнате номер 22 его ждёт доктор К.

Корвус заходит, закрывает дверь, садится на стул перед пустым столом напротив доктора. По безвыходному пространству комнаты переливаются сумерки, сгущаясь то в одном углу, то в другом.

Доктор К. пристально смотрит на Жиля:

Корвус очень расплывчатая личность. Штрихи его лица

словно стираются и обновляются заново каждую пару секунд. При этом невозможно определить, то ли Жиль красивый урод, то ли уродский красавчик.

Он может быть похожим на кого угодно.

Неопределённая безликость личности и есть его личность.

● Божественно красив + дьявольски уродлив ○

Доктор К. отводит взгляд. Жиль начинает говорить.]

Урод — очень красивое слово…

Ему не нужна маска… Вспомните о людях в мире, людях простых, нормальных, обычных. Они одержимы одиночеством и скованы красотой. Но как же они зависят от зависти! Любая самореклама выводит их из себя, разжигая стремление быть кем-то: собой, другими, схожими с ними.

Не прекращаемо это…

Люди напали на человека. Пустой набор препарирования слов… А голоса ведь всё равно никуда не исчезают.

[Жиль говорит, словно шелестят на ветру листья.]

Скоро и ненависть станут ненавидеть, а правду костром из книг осветят. Непонимание усыпят плевками и ложью зальют. Оно затвердеет — его разобьют, а крошками уши залепят друг другу.

Отвратительно мне всё это… Я вижу выход, знаю дорогу, но что толку, ведь дойти не смогу. Осенью я слишком поддаюсь собственному влиянию.

[Жиль себя обрывает, глазами печали смотрит на доктора К.

Потом произносит:]

Сухие мертвецы падают в жёлтое с изогнутых веток болезни… Деревья раздеты, небо задёрнуто дымкой… Шторы тумана шевелят листву под шагами ветра… Холодные облака застыли над пустошью… Город-кладбище засыпает дождь.

[Доктор К. хмурится полуулыбкой, которая скользит по пустыне стола и, цепляясь за слабую тьму, липнет к губам Жиля.]

Поменьше нелюбви к любви…

[Слышит Жиль собственный голос. Он прощается и выходит из комнаты. Снова поднимется к себе.]

Кривая тень на стене. Света здесь больше не будет. Никаких нервных окончаний. Ни свет, ни заря. Ничего. Хорошо.

Закатный блеск сквозь облака на стёклах. Симанский сад усеян жёлтою листвой. Засохшие тела деревьев. Из-за холмов и дальнего леса начинает прогулку дождь, распыляя прозрачную невидимость влаги над мёртвой пустыней осени, принося мне вечерний покой.

[Жиль лежит на кровати. Его глаза наполнены бесцветной пустотой.]

Она «чёрно-белая»… Такой я её увидел. Такой я её и запомню.

[На подоконник капает песок.

Потолок перевязан лентой, как подарочный гроб.

Песчаные крупинки подпрыгивают на фоне стеклянных слёз.]

По вечерам здесь включают тьму на ночь. За веками я снова вижу её: моя маленькая дочка прыгает через скакалку мерцающих звёзд, которую держат призраки. За два конца. За оба начала.

Моя дочка обнимается с птицами. Они взмывают вверх цветастыми бликами черноты, закрывают крыла́ми небо. Цветы «дети жизни» говорят с ней шёпотом колыбели. По пустому небу летает луна.

Сова молчит. Ворона выкрикивает старинные проклятья. Комнату кутает тьма. Мёртвый аромат осени. Моя дочь видит меня по ту сторону капель дождя. Цвета умирают у неё на руках. Слова остывают в моих глазах.

В правую половину мозга адское радио транслирует помехи перехода.

Моё обострённое восприятие чувств передаётся ей.

Сон обновляется повтором.

Я вижу себя в будущем, видящего себя в прошлом.

Что я почувствую после смерти?

Химена запомнила ничего из процесса перехода под больничной оградой. Может, они воспользовались раскладной лестницей, выдвигавшейся из чёрной пасти могилы прямо через стену пожухлой листвы? Во всяком случае Кот ей ничего не сказал. — Когда-то ты кололась любовью, — высказал он свою ломкую мысль. Молчанье тишины треснуло, взорвалось электрическими искрами, которые мгновенно прилипли к небу. Ими любовалась луна (одна её половина казалась смутно-жёлтой, вторая же — бледно-зелёной).

Звёзды превратились в светлячков и разлетелись в разные стороны, оставляя двойное лицо луны одиноким.

— Не помню, чтобы я кого-то уколола, — молвила девушка. Она окинула взглядом больничный двор. На асфальте перед психушкой, поблёскивая призрачным светом и отражая его колючими лучами в ночное небо, улеглись мириады стеклянных осколков. Некоторые кусочки прозрачности переползали с одного места лунной подсветки на другое.

Кот, гармонично матеря себя за необутость, провёл Химену через «застеклённый» двор к зданию. Больница шла вверх уступами, как плоская с фасадов пирамида, наспех вырезанная из картона. Первый этаж по длине был номер первый. Второй — поменьше, зато окна налеплены плечо к плечу. Выполненный,

казалось, по всем правилам золотого сечения, прямоугольник третьего этажа удерживал чердак, на котором еле виднелась тёмная треуголка крыши.

Шизняк в шляпе, пытаясь переварить пациентов в своих палатах, намучивших его за день собственным присутствием, как бы присел отдохнуть на скамейку.

— Одно здание: два корпуса: труп А и тело Б: три этажа, подвал, чердак. За задним фасадом сад, пищу тащат через двор, костры на крыше не жгут. Некоторые двери с одной стороны обычно без ручек, — пояснил Кот тоном экскурсовода по загробному миру. — Зайти сейчас самое время.

Обитые туманом двери входа были заперты. Над ними подмигивала неоновая вывеска «ВЫХОД», приглашая попытаться войти.

— Здесь невидимый замок, — промявкал Кот. — У тебя случайно нет невидимого ключа?

У неё был мел, который не намок при помощи чуда. Химена очертила контур ключа на асфальте.

— Не вижу, куда тут тыкать, — пожаловался Кот, пытаясь попасть в замочную пасть. Невидимая щель скважины неожиданно вскрикнула, почувствовав внутри себя ребристый кончик ключа. Кот не успел сделать им и пол-оборота, как двери с рёвом завелись и разъехались в стороны.

— Свободно, — указал чёрно-жёлтый спутник на полумрак внутренностей больницы. Ночь с ними попрощалась, они вошли.

Как только «выходные» двери, протяжно заорав, захлопнулись, их сразу охватила тьма, с которой Кот начал отважно сражаться, то и дело поскальзываясь, падая, натыкаясь на стены. В пылком неистовстве битвы он призывал темноту капитулировать, угрожал кровавой расправой, запугивал вечной враждой, разводом, разрывом всех деловых отношений. Потом Кот уверенно сказал «Тихо!», после чего раздался оглушительный грохот — этот «ночной боец» что-то уронил.

Дальше слышались недовольные окрики, видимо, поломанных растений, а затем посыпалось бряканье разбитого окна регистратуры.

Химена наконец-то клацнула выключателем. Свет озарил поле битвы.

Кот сидел на полу, глаза его сверкали торжеством ярости. Он улыбался улыбкой победителя.

Он, как оказалось, содрал со стены единственный кусок обоев в трогательную зелёную полоску; опрокинул с газовой плиты, мирно стоявшей в центре коридора, кастрюлю пельменей, которые тут же разбежались; расколол надвое коврик для ног;

раскритиковал в пух и прах учебник по демонологии; раскрошил плитку шоколада, заначенную в учебнике; потоптал зелёные насаждения на подоконниках; разжёг вспышку недовольства персоналом у насекомых обитателей больницы (пауков, тараканов и мух); сильно нагрел пластилин, доведя его до жидчайшего состояния; буквами нарисовал автопортрет; разрушил чей-то воздушный замок; разбил стекло в карточном домике регистратуры; снёс башенку из домино, возведённую на деньги налогоплательщиков; допил оставленные медсёстрами лекарства; заработал несколько монет пением и умелой игрой на гитаре; потратил все эти средства на существование, купив смешную пару бутербродов; сыграл сам с собой партию в покер; с пользой провёл время; и невероятно рассмешил Химену своими чёткими, своевременными действиями.

— Сейчас я осознаю, что я сделал…

Казалось, его чуткой растерянности не будет предела, но Химена попросила «себя не винить». Довольный дух Кота воспрянул.

— Я и не думал **тебя** винить, — произнёс он, поднимаясь с пола.

Вдвоём они пошли по коридора в глубь больницы. Тот знаменитый аромат порченных препаратов, варёных экскрементов, пурпурного хлеба и водных свеч почти не ощущался. Было тихо.

Круглые *часы* , прицепившись к стене, стрекотали стрелками. Наблюдая за повадками времени, ночные посетители внимательно их изучили.

— Скоро обед, — подметил чёрно-жёлтый. Девушка глянула коротко на Кота и сказала:

— Мне бы чаю.

— И обсохнуть, — добавил тот броском через плечо, направляясь в одну из комнат. Шестая палата шепнула дверью. Внутри горел камин, кружил приятный полумрак, кремовый абажур тёплым светом указывал на закипающий чайник.

Кот снял бурлящий кипяток с электроплитки. На твидовом столе (перешит из старого пальто доктора Бена) ждут две треугольные чашки с заваркой.

Ведомая Котом горячая вода наполовину наполняет их.

Шерсть на кошачьей башке взъерошена.

— Я как айсберг в океане — очень плохо управляем… — напевает Кот во время процесса. Чай будет крепким.

— Сахар?

— Две.

Он смотрит на Химену хитрым взглядом, словно пьяный

хирург на опухоль. Одежда девушки всё ещё мокрая. Сапожки в грязи, джинсы измяты. Футболка сидит в обтяжку. Равные края оборванной ткани вместо рукавов. Чёрный крест спереди на красном цвете.

— Переоденешься?

Кот дергаёт за подсвечник старинного стиля — это ручка встроенного в стену шкафа, который медленно распахивает пасть.

Из шкафа, оттолкнувшись от ржавой пружины, выпрыгивает смирительная рубашка, пару раз бьётся о противоположную стену и с нежным шуршаньем стелется у ног девушки.

Химена снимает свою одежду. Кот, загадочно улыбаясь, любуется её гладким телом, отхлёбывает чай.

— Странная у тебя красота, — мурлыкает он, когда девушка облачается в смирительную рубашку. Длинные рукава она закатала, не решившись их оборвать, уселась за стол из пальто.

— Хочешь есть? — спрашивает Кот. — Есть аминазин, инсулин, сульфазин, трифтазин, аскофен, глюкоза, гистамин, н-диметилтриптамин, псилоцин, серотонин, фламизин, аманита мускария…

— Спасибо, спасибо. Мне не надо.

— Заставлять не стану.

— А чем ещё здесь кормят? — её отстранённый взгляд в окно.

— Всем. Первоклассный хавчик. Но только не для нас, — Кот тоже оглядывается на окно. В стекло стучится темнота. Чёрно-жёлтый торжествующе указывает лапой на лампу. Кремовый свет отпугивает тьму. Кот снова поворачивается к отпивающей из кружки девушке. Чёрная часть её волос немного блестит, а белая половина уже высохла.

— Расскажи мне всё подробно, — просит Кот.

— Это будет не трудно… — говорит она, упираясь в спинку соломенного стула. — Я много раз пыталась выйти из жизни… В общем, я залезла на крышу, села на качели… Пошёл дождь, самый обычный… Я спустилась на улицу, где было очень темно… Никого со мной не было. Я пошла по ночному городу… Перешла мост, зашла в воду… Появился ты и не дал мне сдохнуть… Потом мы добрались сюда… А здесь я рассказываю тебе, как я пыталась выйти из жизни…

Чёрно-жёлтый нахмурился.

— Потерю памяти не помнишь? — спрашивает.

— Нет. Но я могла её забыть.

— Дежа-вю, связанное с этим местом? — Кот побрякал пальцами себе по голове. — Может, ты уже была здесь раньше?

Химена пожала плечами пространство вокруг себя.

— У вас тут есть человек без лица, отделивший его от себя

выстрелом под подбородок из рогатки, — спросила она, как бы утверждая. — Он ещё протягивает ладонь для рукопожатия так, будто предлагает её купить.

— У нас тут есть Нигер из Ку-клукс-клана, — говорит Кот.

— Когда ты его кому-нибудь представляешь, то обычно говоришь…

— «Кстати, он — негр». — Заканчивает Кот мысль собеседницы, пялится в свою опустевшую кружку. И говорит:

— Один больной, здешний пациент, 10 лет вынашивал хитроумный план мести, но забыл кому мстить…

— Утопился в рукомойнике. — Уверенно итожит Химена. Кот согласно кивает. Она говорит:

— Другой больной считал, что он абсолютно здоров. Пробовал пробраться на фотографию, пытался создать «стилет Росмана» и продать его на чёрном рынке, хотел избежать капюшонов… А закончил он эти лихие подвиги тем, что…

– **Не** перерезал себе горло ложкой, — чёрно-жёлтый собеседник не дал ей закончить.

— А старуха-силиконщица?

— Эта уважаемая пожилая женщина… — припомнил Кот, уставив морду в потолок. — Она ведь ведьма в отставке?

— Кажется, да.

— Живой рухлядью скитается она по больнице, показывая каждому фотку своего сыночка…

— И приговаривает «Какой он красивенький, правда?» А на фотографий — тошнотворное лицо сигаретного окурка.

По окончаний фразы Кот, демонстрируя крайнюю степень брезгливости, притворно дёрнул лапами. Затем он произнёс вот это:

— Ещё здесь был больной, который думал, что умер, и требовал себя похоронить по всем правилам «государственного закона о мёртвых»…

— Он орал репризы и пытался смастерить себе гроб из спичек. А после его пришлось похоронить под лавочкой в саду, *так* он был настойчив…

— Но иногда он выбирается из «могилы», заявляя, что ему там одиноко, и склоняет других пациентов составить «загробную» компанию. Этакий мёртвый дуэт, — закончил Кот.

Ворох общей памяти обрывками разлетелся по комнате.

Они по-ночному молчали:

Смирительная рубашка на голом теле. Виденье облетелых тополей под ясным небо. Игла входит в нёбо. Игра тушит ко́ды. Длинные рукава закатаны до лунного листопадения. Сырой утренний рассвет ночи над Городом. Обтянутые серыми шкурами

кожи, скелеты бегают наперегонки в поисках свободных могил. На дорогах расселись вороны. Пустой ветер треплет траву у склепов. Город-кладбище мёрзнет утренней тишиной…

— Какой-то человек. Он заперт в моей памяти. Я вспомню, когда его увижу… Хватит обо мне. Давай о тебе… Что ты **обо мне** думаешь?

Зачарованный голос Химены рвёт тишину.

Кот собирает с пола её одежду, смятой охапкой вручает девушке и открывает скрипнувшую дверь.

— Идём в подвал, — объяснил он, выходя из палаты. Бледно-жёлтый коридор больницы охвачен пустотой. Ночная парочка бредёт к лестнице вниз. Девушка босиком шагает по плиткам пола, Кот с ними почти сливается окраской. По каменным ступеням ей холодно ступать. Рубашка нежно поглаживает нижним краем кожу чуть выше середины бёдер.

В подвале полумрак.

— У нас на чердаке, — обернулся к ней Кот, — несколько разновидностей летучих мышей. Есть «очкарики», которые не пользуются ультразвуком. Некоторые летают только назад, другие вертят хвостом, перемещаясь словно вертолёты. У иных вырастают маленькие рога с острыми ядовитыми кончиками, а для некоторых слово «кровь» является единственным средством защиты…

Неожиданным сюрпризом, соблюдая абсолютную внезапность, цепляющую за потроха, перед ними появляется какая-то мёртвая женщина, лихим скачком выкинутая из-за угла. Синюшное лицо вампирки не выражает ничего.

— Сердце! — орёт Кот, хватаясь за грудь. — У меня прихватило сердце…

Я думал — это просто несварение. А нет! Это сердце!

Он смешливо смотрит на свою спутницу. Химена не сводит глаз с вампирки. Та флегматично поворачивается, не торопясь скрывается во тьме.

— Блуда. — С улыбкой поясняет Кот, перестав паясничать. — Других вампиров в больнице, вроде бы, нет. Одной ей скучно. Кровь крыс она мешает со снотворным…

Чёрножёлтый натыкается на стену в темноте, шипит, отскакивает к девушке, которая в виду очередной внезапности роняет на него мокрый комок своей одежды. Кот пытается примерить футболку с крестом на груди, но приходит к выводу, что «размер головного убора не его», и возвращает вещи Химене.

Они идут по подземелью дальше. Подходят к палате с единственной жёлтой дверью из общей череды бесцветных. Номер 52.

Кот поворачивает несуществующих ручку. Слышен слабый хруст электричества в подвальном воздухе. По закоулкам темноты скользит прозрачное мерцанье.

— Ваш номер, госпожа Нимфея! — торжественно выплёвывает Кот, лапой приглашая войти в комнату. Голая неровность шершавых стен образует идеальный квадрат пространства. Под потолком дымит лампочка. Матрица матраца накрывает кровать. Тумбочка и табуретка — один и тот же предмет мебели.

— Слишком хорошо — тоже нехорошо.

Мудрая оценка вошедшей девушки.

— Скромная келья Средневековой колдуньи, — Кот выглядел дольно довольным.

— Понравилась палата?

— Искромётная комната, — с красивой полуулыбкой заключила Химена.

— Можешь ещё принести что-нибудь почитать?

Кот покачал взъерошенной башкой.

— В больнице мало книг. Эти создания здесь практически не водятся. Но для тебя — попробую найти.

Лёгкая улыбка признательности в ответ. Футболка — на спинку кровати, сапожки — в изножье, а джинсы — на тумботабурет.

— Клопы в матрасе есть?

— Клопы все куплены. Они кое для кого являются деликатесом, знаешь ли… — Кот окутал ответ хитромордой таинственностью. — Во сне спи, не опасайся.

Девушка, теплее кутаясь в смирительную рубашку, села на кровать и огляделась. Её эфирный взгляд размыл стены подвала. Она увидела, как страшная и красивая Ночная Игла, убаюканная бессонницей бродит по больнице. Вместо того, чтобы подругой Блуде быть — она таится по углам. «Я так опасна» — песня сифилитичной проститутки, что непрерывно звучит в голове Ночной Иглы. Голос с акцентом на «у» и «ю» (кюру, кюсау, грюсть). Ночная Игла тащит ящик с радием, лучами которого она размахивает. Сей странный «рентген-прибор» одолжен у галлюцинации по имени Политов, частенько навещающей пациентов психушки.

Химена может понимать с помощью Ви́денья любой язык, воспроизводимый людьми или голосами внутри них. Она перестаёт «проглядывать» больницу, смотрит на Кота. Тот ещё не ушёл. Упёрся спинной в стену и с интересом пялится на неё. Девушка мило улыбается.

— А что если Бог по-настоящему не знает, что он Бог? —

спрашивает она кого-то. — И Дьявол не подозревает, кто он такой, — итожит Кот допросы пустоты. Никаких ответов на сегодня. Вечный Космос разродился дважды холодным молчаньем. Чёрножёлтый провожатый говорит девушке: ложись и начинай считать через два.

— Зачем?

— Чтобы приблизиться ко времени исполнения своей глупой мечты.

Ночью, в тёмном подвале затерянной психиатрической лечебницы, закутанная в смирительную рубашку, она валится на кровать.

Кот, уходя, щёлкает выключателем.

В комнату падает темнота.

Бледный дым от лампочки, висящий под потолком, всё своё время думает только об одном:

Что я почувствую после смерти?

По-настоящему меня зовут Ржавый. Но на самом деле это не моё имя. И значения здесь никакого нет. Я родился и всё.

Память моя — продуваемый ветром коридор в темноте. Сквозняк рвёт из него обрывки, кидает в котёл. Переваривается мною моё же сознанье.

Печальный взгляд из прошлого.

Автопортрет в соломенной шляпе

Натюрморт с Библией

Мать и ребёнок

Он один в осенней комнате. За окнами рассвет, закат.

Плачущий старик Девочка, стоящая на коленях перед кроваткой ребёнка

Ржавый никогда не смотрит в зеркала. Деревья в цвету

И сколько я себя уже не видел? На улице пока тепло.

Голубое небо и белые облака

Задние фасады старых зданий

Жёны, несущие уголь

Едоки картофеля

По улицам Ржавый бродит за разными людьми, которые потом умирают в своих кроватях. Он болен.

Я думаю о ней. Никому она не нужна больше.

The great Lady

Горюющий старик

Жена рыбака

Больше, чем мне – никому не нужна.

● и Дьявол душу сам себе продаст за ночь с тобой ○
Бреду по тихим улочкам.
Пшеничное поле
Красные виноградники
Жёлтый дом
Выход из церкви
Набережная
Рыбак на пляже
Лодки

Я не важнее на ветру прозрачного пакета. Она давно с собой покончить хочет. По вечерам я плачу кровью.
Звёздная ночь на реке
Хлеба и кипарисы
Грехи. Возможно, виноват.

Скорбь
Больничный сад
Воспоминания о саде

Время, вертя обороты, не поворачивается никогда.
Терраса кафе ночью
Как тихо здесь. Вина!

Мы постоянно были вместе в мыслях.
Подсолнухи
Дикие розы
Жёлтый дом на фоне ночи
Во тьме я следую в ничто…

Вороны на полем пшеницы
Жатва
Я нашёл счастье только для того, чтобы его потерять. Память стала моей могилой, забытым склепом, моей второй утробой.
От жизни ничего не жду.
Её одну. Я помню.
И эти чёрные глаза. Чарующие очи ночи.
Волосы в косу. Гладкая причёска.

Тщеславность женской красоты — моя любимая отрада.
Улыбаюсь от крепкого яда.
Без близких, без подруг, ужасной завистью окружена. Она всегда была одна. Извечно одинока.
Но моя!

Мы с ней двоились в поцелуях. Помню, по ночам она набрасывалась на меня, сжимая объятиями счастья, въедалась чёрным взглядом внутрь. Рисовала узоры сумасшествия на душе.

Мы бесславно бесновались в нашей любви.

Однажды я решил сварить иллюзии в супе.

Она, притворяясь прозрачной, воровала продукты на рынке. Пришла, разделась догола и вымыла супом волосы.

Они на минуту превратились в звёздный сахар, заискрились ангельским блеском.

Она улыбалась, смеялась над нами.

Вспыхивали лепестками роз её сладкие губы.

Жёлтая Луна лишала её здравого смысла. В такую Полночь Пустыни она говорила загадками: «Любовь S2 это раздвоение. Не похожа она ни на что другое.»

Мы с ней вычёркивали фразы из эфира.

«Разделённая любовь»

2 S

Одинокая любовь? S

Раздвоенная любовь. S2

Любовалась она такими словами.

Красивая осень.

А они разлетались на пряном ветру, рассеивались туманом, стелились хлопковой дымкой.

Однажды в ночь крикнуло что-то. Мы разом проснулись. Моя цыганка-блондинка из мира глубоких вершин попыталась увидеть ответ.

«Он близко. Я слышу.»

Она не боялась.

Увидела то, что нельзя было видеть.

Второй Сатана на крест поднялся́, но выдал себя, полюбив. И Бог изменился.

Знала запретное. Что новый Спаситель, второй Люцифер закончит Войну. Изменится мир.

Падёт старый Дьявол. Умрёт вечный Бог.

Мир станет безумным.

Ни действия, ни мысли. Ничего.

Самоубийство Смерти. Неизбежность.

А новый Дьявол, молодой — Единственным в Извечности пребудет.

Не 6есть 6есть 6есть, а 2ва 5ять 2ва. Вот новое его число.

Видение померкло.

Она рассказала мне всё. Из мрачной темноты ночи смотрела нам в души страшная тайна будущего.

Моя любимая была бледна.

«Нас скоро не будет. Наше счастье пройдёт. Ты станешь страдать.»

Она оказалась права и правдива.

Моя.

Опять я всё вспомнил. Как любила она буквами на машинке печатать портреты.

Тот злобный час. Уходит…

Сбылось предсказание.

Я остался один.

Портрет доктора Бена Лик Смерти

В зеркала смотреть мне нельзя.

Я должен уснуть, всё забыть.

Не могу.

Спой ветер ночной, сквозняк убаюкай.

Падаю. Запрокидываю зрачки, падаю.

Колыбельная Сплю…

Потрёпанное утро будит.

Слабый свет сливается со мной, я как прозрачный. Сознанье рвёт, кусает мозг. Отполз к стене, там затаился.

Полуоткрытое окно. На небо глянуть не могу, бессонные чернила — восьмёрки Мёбиуса глаз. Внутри сухая пустота.

Мне холодно лежать вот так. С трудом перебираюсь в кресло. За стёклами — осенний ясный день. Гнилое небо тает.

Сижу, пытаюсь снова всё вспомнить. Проблема в том, что у меня неправильная память. Она со мной как будто шутит. Словно каждый раз воссоздаётся новое прошлое.

Трепещет штора, прикрывая подоконник. На нём какие-то ожоги. Осень.

Пробиваюсь сквозь себя. Осколки сумрачных зеркал.

Черноглазая блондинка, больница, Дьявол, Бог…

Осколки. Перевод из подсознания автора. На обложке три странных знака, 2 из них — одинаковые.

Чёрный переплёт чёрной **книги** . Слова Зла.

Я вспоминаю. Закрытое пространство глаз. Белые молнии капилляров.

Электрические брызги мозга. По стенам ползают пятна. В

жёлтой пустыне старых обоев перемещаются точки. А под вечер я начну видеть красное свеченье. Человеческое Проклятье преследует нас неотступно.

Теперь я обязан всё изменить. Будет поздно.

Куклы. Всего лишь. Костюмы. Конечно.

Закончится плачем страданье. И плачем начнётся. Придётся платить…

Часы замедлят ритм сердца. Хрустит секундами бесконечное время.

Я неподвижно просидел в кресле 5 часов кряду.

Пришла пора. Я вспомнил… Избранник!

Они разделились.

Её прочитаешь: с ума убегаешь. Суть — квинтэссенция Зла и Кошмара. Ужасной заразой должна расплодиться и мир навсегда переделать.

Три жёлтых значка на обложке. Меняются строчки, смывается смысл. Смертельным словам подчиняется воля — меняет Судьбу.

Не быть тому прежним, кто хоть страницу прочтёт.

Внутри этой **книги** для каждого Правда, которую скрыть невозможно. Крик подсознанья как хор голосов. Реальность сметает в своё Ниоткуда.

Второй Сатана Единственным хочет остаться. И быть таковым в Безвременьи вечно. Та книга-убийца S2 в забытом эфире томится и ждёт исполненья. Не будет Спасенья, закончится мир. Она уже здесь. Она ищет.

Бессмертие Смерти (и тот Апокалипсис мрачный).

В себе заключает Начало Конца.

Сумасшедших всё больше. Все, кто читали ту **книгу** .

2S

Солнце проходит. А боль остаётся.

● Опустела… без неё… Земля ○

Как *мне* несколько часов **прожить** ?

Выхожу. Брожу. Возвращаюсь.

Город уснёт. А мне не до сна…

Мысли тяжёлые, как комья сырой земли на лопате.

Грустно-глупая мозговая могила.

«Автор расщепляется в романе.»

«Продаём обрезки зеркал.»

Бредовая надпись гвоздём в голове.

Теперь Я — моя Смерть.

Спокойно созерцаю мягкую ночь за окном. Мерцание звёзд.
В глазах моих Старость. Красивая осень. Светит Луна.

У меня обострение чувств. История миф, легенда загадка.
Он сел за машинку под ночь, в перевалку играя на клавишах, чтобы помочь. Стучит словно сердце. За окнами дождь.
По памяти пишу в кромешной тьме:
_слово «Бог», _ачерта_ое _а пожелтевшей от дождя коже левого плеча, украшало её.
Маят_к качелей безудерж_о кр_влял_я _а ветру. Гру_т_ый _ход лав_ы л_в_я.
Вверх. В_з. Душ душ_. Ей о_ в_дел_я жёлтым. _мотр_т в тебя, _тупает в_утрь. Молодой мелок, _аполов_у чёр_ый. _ _ачертала Перекре_т_е Хр_та.
Ра_кат_тая труппа трупов. _уж_ые бумажк_ _куда _е прячут_я. _вои мокрые воло_ы, _еж_о-белые по-воро_ьему чёр_ые.
В_д_мая поверх_о_ть этой девушк_. Бе_мы_ле_о проход_т. Ей в_де_ дождь. По городу _квозь ночь.
Ча_ы. Безум_ый луж ей подар_л. Коту р_ует два треуголь_ка ушей. Мо_т то_ет в _умраке. _тра_тей пу_ты_я, в воду. _е в _воё тело. Без тебя.
Твоей дво_ч_ой л_ч_о_т_.
Любовь Бормочущая Рыбка. _ев_д_мый её _е удерж_т. Картавое мурлыка_ье Кота _з тем_оты. О_ _дут вдвоём. О_ говор_т, ломая рот улыбкой. О_а уж _ова замерла, я дальше без ответа.
_а тём_ой про_ты_е табл_чка ВЫХОД.
_у вот мы _ пр_шл_. А дальше — твой
СИН.

Прощально западают уставшим стуком клавиши машинки. Их чёрные тела замыты белым знаком.
Мой голос мне уже не нужен. Он невозможно лишним стал. БеЗЗвучье.
Звук вываливается за дверь, шершавит листвой на столе, ползёт по пожарной лестнице, заскакивает в форточку старого подвала, наматывает белый шум на пустую плёнку.
Оружие звуков сейчас мне подвластно.
Убрана крышка машинки. Затвор мысли отъехал.
Стрельба словами по бумаге…

Книга юного S2
Психическая Чума.
2S2
Дочь Бога. Забытое невозвращенье. 252

Ядерный Взрыв Вселенной. Пустой и бесконечный.
2S2 Вечное одиночество без права на пару.
2S
Смешенье всех миров и расщепленье душ. 2S2
Рай и Ад уничтожены. Тёмная камера закрыта глазом объектива.
25
Дьявола сожгли на костре.
52
«На святое руку подняли!» 2S2

Мне виден странный «полудождь». В проулке мягко плачут капли, а в жёлтом свете фонаря асфальт слезливо обезвожен. Цвет старости и смерти.
Упадок. Увяданье.
Затушен ливнем жаркий блеск. Безутешный вой мозговых вихрей.
Стою спиной к стене пустой. Холодный ветер осени.
Прощальный посвист: Ржавый, Ржавый, Ржавый…
Падшая россыпь пепла. Густая ночь в окне. Опять разбил себе кулак…

Важные вещи плетутся в утробу души, чтобы потом появиться.
И не важно, сколько душ умрёт впоследствии.
Я остаюсь одиноким. Теперь без неё.
Идеал любви рушится в сумерки и гаснет, забирая весь свет.

Не глаженный рисунок больного малярией:
Солёная пустыня праха.
Чёрный блеск красивых глаз.
Чёлка чуть набок. Приятный снег волос.
Но сахар тает в мутном чае.
Сбор урожая листьев. Жёлтый.
Сухие ветки облетелых стай.
Сток снега вдоль стекла.
Под землёй плещется тьма.
Мёртвые просторы осенней памяти.
Долина Смерти Красивых Девушек.
Сон.

Мой смысл — рассказать всё тем, кто ещё слышит.
Попытка предотвратить то, что каждого коснётся.
Самая трудная в мире задача. Жить, когда жить невозможно.

Видимость искажена. Правда — самая бесполезная в реальности вещь.

Зато самая честная.

Верность неправильного текста, который должен быть другим, его изменит.

Останови меня, когда я стану понимать, что говорю.

Осталось ждать рассвета. Ночь. Сырая темнота. Луна к лицу ей.

Я один у стёкол окна. Одинокая Тьма. Считаю раз. Красавица в забытой памяти. Считаю два. Урод в отраженье стекла. Считаю три. Опасный шёпот. Четыре. Катится крестом. Надхолмье лунный свет обнял. Прохлады пряный аромат. Считаю пять. Урод в отражении красавицы.

Неповторимая Религия Повтора. Первозданная Религия Расщепления.

● Он жил в вагончике рядом с рекой ○ А голос у неё всё тот же…

Важно жить.

Но я же покину тела покров.

Мой путь будет пройден.

Интересно, что я почувствую после смерти? S

Я, кажется, знаю, что будет дальше. Жаль, знания не очень долговечны.

3 слона vs 3 кита. Круглые, как шарики синего цвета в фиолетовой обёртке. Нелепые мазки. В полнейшей темноте закрашены мозги…

Ступор. Стоп. Супер!

Стол стоит посреди пустыни. Солнце жёлтым испаряет кровь. *Часы* стоят на двойнике полуночи, а ветер шёпотом метель песка несёт.

Он появляется из ниоткуда. Печальной поступью шаги подводят к стулу.

Садится. Колонны деревянных ножек в песок уходят чуть. Свой рисовый баул поблизости стола поставил. Бесшумный ветер жёлтые пылинки сеет. Он веет с севера, и шляпа путника безропотно дрожит.

— Умрёшь?

Молчание.

— Как скажешь… Тебя мне больше не за что винить.

Теперь мне кажется {как будто снится}, сидит с ним Дьявол за одним столом. Друг против друга.

Давно он создан был страданьем наделён и пониманьем знания той важности момент усугублён

Как проводят чужое время несуществующие?

В прятки играют… Пишут портреты отражением на зеркале…

Чередуют сущности умерших… Пытаются прорваться.

Им тоже нужно выбираться.

Вход. Выход. Крик. Выдох.

В пустыне веет ветер. Жаркое, жёлтое, сухое, сладкое.

Всё выдыхает.

Те двое смотрят друг на друга (враг врага). Глубокомысленно молчат…

Часы песок пересыпают.

— Для Дьявола ты слишком молодой.

2S

— Куда направишься?

— Домой.

S2

Один уйдёт, один останется сидеть и ждать заметных изменений.

А на столе песочные часы стояли.

Круглые как шарики синего цвета в фиолетовой обёртке.

Пойдёт песочный дождь. Я, кажется, знаю.

Её по-новому открытые глаза. Всё те же стены. Для Химены тот сон был слишком чёрно-белым.

Чёрно-белым почудился Жилю сонный рассвет.

В единственном окне его палаты мерцал, рождающийся мёртвым, свет заката. Последним отблеском небесного огня над облетелым лесом является начало вечера. А завтрашняя ночь прошла.

Жиль устало сел на кровати, согнув ноги в коленях и обняв пернатый покров одеяла.

Корвус стал вспоминать то, что снилось ему завтрашней ночью. {Невыносимо красивая брюнетка в чёрных брюках. На ней ничего больше. Она выгнула спину игриво. Прекрасные улыбки смешливых школьниц желтеют на её смуглой ладони. Бе3Заботно изогнула спину. Пряный аромат горелого голоса. Безропотно расстегнула три старых пуговицы на брюках. Зябь путаницы в звуках, три каменных надгробья, утонувших в чьих-то муках. Спорхнули вниз. Со стороны другой столь непристойный визг, что наслаждайся им, коль обладаешь слухом. Идущая к тебе по всем уступкам красоты, раздевшаяся без пощады шлюха уходит вдаль моих могил, так безвозвратно чередующих друг друга. С оглядкой

тайны на меня, пристыжено обнажена, зовёт тебя. Она. Красотка-тьма}

Жиль открыл глаза — в паре прозрачных метров на подоконнике истерзано орал подарок.

Чернокрылый Ангел Дьявола преподнёс постояльцу 25-ой палаты серебряный поднос. И чья-то незнакомая голова теперь пылала на подносе.

— Жиль? — строго спросила голова. Корвус бессмысленно кивнул.

— Жди, — потребовала голова и попыталась заглянуть себе под нос. Чуть не упав, прочла-таки с поверхности подноса:

— Два, Пять и Два опять…

— Очень жаль, что всё так ясно.

Ничего не сказав в ответ на скепсис Жиля, горящая говорящая голова «слетела» с подоконника и, приземлившись на пол палаты, неспешно направилась к приоткрывающейся двери, искренне осыпая свой путь хрустящими искрами.

По-прежнему с сомненьями в такую вот реальность веря, Корвус окончательно потерял полыхающий подарок из виду.

«Умываться пошла.» — сорвалась странная мысль внутрь себя.

Тем временем (идущим не совсем привычно) Жиль наблюдал обычный тихий вечер, оканчивающийся мягкими сумерками своего начала. Пациент 25й палаты с растерянным интересом оглядел привычный интерьер: тринадцать жёлтых роз в широкой банке на столе / по раковине умывальника, как по адскому кругу арены, катается мыло / зелёная зубная щётка старается влезть в тюбик с пастой / изнеженно-жёлтый цвет краски обнимает старинные стены / фиолетовые шрамы легли на полу, а сонные тени от них блестят с потолка / за изголовьем древней кровати застыла колонна, выглядевшая сквозь призму справедливости чёрным монолитом из космоса бесконечности.

«Какую же одежды мне выслали сегодня?» Корвус слез с кровати (пружины плясали плавно, словно волны) и осторожно заглянул в тумбочку, чем-то неправдоподобным похожую на топку кочегара-лунатика. За чёрным веком заслонки скрывался новый «гардероб» Жиля: жёлтая футболка с надписью «Darkness» (буквы ложились на ткань сверху вниз, как крупные зловещие листья); мятые джинсы из вельвета серого цвета; чёрный носок с белой полоской + белый носок с чёрной полоской; идеально белая куртка без подкладки (зато вся в письменах).

Под буйство осенних перепадов настроенья за окном [и окончательно рассеявшийся вечер] Корвус облачился в новый наряд.

Вот тут-то он и вспомнил о ней.

Красно-кровно-жёлтая. Отвратительно кривая. Разорванная на куски и сшитая в одно творенье снова… Пустая маска Уродливого Духа {чуть не забытая} висела на двери.

Маска казалась Жилю жуткой и обезвоженной. Она косо улыбалась, будто дверь представлялась ей смешливой крышкой гроба, за который нет ничего.

«Теперь моя.» Подумал Корвус, надевая маску.

А дальше — как в забытом сне про старый фильм (сценарий не прилагается). Жиль с ловкостью пьяного фокусника выловил из раковины неугомонное мыло, попросил у крана открыть воду, выдавил зубную щётку из тюбика с пастой и стал взахлёб умываться.

«Вода — первичный отражатель,» вспоминал Жиль собственный голос, высматривая себя в зеркало над умывальником. Размытая ухмылка маски Злого Духа. Ровная колонна водопада из крана. Парализованные *часы* упорно шагают против собственной стрелки…

Где-то за стеной (безо всякой надежды на ожиданье) раздался космический шум, едва ли не рвущий пространство.

Музыка из чудного пепла научной фантастики.

Жиль сразу понял по звуку:: инопланетная группа MuDvAyNe снимает клип в соседней палате. Он выключил воду. Тут вдруг погас весь свет, за окнами слетелась тьма, взяв в плотное кольцо (как в капсулу) больницу.

Уродливая маска сильнее вжалась в кожу Жиля. Казалось, ничего не происходит, но сквозь пустую темноту вновь «вдарили» Mudvayne.

Вышедший из многосекундного паралича Корвус, решив полюбоваться игрой безумных музыкантов, на ощупь вышел из палаты. Чёрная тишина овладела Психушкой. По коридору бродила прозрачная мгла.

Корвус наконец-то добрался до звукоизоляционной комнаты и дёрнул открывалку двери. Лишь на секунду ослеплённый светом, Жиль ожидал увидеть **всё** , только не это: простая белая комната с мягкими стенами смотрелась слишком пустой. Ни люков в потолке, ни дыр (забытых кем-то) на полу, ни потайных дверей, ни одного оконца.

Свет — тьма — свет-свет… Последние слова не успевают ворваться в разум Жиля до того, как скрытый за затылком страх повиснет на плечах [и поздно будет что-то прокричать]. Закройся внутри, в белой палате скройся от звуков, никуда не смотри…

Почти погибая от атомного взрыва в центре сердца (клапаны

захлёбываются кровью, в висках раскатисто играет гром), захлопывая свет пустой палаты, Жиль Корвус выбирает тьму.

…Внезапно коридор ожил. Появились другие пациенты, лениво бредущие то ли за лекарствами, то ли в столовую, то ли на Страшный Суд…

От вечера к полудню растворилась темнота.

«Здесь есть парень — Космический Казак… Так если ему нужно выключить свет в комнате, туалете или коридоре (не говоря уже про кладовку или саркофаг старшей медсестры), он просто разбивает все горящие в помещении лампочки.» Космический Казак называет такой приём «обесцвечивание», хотя в справочнике «Устрой свой Апокалипсис: Удиви себя и других» он упомянут под названием «изменить источник света».

Почему-то только сейчас Жиль почувствовал удовлетворённое пять (идущих вспять) минут [вперёд-назад] желание умыться. Скоро будет обед. Для всех, кто помнит — как есть. Оставшиеся яства уходят на ночной обед для бессонных (пару прямоходящих во сне пациентов из корпуса Б такой подход к приёму пищи не тревожит).

Один коридорный полудурок под видом сутенёра-сменщика трагично семенит к торговцу семечками. Тот сидит на сеточном стуле, а перед ним табурет из рыбьих костей и чешуи, на котором установлен стеклянный таз. По всей глубине ёмкости страшно шевелится чёрный товар.

— Если не покажешь мне шумовые документы… — с грозным доверием говорит первый идиот второму. — Отчаянно запнусь и переверну твой тазик.

В следующую назад секунду лицензия на торговлю живыми жареными семечками {в любом районе рая} со скоростью пули пролетает у него перед глазами.

Жиль уже видел всё это (сценка с угрозой проверки документов разыгрывается каждый день и заканчивается совместным принятием препаратов обоими «актёрами»). А дальше — как в забытом сне про странный фильм:

Какой-то мрачный пациент в «костюме из грязи» вынул свой глаз и промыл физраствором. Три улыбчивых галлюцинации курят в туалете [одна — с обратной стороны окна]. Дон Кидок терзает градусник, наполненный китовой кровью. Сплошная медсестра с мозговой клизмой. Чихающий доктор Кашля с кодеином в баночке для анализов. Серый дым, нежданно ожив, жгёт мусор прямо на вахте (под ним дым представляет телефон, журнал дежурной, ваксу, клей, капельницу, два шприца и лампу). Какой-то псих пытается проехаться в коляске по стене, но падает и мелко матерится. Вопрос раскрошенного манекена «Сколько

время?» Вовремя повесили с обратной стороны доски психокоррекции рассказ забытого скользящего ублюдка под названьем «{C}0{H}». Налипшие на стены тени. Чужие фотоснимки привидений. И голоса невидимых людей…

Корвус наносит на холст реальности краткий визит в столовый ресторан.

Пациент Ротпей, попавший в Больницу за необдуманность врачей (пока он здесь — пластические хирурги могут совершать любые ошибки совершенно без последствий) запугивает еду перед употреблением.

«Смотрю в свою тарелку… Это даже есть не надо. Это **уже** говно.»

Приготовив пищу для психов, санитары-повара грузят её падшими порциями на многоярусную стол-тележку, после чего выкатывают во двор.

Несколько аппетитных кругов вокруг Психушки строго против часовой стрелки. Настоящее пищевое ралли, к финишу которого доезжает далеко не вся еда, а шеф-повар доедает все сошедшие с дистанции котлеты.

И только потом (и только так) изысканные блюда пребывают к обеду.

Взглядом мёртвого патологоанатома Жиль оглядел столовую: Ротпей дерётся с кашей; какой-то длинноволосый мужик в плаще ударил себя ложкой в шею (вероятно пытаясь закончить жизнь таким нелепым способом); старшая девушка-медсестра, вооружённая неоновой короткой юбкой, заглядывая в глаза доктора Вуду, «строит глазки» своему отражению; Микки Хи за крайним столиком у окна проводит операцию по удалению мозга; ну а за столиком в углу отчаянная парочка занимается космически солёным сексом.

Жиль Корвус выносит в мусорный банк реальности свой краткий визит в столовый ресторан. Теперь ему нужно раньше себя попасть к доктору К.

Итак — комната, одетая в тёмное. Пряные сумерки осени липнут к тебе. Ты закрываешь бесшумную дверь, проходишь, садишься.

Сейчас ты — Жиль Корвус.

— Привет, доктор К… Поговорим о любви?

●Основной инстинкт Человечества — узнать, на кого похож Жиль Корвус○

— Любовь другого в идеале — зеркало, которое тебя любит…

● Скорей всего — похож Жиль на тебя, но лишь если твой любимый человек любит такую твою похожесть ○

— Очередная пара-Ноя. Двоичная ложь. Как если на полном

серьёзе говорить со своим отражением при полной луне.

«Вы странно выглядите, доктор…» Твой голос во сне.

— Что за Ужасная Маска у Вас на лице?

— Ах, эта… — пальцы липнут к чужой коже. — По-моему, это подарок…

– *Любовь* ?

— Да, совсем забыл о ней…

Кривая ухмылка через маску.

— Как это всё просто… Наводишь на неё прицел лица, делаешь его «гипноз» красивым и…

Тихий шёпот тайны во тьме, что слился со словами Жиля:

— Любовь: мистический обман… Дружба: всего лишь взаимовыгода… А я — в плену людских идеалов… Идеалов своей красоты и собственного уродства… Но когда я видел тех людей на улицах городов, внутри своих\чужих домов, в магазинах, кинотеатрах, где-то ещё… я не чувствовал, что они способны любить даже себя. Вот смотрю на него, на неё, на них, но не верю, будто эти отравленные друг другом люди влюблены, были или будут…

● Никто не ощущает счастья. Нет для тебя игры в любовь ○

Корвус попрощался и вышел. Он идёт (сквозь тусклый свет коридора _ по бесконечному полю чёрно-жёлтых шагов _ мимо оскаленных пастей перил _ вдаль скалистых уступов скучающих лестниц _ вдоль душных дверей, закрытых для всех и за всеми _ он идёт, идеально один _ пустой стук шагов к невидимой цели).

В его палате (пустыня многолюдней) — никого.

Цветы. Колонна. Умывальник. Перед окном серебряный поднос…

Жиль переложил подарок на стол (тринадцать чайных роз заискрились каплями слёз). Нежный аромат, мягкий ветер любви, случайно пролетавший мимо. Сладкий вкус радиоволной ниоткуда.

Жиль отмахнулся от всего. Он у окна. Перед ним осень.

Взгляд {словно в сон} на след от подноса: «Выжег фазы Луны на подоконнике…»

Синхронно с точкой в конце мысли незапертую дверь палаты остервенело начали пилить, при этом как-то очень чётко следовали своим инструкциям по эксплуатации чучела рыбы-пилы.

Жиль с интересом висельника перед расстрелом наблюдал за моно(томным) формированием идеальной окружности на теле взмокшей двери. Спустя пару секунд {как плод из утробы} на пол выпал кусок дерева, похожий на поднос. В образовавшемся круге черноты появилась улыбающаяся кошачья башка.

— Ты что-то совсем с ума сошёл, — промурчал ЧёрноЖёлтый Кот Корвусу, пробираясь через дыру.

Тот только промолчал.

— Я к тебе давно не заглядывал… Прости, друг! — Кот влез на стол и обнял банку. Цветы обрадовано зашелестели лепестками, стали благоухать ещё сильней.

— Амррр… — двухцветный гость палаты 25 блаженно закатил глаза (и брякнулся на поднос). — Хладная гладь! Приятен твой приём.

Закрыл глаза, как будто бы уснул.

Прошло назад минуты две. Корвус спросил:

— Почему часы перевернули?

— Могут в психушке часы спятить? — Кот закрытыми глазами пялился в потолок. — Скоро утро. Доживёшь до ужина?

ЧёрноЖёлтый, не размыкая век, глянул на Жиля:

— На тебе **твоя** маска или чья-то? И почему здесь так темно?! Ты родился до того, как умер, или после? Сколько звёзд отражается в океане? Кто разрушил пирамиды? Где находится нофелет? Почему ты такой красивый? Какова скорость беззвучия? Есть ли всё на Марсе? Будет ли Конец Тьмы? Как долго ждать Второго Пришествия? Кто пролил Косте Пепеляеву клей в портфель? Счастлив ли ты? Сколько любимых людей у тебя не будет? Кошки: кто они? На какой фильм похожа твоя любимая книга? Мы когда-нибудь перестанем играть в вопросы? Что такое Матрица?

Кот открыл глаза.

— Зачем ты здесь? — Корвус смотрел на посетителя сквозь отражение в стекле. Ему показалось, будто сама Смерть изучает его кошачьим взглядом. Уродливая маска Злого Духа на карнавале. И занавес осенней красоты.

— Ты так легко теряешь свою жизнь… — ЧёрноЖёлтый Кот перевернулся на живот, с детсадовским любопытством оглядел палату. — В твоей гробнице так чудесно… Отдашь мне вторую половину «Абсурдника»? Она кое-кому сейчас нужнее, чем тебе.

Жиль с безразличным чувством открыл топку тумбочки (совершенно забывшую о собственном существовании), пошарил-побродил внутри рукой и выудил одну из равноценных половин.

Кот бережно обнял книжку.

— Музыку сегодня слышал? — спросил он.

Корвус вспомнил про съёмки клипа в соседней палате.

— Да.

— Это тебе показалось, — Кот двинулся к двери, поднял выпиленный круг и уложил на него книгу. — Индустрия грузоперевозок прижимает к груди Вашу любовь.

— Что показалось? — переспросил Жиль.

— А *что* тебе показалось, мы тебе потом покажем, — ЧёрноЖёлтый мягко царапнул ручку лапой. Дверь отворилась медленным полумесяцем. Кот замер в тёмном проёме. Его смешливый взгляд перелетел с постояльца палаты 25 на текст:

«Память — изощрённая болезнь Счастья.»

Прочитав эту строчку, Кот весело улыбнулся и снова поглядел в сторону растерянного Жиля.

— Попросишь что-нибудь взамен?

Корвус неопределённо повёл головой, в которой не зажглась ни одна просьба. Кот согласно кивнул.

— Я могу дать тебе **всё** , но ничего больше.

Он водрузил импровизированный поднос себе на голову и вышел.

Химена уже переоделась в свою обычную одежду. Палата в подвале стала для неё привычнее места на парковке за бесплатным супом. Когда она проснулась, ей на мгновение почудилось, что время движется в обратную сторону (но мгновение это быстро прошло…)

Она решила пройтись по больнице — ей всё-таки здесь жить. Только отворила дверь, а на пороге чёрно/жёлтый Кот: не вздумай жить здесь слишком долго.

Ещё он улыбается и говорит: я тебя повсюду *не* искал. Ты не была нигде. Давай пройдёмся…

Химена пристально смотрит на «кусок бумажной рванины» в лапах Кота. Тот почтительно вручает ей «кусок бумажной рванины», сказав, что это вообще-то единственная половина лучшей книги во всей психушке.

— Книжка явно библиотечная, попрошу листать осторожней и гвозди уборных в неё не втыкать.

Кот приобнял Химену за колено, но идти стало неудобно — девушке пришлось отлепить от себя настырного зверька. Тот же потребовал «не лапать его такими чистыми руками».

Они, не встретив даже пауков, прошли весь коридор подвала. Кот спросил:

— Тебе ведь снятся сны?

А Химене всё время снится парень, что зовёт себя Ржавым…

От него ушла девушка — просто разлюбила. Но он почему-то считает, будто она умерла (и пытается винить себя в этом)… А ещё этот Ржавый одержим идеей о Втором Сатане, который якобы переделает мир (если вообще когда-нибудь появится)…

— Да так… снится всякая чушь, — отвечает Химена. Они выходят из подвала.

Коридор больницы полон чудес. Психи слоняются повсюду,

не вдаваясь в подробности собственной болезни. Кот напевает:

— Я дерево узнаю по походке — оно носит, носит листья в галифееее…

Химена замечает, что «сахар» — единственное слово на стенах коридора, которое можно прочесть разоружённым взглядом. Мимо неё проходит бритоголовый парень, раздетый по пояс (и окрашенный в красное). Кот говорит: пойдём, поешь.

В столовой супер-бардак: безработный художник Микки Анджело предпринял сокрушительную попытку изобразить себя в цвете (не вышло); доктор Вуду узурпировал всю соль в солонках (как он выразился — «для проведения ритуалов»); Кот нашёл потерянное сознание (оставленное кем-то на столике у входа); Химена заказал пончики + кофе (ароматный и не очень горячий); Космический Казак расправляется с лампами дневного накаливания (накалывает их на свечной шампур); «трижды герой мира» Чапаевец крепит себе на спину новый орден (места для пластиковой тарелки на груди доблестного вояки просто нет); доктор Бен безучастно отслеживает всяческие телодвижения персонала (подумывая использовать этот материал в камасутре для насекомых)…

После условного обеда Химена и Кот пробрались на чердак психушки.

Вид на Симанский сад чарует осень бесконечно. Прозрачность желтизны лица любого из деревьев — как перевёрнутый закат. На небо море пролилось. Ультрамарин небес…

Химена не находит слов. Кот шарит по углам, находит букву «D». И сообщает: никогда не умел знакомиться по азбуке Жизни.

Девушка, дарящая себя чернящей белизне, вволю наслаждаясь осколками света осени, отводит взгляд от сада, красиво смотрит на Кота. И говорит:

— Тебе нравилось **не** делать вид?

Изображая приступ паранойи, Кот отвечает:

— Мне нравилось *твоё* изображение… У нас тут местный художник малюет всякое «фото» на стенах… Я тебя уже видел. Странно, что ты меня раньше не видела, — он хитро улыбается и опирается о стену лапой.

Чердак условно чист — здесь хлама нет. Ещё отсутствует полезный «инвентарь», но без потери качества психушки.

— Никогда не найдёшь, что искал столько дней — В самом тёмном углу, слиянии теней — И не ясен финал слишком страшной игры — Кем останется «Я», кем останешься ты…

Чёрный\жёлтый Кот поёт, когда они с Хименой прочь выходят. Чердак теперь сильней опустошён. А осень сад всё также

украшает.

Жиль попытался прочесть слово снова.

Сахар.

Красуется на левом рукаве его сегодняшней куртки чуть ниже плеча. Остальные письмена прочесть не удалось (невнятная бессмыслица психически больного летописца). Читай хоть через зеркало, хоть задом наперёд, переставляя буквы — результат один: «сахар» самое знакомое слово. Корвус начал читать надписи, чтобы прогнать скуку.

Похоже, не поможет… Утро. Ужин уже.

Холодный рассвет осени.

Стой как мертвец у стекла и забудь обо всём. Не помни про время, проведённое здесь, не помни других и того, кто ты есть. Не помни потерь, не помни удач. С пустыней во взгляде гляди в жёлтый лес, теперь улыбнись (захочешь — заплачь). Не помни о том, что неспешно за тающим солнцем туманится темень небес. Не помни, как памятью проклят {в отражениях маски уместился ты весь}…

● «Я» ненавидит тебя, скользит в глубину, но в пространстве сна вакуум. Тогда «Я» озлобленно скалится на чёрную пустошь и начинает отчаянно что-то визжать. Словно сигналы о помощи в железных мозгах ты слышишь Самое Лишнее Слово: неудачник * неудачник * неудачник * неудачник ○

Наверное, он больше не сможет снять маску…

Рви руками её, царапай, цепляя пальцами, жги нежной кислотой, пытаясь договориться по-адски, кромсай её скальпелем, в вине топи, молчи с ней о страхах хоть тысячи лет, вдави её в соль на могильном камне против часовой стрелки, мысленно отправь в космическую бесконечность, пробуй расщепить её корпускулы в своём лице на холостом ходу, узнай о ней всё и пойми, что вам обоим не будет любви — результат один: она это ты. Неужели?

Корвус отравлено припал спиной к скелету приоконной батареи. В палату входит Кот.

— Опять ты здесь, — шутливый взгляд зверушки «завихрений мозга».

Жиль забывает о своей печали удивлённой маской. Чёрно-жёлтым «чудовищем» Кот хватает его под руку и тащит из палаты прочь.

В коридоре меж ними происходит диалог, достойный Данте и Рембо:

— Ты собираешься маску снимать?

— Не вижу смысла в ней…

— Отличный ты такой!.. Как сны? Ты их не беспокоишь?

— Вроде, нет.

— Вечером к завтраку я тебя жду, столовая в твоём распоряжении…

— Воспользуюсь, спасибо.

— О чём грустим?

— Про будущее думать не хочу.

— Не гляди в него — не будешь знать, что будет.

— Тогда вся польза пропадёт…

— Зато всё время будешь удивляться.

— Для чего ты взял вторую половину моей книжки?

— Прежде всего — для **кого** .

— И всё же…

— Для девушки, которую ты никогда не встретишь.

— Но ведь она же где-то здесь?

— Ещё бы! Она всенепременно **здесь** . Но вот *когда* ?

— Что это значит? Ты просто шутишь, что ли?

— Шучу не слишком сильно, и вовсе не стараясь сделать это… А для тебя — увы и ах!.. Какой вы были бы, конечно, парой! Жаль…

— Рискну тебе поверить. Скажи, куда идём.

— В Симанский сад.

— Ты упросил главврача, чтобы меня отпустили пройтись?

— Открою тебе маленький секретик: я никогда не видел главврача.

— Может, потому что его нет?

— Скорей всего — именно потому, что он есть.

— Так как я выйду в сад?

— Почти легко. Я отвлеку самого себя каким-нибудь новомодным бредом, а ты в это время, оставаясь незамеченным для санитаров, охраны, пациентов, докторов — вылезешь через окно наружу. Всего и делов-то…

— Красивый план.

— Это не план. Это — безумие…

Кот улыбается всей мордой, без остатка. Жиль видит в стекле отражение своей маски, многоструктурно наслоённое проекцией в Симанский сад, который всячески «увит»: полёты желтокрылых листьев.

Жиль Корвус открывает раму. Кот хитроумно отвлекает ВСЕХ:

Он выкуривает четыре шоколадных сигареты разом; притворяется мечтами в жизнь раскованных людей; переключает без пульта каналы телефона в гостиной воображаемого чиновника; тайно провозит из одного конца коридора в другой рисовые фигурки нелегалов в максимальной миниатюре; травит

гладко выбритые анекдоты во фритюрнице из полиэстера; вынуждает себя кричать не по нотам; оригинально имитирует работу мозга, сопрягая этот процесс с таким тяжёлым плевком, что упади он с 30ти метров — мог бы убить; переигрывает, просто переигрывает; смеётся тихим щелчком; падает на простыни истерики (они похожи на линолеум сегодня), катает тут же снежный ком из слов; вызывает внимание огня на себя, чем хитроумно отвлекает всех…

Жиль уже «вышел» из здания. Симанский сад покорно ждёт.

Кот поворачивается к нему и [закрывая наглухо створку окна] успевает сказать: если ты встретишь (как тебе кажется) «ту самую» девушку, это ещё не означает, что она будет твоей.

Мягкий аромат жёлтого цвета. Вечное небо осени. Синий простор.

Уродливая маска срывается с лица, точно сумасшедший лист клёна. Жиль даже не успел удержать её мыслью. Жуткий разрыв железной (словно желе) логики реального мира в осеннем саду — и маска исчезла.

Жиль Корвус остался при своём лице. Полузабытое для зеркал и отражений, оно наиболее точно транслирует волну эзотерики на заднем дворе чужих эмоций. Его лицо «снов» снова светится на психокарте планеты. А маска (бушующее нечто пришло в никуда. Оно валится вниз, кро́шится в них, эти фосфорные вмятины плюс углы, ямы кошмарных надежд… Уродливый Дух опять расщеплён. Но маска теперь устремляется сквозь жаркий колодец-тоннель, возможно – самый глубокий со времён зарождения законов бурения скважин в ночи. Она начинает вращаться, разбрасывая капли начинки слишком эфирно. Капли бьются о стенки колодца и застывают в корнях капиллярных деревьев, на всём пути испаряя крошечный звук. Приглядись – и услышишь… Маска пробивает тёмно-красное дно пожара, врывается в огонь чужих чудес и начинаний. Она видит, что смотрится хорошо. Она найдёт новое лицо, прекрасней чем луна, и однажды во сне «прилепит» к себе. Ты проснёшься с тупостью чувств – внезапно поймёшь, что жизнь не для тебя, и что пора прекратить действовать. Восстанешь перпендикулярно кровати, высокий как пень, серьёзный внутри собственных жалоб. Тогда-то ты скажешь о зеркале, игриво мерцающем в конце коридора. Ты выйдешь на свет зашторенных окон: землистый, промытый, чудовищный кокон… Все мысли твои можно будет потрогать. Дрожат на дыхании, словно кромешные листья в саду инфернальной осени. Да ты и сам уже кружишься водопадом страха. Карябать когтями игрушечных пальцев лицо – забава для маски. Ты спёкся. Настолько, что демонам прощё выбросить

сковородку, чем несколько тысячелетий соскребать с неё твою личность. Это отлично! Маска красиво смеётся завывающим смехом. Ты даже не хочешь кричать. Теперь чуть позднее, не то чтобы раньше. Но слишком – всегда… Обычная ночь. Уже поздно. Жёлтые фонари, жёлтые листья на дне перевёрнутых вёдер света. Желтая маска луны над окном. Чёрный край неба, потушенный крик никого. Ты прячешь за стёкла не лучшую жизнь. Стоишь в тишине сумасшедшей осени. Безликий, чуть жёлтый с лица. Не слишком живой, недостаточно мёртвый. Постаревшее забытье стало удачной привычкой. Живёт только маска, не ты) где-то в конце другого мира…

Химена подходит к подоконнику, на котором восседает Кот.

Тот веселится взглядом. За его спиной вздымается осенний сад жёлтого многообразия природных форм.

— Я тебя почти потеряла, — девушка «чёрно-белой причёски» закрыта от света за отражением на стёклах.

— Ничего удивлённого! Исчезаю, появляюсь. Чéширский кот — мой слишком дальний родственник… — улыбчивый зверь чем-то очень доволен.

Химена уселась с ним рядом.

Слегка помолчали. Она (взгляд на осень) спросила:

— Чья эта половина книги, которую ты мне принёс?

Кот театрально поджал губы, взгляд его стал серьёзным и даже жестоким. Печальный вздох, ответ:

— Я взял её у парня, который был здесь когда-то…

Уклончивый взор в пространство коридора. Доктор Бен мимоходом ставит диагноз невидимому пациенту, который якобы повёл себя слишком незначительно в начале чьей-то книги.

— А теперь его здесь больше нет?

Кот хитро улыбается и говорит:

— Он вышел… Попробуешь его найти?

Окно раскрыто в осень. Весь сад «горит» листвой: полёты, смерчи, завихренья, быстрый сход.

Химена слезает с подоконника прямиком в «открытую рану» Симанского сада, похожую на лиственный ковёр. Идёт до ближайшей рощи – деревья жёлтым шепчут, как в бреду. Приятная поляна для заката. Простейшая скамья. Химена уселась любоваться садом, а осень разлилась на всё вокруг.

Жиль с опаской потрогал своё лицо. Поверх него — никаких масок.

Он оглядел пространство сада. Осень везде.

Листья падают, точно в точку ранимых мечтаний…

Пустая скамейка по центру поляны.

Жиль подходит, садится. Весь сад «пылает» листвой: полёты, смерчи, завихренья. Парень (что больше без маски) просто сидит и смотрит перед собой: Симанский сад идёт холмами ниже, ниже… Фигурные желтки деревьев в друзьях у красноструйных перепадов на земле.

Осень расплескалась по небу, синяя и цветастая, будто прозрачный пакет.

Жиль Корвус просто смотрит. В саду нет больше никого.

Кот, причинно находясь на первом этаже психушки, идёт в комнату под номером «22», проскальзывает внутрь и садится напротив доктора.

Тот улыбается (хвалебно + красиво). А после говорит:

— Вы ведь догадывались, что пациент Корвус принимает меня за собственное отражение? Во время наших бесед он думает, будто бы говорит с зеркалом. И пытается это скрыть от самого себя.

— Я знал об этом слишком много.

— Ах, если так, то скажите мне — откуда он выдумал эту свою «дочку»? У него нет детей… И, прямо скажем, вряд ли будут.

— Жиль выдумал её, чтобы не быть таким одиноким. С этим всё просто.

— Вы проницательны. И талант психиатра у вас есть. Я всегда одобрял ваши методы работы. Быть среди «осуждённых на смерть» — это, прямо скажем, смелый подход.

— И за него ещё платят неплохо.

Доктор на другом конце стола опять размозжил губы ловкой улыбкой.

Кот усмехнулся в ответ. Доктор, уже несколько лет закреплённый за 22ым кабинетом (ему порядком надоела эта дурацкая работа — быть не пойми кем в дурдоме), чуть подался вперёд и произнёс богобоязненным шёпотом:

— Поймите меня с интересом, я ни в коем случае не пытаюсь осуждать безразличных мне людей, но ведь он думает, что я зеркало.

— Я знаю, он слепо верит в дурные приметы. Вам нечего бояться — он Вас не разобьёт…

Доктор К(от) выходит из кабинета 22.

Коридор больницы валяется в шизофрении. Пациенты (как обычно) сходят с ума, сегодня даже слишком сильно.

Осколки стекла лежат во дворе уже несколько лет. Кто их там будет убирать, шеф-повар?

Симанский сад тонет в осени каждый год, по расписанию.

Странную книжку «Абсурдник» издали ограниченным тиражом. Однажды Жиль случайно разорвал её на две равные части. Получилось удачно.

Доктор К(от) носит чёрно-жёлтый халат, когда его никто не видит.

Голоса в голове Химены и Корвуса действительно «окрашены» под монохром. Так проще выделиться (такой окрас особо предпочтителен среди демонов, следящих за безумием моды во все времена).

Группа Mudvayne, скорей всего, не снимали клип в палате Психушки.

Жиль и Химена разделены 6естью годами жизни. Они в «разном времени».

Для К(ота) время течёт правильно. Он ждал 6 лет, чтобы привести сюда Химену и дать ей вторую половину книги Корвуса, в ответ на её: «Можешь ещё принести что-нибудь почитать?»

Больница – это и вправду одно здание: два корпуса (А и Б), три этажа, подвал и даже чердак. Пищу тащат через двор. Костры не жгут на крыше, опасаясь спектакля «Огненный Сатана против Пожарной Охраны». Некоторые двери с одной стороны обычно без ручек. Многие ручки [как всегда] без дверей.

Входные двери, протяжно заорав, захлопнулись за Ржавым.

Он {с трепетом последнего листка на умершем деревце} шоркал по коридору Больницы. Два санитара послушно вели его под руки, соблюдая дистанцию, достаточную, чтобы не навредить.

Ржавый поступил сюда этой осенью. Всё вышло красиво.

Ему сказали, будто он должен «оседлать свой диагноз». Он же подумал, что это будет удобно.

Палата номер 252 словно ждала его.

Возможно, теперь вся жизнь Ржавого пройдёт именно здесь. Тихо и не очень заметно…

В первый же день он узнал про парня, что считает себя чёрно-жёлтым котом. Ржавый сначала не поверил в эту историю, но доктор, рассказавший её, выглядел максимально серьёзным.

Этот кот-парень таскается с *часами* повсюду и говорит странные вещи (будто он работает в психушке под прикрытием; будто потерял цифру шест6; будто забыл, как кричать тихим звоном; будто умеет притворяться насекомым; будто гроссмейстер в 22 м поколении; будто очень красиво мурлычет; будто не любит жечь суши; будто стабильный конструктор; будто узнал тайны мира; будто запомнил «смерть-память»; будто не видел листвы красивей, чем в местном саду)…

А в первую ночь Ржавый увидел кошмар. Он шёл к своей мечте напролом (хотя и скромничал при этом всю дорогу), а на пути ему встретились девушка с чёрно-белыми волосами красивой причёски и парень в куртке из слов.

Сам же Ржавый сидел на скамейке качелей в осеннем саду. Там шёл дождь. И эта девушка подошла к нему близко-близко (её парень остался стоять в стороне, наблюдая за полётом книги, похожей на бабочку).

Чёрно-белая девушка улыбнулась Ржавому и обнажила левое плечо. Там красовалось слово «Бог». Парень стал похож на кота и помахал Ржавому рукой, будто прощаясь.

Тут Ржавый улыбнулся им — они пошли куда-то в осень. Сад сна сомкнул над Ржавым ветви. Повсюду расплескался жёлтый свет.

Последнее «привет». На вроде как в пустыне.

Игра.в. реальность

— Спаааать! Глууубже в соооон… Спать!!!

Он так орёт, что уснуть вообще вряд ли возможно…

Мой нынешний лучший друг (пока не знаю его имени… может быть — так и не узнаю никогда…) привязан к шарику-качалке с видом на обугленный космос. Я скорбно гляжу на лечащего пациента, а он снова орёт:

— В соооон!!! Глубже! В СООООн!!! Спаааааать!!

Подспудно представляя, как очень одетая вдова монгольского дона плавает в яблочном вкусе посреди бассейна, этот истерик в красно-мятом халате психотерапевта супер-звёзд приближается к нам. В одной из его шести с половиной рук — изумрудный скальпель…

Вот и она! Наша «огневая поддержка»: приятного вида девушка лет 170-ти (в этот раз одетая в костюм модельера)…

— На сегодня приём окончен!! — орёт ещё громче мнимый «хирург».

И проваливается в подвесной потолок. Наша спасительница освобождает нас при помощи мятной жвачки и заклинания Древних Идиотов… Когда она целовала меня, сначала я подумал «Фицхуку будет трудновато…», а дальше чуть не подавился слюной.

Девушка (у неё светло-золотые волосы, не слишком похожие на водоросли) наконец от меня отлепилась — теперь лицо у неё мерзкое, но противное…

Мой теперешний лучший друг сказал, что звать его Фицхук. После чего заметил, будто я вполне могу начать говорить стихами…

Мы вчетвером выходим через больничные коридоры на свежий воздух.

Зимой было бы жарко. Но теперь здесь, похоже, летний вечер в самом начале весны. Я понимаю, что геометрия города прослежена чрезмерно подробно: прорисованы даже мельчайшие детали: линии внутренних органов самых дальних деревьев; пластик асфальта; силуэты теней вдоль стен зданий; криогенные шторы; наш новый спутник в шляпе и отутюженном костюме серо-зелёного ливня… Он показывает рукой Фицхука в сторону гор, темнеющих под лунным смотром. Мы сидим в придорожном кафе. Я траурно смотрюсь в отражение стёкол (в этот раз я красив + сильно небрит)… Фицхук играется с мобильником (постоянно плюёт в экран, наугад нажимая кнопки)… Наша бывшая красавица снова бесподобна: фиолетовый парик она расчётливо

отдала новичку, забрав себе его кроличью шляпку… Курит круто (дым из сексуального ротика стекает по спирали, будто из чёрного дула ружья несуществующего калибра).

Новый участник говорит уже минут 13ть. Я ни слова не запоминаю.

Фицхук выходит из дверей, садится за барную стойку рядом с парнем в жёлтой рубашке. На пол валится несколько монет из моего стакана. «Жёлтый» парень хлопает Фицхука по плечу, идёт к нашему столику в дальнем центре зала. За моими окнами пылает Луна, будто лампочка под сводом.

Наша белобрысая уродина согласна заключить с «Жёлтым» парнем рисковое пари: тому, кто прикончит меня первым, нальют порцию за мой счёт.

Я хватаю с пола Беретту 93R и, уложив метким выстрелом в левое полушарие мозга нового участника (на нём, кстати, был синий парик), бегу из-под ураганного огня — Фицхук херачит автоматными очередями, сидя на высоченном стуле за барной стойкой. От резких звуков выстрелов лопаются бутылки у него за спиной. Я падаю под столик — парень в жёлтой рубашке куда-то исчез. Наша «огневая поддержка» (блондинистая красотка в шляпе и С. автоматом Хантера Томпсона наперевес, теперь до ужаса похожая на гангстера из фильма про «сухой закон») вовремя приходит мне на помощь, срезает моего бывшего лучшего друга короткой серией пуль: Фицхук валится на пол безобразным куском пережаренной свинины. Лампочка луны разбилась — я бегу по ночному городу, то и дело стреляя кому-то вдогонку.

Моя белокурая помощница неотступно преследует меня — я именно за ней и бегу: пули бьют в деревья, то в стены домов… Сложно прицелиться в такой темноте. Посреди пустого переулка стоит тот самый парень в жёлтой рубашке и рассказывает что-то страшное моей блондинистой уродке…

Я обессилено падаю на колени, пистолет чернеет в безвольной руке.

В её глазах сгорают звёзды… «Жёлтый» парень щёлкает выстрелом в мой обугленный череп — Я просыпаюсь…

На улице будто бы лето. За окном — вообще ничего. Централь пустоты…

У него зудящее ощущение, что мозг не его (наверное, пересажен от другого человека… пока он был под наркозом)… Ему почти всё время кажется, что бессонница никогда не уйдёт. И он (наконец-то!) не сможет спать вечно…

День проходит мгновенно – опять клонит в сон и нет сил удержаться…

— Проснись, парень…

— В сон? Зачем ты говоришь с ним?

Чьи это голоса? Я открываю глаза. Первый голос — мужчина лет 50ти (седая щетина, облысевшая голова, очки и белый халат…)

— Не надо было его будить.

Второй голос, приятный и нежный — рассерженная девушка примерно моего возраста (светловолосая, голубые глаза, очаровательный носик, красивые губы… очень привлекательная особа).

— Не думай, будто ты проснулся, — строго сообщает она. — Ты спишь…

— Я вообще ни о чём не думаю… — потерев заспанные глаза, я сел на койке, снова посмотрел на врачей. — Кто вы?

Они переглянулись. Мужчина усмехнулся, словно глупой шутке.

— Это доктор Гаусэн, а меня зовут Гликерия… для тебя просто Лика, конечно… Кто мы — абсолютно не важно. Главное — кто **ты** …

Доктор протянул мне какие-то документы. На первой же странице я увидел собственное фото. Снимок был чуть ли не с трупа…

— Ты наш единственный «пациент». Все специалисты по онейрологии в этом здании трудятся над одним проектом… скажем так — экспериментального свойства… и ты в нём: самый настоящий доброволец, — доктор Гаусэн забрал измятые документы из моих рук, бережно сложил их на столе. — У меня ещё новый отчёт… Лика, прогуляйтесь с ним… снова…

Девушка вымученно улыбнулась и вывела меня из кабинета.

Больничный коридор был пуст. За окнами блестели фонари, едва освещая смутно знакомую местность. Город, где я жил раньше. Больничный двор напоминал мне улицу из детства. Я смотрел сквозь стёкла, с тревогой чувствуя, что ночь следит за мной…

— Вспомнили что-нибудь?

Лика (Гликерия) присела рядом на подоконник.

— Ничего конкретного, — потерев ладонью правую сторону головы, внимательно смотрю в её красивые глаза. — Сколько я здесь уже? Несколько лет? Месяц? Три недели?

Она виновато склонила голову: Мы не знаем сами… Весь экспертный центр, лаборатории, толпы учёных, эксперименты, отчёты — всё пришло позже. Вы были здесь до нас… с самого начала… Сами наблюдения длятся уже 8 месяцев кряду… — она с

восхищением посмотрела на меня. — Вы, откровенно говоря, просто супер чудо! Я рассказываю Вам это далеко не в первый раз, но до сих пор сама не совсем верю во всё происходящее…

Красавица Лика не сводила с меня взгляда. Когда я проснулся, она ведь была со мной на «ты» (и вообще держалась как-то по-хамски), а теперь словно студентка, влюблённая в своего престарелого преподавателя латыни…

— Чем же я такой… особенный?

Её испытующий взгляд. Лика говорит: Вы оживший труп… В прямом смысле… Новый Лазарь… Ходячий покойник… Наши шефы получили непосредственные указания правительства — организовать здесь исследовательский центр… просто Вас никуда нельзя вывозить из этого здания — почему-то сразу начинается повторный некроз тканей, мозг опять «отмирает», а допускать Вашей смерти дважды — мы не имеем права…

Я хмуро вглядывался куда-то за пыльные стёкла. Либо эта Гликерия давно сошла с ума, либо всё это правда… Потрясный выбор у меня! Среди психов, но без памяти. Или подопытным трупом в старой больнице. И что же они у меня изучают? Частоту сердечных ударов, внутричерепное давление?

— Мы исследуем твои сны… — Лика повела меня в одну из палат. Она держит мою руку, её ладонь такая приятная, мягкая… Свет фонарей тускло падает в проёмы окон, только слегка задевая моё лицо. Очаровательная Лика… Она открывает одну из череды дверей. В палате она укладывает меня на чью-то койку. Сама ложится рядом и нежно прижимается ко мне, тихо говорит на ухо (от её секс-голоса у меня кружится голова): Ты засыпаешь. Мы изучаем твой уникальный мозг во всех стадиях сна. В каждой по отдельности. Позже — все уровни сна вместе. Кошмары, «мокрые» сны, воспоминания, мечты… Это возможно именно потому, что твой мозг уже был мёртв, а после ожил сам собой. При помощи нашей спец-аппаратуры наши эксперты подключаются к твоим снам почти на прямую…

Я почувствовал лёгкий зуд в правой части головы. Серый потолок палаты медленно темнел.

Гликерия тихо сказала: Когда Вы просыпаетесь в очередной раз не помните ничего. Как жили, почему перестали жить. Информация всегда стирается, возможно, из-за нашего «технического» вмешательства… Мне много раз приходилось рассказывать Вам всё это, благо, так получается не часто. Вы можете спать неделю или две, не просыпаясь… Для меня это очень удобно.

Лика чмокнула меня в щёку.

— Так я могу любоваться Вами… Всегда…

Я будто услышал щелчок в голове… И потолок исчез.

Чей-то нежный голос шептал:

– Не думай, будто ты проснулся. Ты спишь…

Это высший пилотаж контроля над сном. Он может слушать начало песни, тут же уснуть, и ему приснится концовка… Может узнать во сне своё будущее (да и не только своё)… Может уснуть внутри сновидений, а может представить, будто у него вообще бессонница на почве психоза…

Я смотрюсь на него в зеркало переднего слуха. Мне всё нравится в нём.

Светлая комната закрыта изнутри. Я говорю Артюру: ты лучший…

Он улыбается радостным светом и выходит из комнаты. Я иду следом…

Мы на крыше слишком высокого здания. Жаркое солнце — прямо над нами.

Очень удобно, что на мне жёлтая рубаха с короткими рукавами, лёгкие чёрные туфли и брюки. Чувствую себя вполне комфортно для подобного пекла. Осознанное сновидение… Артюр говорит мне об этом (хоть я и смотрю по сторонам, слушаю его крайне внимательно)…

— Они подрубают этого парня к своим установкам, «видеоснимателям». Он ничего не помнит после. Ему внушают, будто он уникальный, важнее нет. Но это обман, им просто нужен подопытный уродец… — Артюр подходит чуть ближе к краю крыши.

— Я могу прожить во сне несколько жизней одновременно. Полноценных жизней, — объясняет он мне. — В реальности за недолгие несколько минут… Но этот бедняга… жутко думать о том, что творится в его голове…

Артюр печально глядит на опустевший город внизу. Я пробегаю мимо него и прыгаю вниз — он следом… В полёте до земли он говорит мне: мы сможем вытащить его сквозь сон. Мы его спасём!

Мы падаем и разбиваемся на части…

Часть 1: Едва не застрелившись из пистолета в толпе угрюмых байкеров, я встретил своего стародавнего друга — Давидку Виллью. Он просто прогуливался со своей женой, был замечательный летний вечер — а тут ещё и я… Посреди карнавала мы почти чудом смогли отыскать свободный столик в открытом баре на верхней террасе. Бутылка белого вина, я, Давидка, его милейшая жена… Они сказали — у них будет дочка. Химена… Я поднимаю бокал за эту приятную новость. Шум

веселья, танцующие прямо на улице люди, музыка, мелькание огней… Карнавал в самом разгаре.

Часть 2: Я вижу её постоянно. Я с ней — во всех местах, повсюду… Наблюдаю за ней, когда она в туалете или душе. Хожу с ней на работу и за покупками. Мы вместе бываем в кафе, ресторанах, в кино… Я сотни раз видел, как она трахается со своим парнем (а ещё больше — как она изменяет ему)… Мне досконально известны её грусть и радость. Мне нравится любоваться её красотой, когда она спит… Она очень боится темноты, поэтому я не могу обнять её по-настоящему. Правда однажды, когда мы застряли в лифте (и свет погас, оставляя чёрную тьму нам двоим)… именно в этот момент я почти смог к ней прикоснуться… Дело в том, что я — её тень.

Часть 3: На улице будто зима. За окном — занесённые снегом деревья. Листья с них не облетели нисколько…

У тебя зудящее ощущение, что мозг твой был пересажен вскоре после рождения от другого человека… пока тот был под наркозом…

Тебе почти всё время кажется, что сны никогда не уйдут. И ты (наконец-то!) сможешь видеть их вечно…

Всё проходит мгновенно – придётся просто проснуться… у тебя нет сил удержаться…

Наша миссия на «сейчас» — проникнуть в библиотеку без читательских билетов. Мой лучший друг (имени которого я пока не знаю) коряво шагает вверх по ступенькам. Он одет как урод, волосы забраны в короткий хвост на затылке. Я снимаю свою ярко-зелёную шляпу и «вешаю» её на мусорку у входа. Библиотека открывает нам свои двери.

Внутри прохладно и весело. Мы бежим сквозь архив, мимо — экскурсии уродцев. Фицхук сказал, что я похож на обезьяну… Я смеюсь мимо зеркал.

Мы вышли на этаж… Все столы заняты юношами и девушками. Все читают… Фицхук подсаживается к самой красивой девоньке в зале.

Его вопрос: Вы тоже любите листать книжки? вызывает у неё улыбку глаз.

Он говорит: меня зовут Фицхук… (Вот я и узнал его имя…)

— Чудесно… Меня зовут Дия… Мне просто нравится эта библиотека.

Я гляжу ей в профиль, в упор… Шикарные чёрные волосы. Красивое лицо…

На меня Дия не смотрит — мой лучший друг схватил её вниманье.

Она насовсем закрывает мою книгу, кокетливо улыбается Фицхуку. Потом рывком вздёргивает меня из-за стола и ведёт за дверь ближайшего помещения… Мутно-зелёный свет среди книжных шкафов. Мне становится страшно ещё больше, когда Дия показывает своё отражение в зеркале… За моей спиной возвышается (но я её пока не вижу) мерзкая тварь, которая может быть похожей на мёртвого криптозоолога…

— Меня никто не сможет полюбить… — признаюсь я Дие, но та смотрит куда-то мне за спину. Мы бежим по коридору библиотеки. Фицхук сворачивает в ближайшую [дверь] нашу реальность. Повсюду книжные монстры — за каждым шкафом высятся их чёрные туловища насекомых.

Дия смотрит на портрет парня в жёлтой рубашке с короткими рукавами. Я видел его раньше (не помню — портрет или самого человека)…Фицхук орёт, что нам пора просыпаться… «Нам пора уходить!» Дия распахнула створки окна первого этажа — мы выбрались из библиотеки.

— Я забыл там свой читательский, — расстроился Фицхук.

Я с Дией стали смеяться над этой шуткой, но мой нынешний лучший друг преисполнен намерением вернуться в эту проклятую всеми богами библиотеку.

– Тебя не пустят туда без читательского билета, – улыбается Дия.

Ты не обращаешь внимание на пепел. Первые несколько сотен лет он нравился тебе — теперь нет. Пожары больше не бушуют. Повсюду лишь дым. Сгоревшее небо изъедено им. Дышишь золою… Твой апокалипсис состоялся… Для этой планеты — ты единственный Бог (другого не будет). И вот по прошествии тысячелетий ты начинаешь впервые спрашивать себя: может, я всё-таки сплю?

— Ты уже проснулся?

— Наверное, да… Который час? Я опоздал?

— Тебе сегодня спешить некуда… Пить хочешь?

— Ну так… не сильно… Зато я всё помню…

— Я тоже. Тебе ведь понравилось?

— Мне было очень хорошо… Ты так круто это делаешь… Я впечатлён.

— Хочешь сейчас? Давай ещё раз?

— Конечно! Хочу тебя снова.

– Ну, только в твоих снах…

Я открыл глаза: на меня внимательно смотрели пожилой мужчина и симпатичная девушка. На них были медицинские

халаты ярко-белого цвета. Неужто я загремел в психушку?!

— Помните что-нибудь? — очки врача блеснули стёклами.

Я сидел на кушетке в каком-то незнакомом кабинете, в окне позади предполагаемых докторов кружилась ночь.

— Ничего не помню. Где я? Надеюсь, не в дурдоме?

Девушка усмехнулась. Мне понравился её взгляд… Она была натуральной блондинкой, с красивой фигурой, привлекательными чертами лица… Мне очень хотелось услышать, какой у неё голос.

Она со скучающим видом (будто объясняет это не в первый раз) начала говорить:

— Меня зовут Лика, а этого почтенного мужчину — доктор Гаусэн. Мы специалисты в области онейрологии… науке сна, если можно так выразиться.

В этом научном центре мы проводим самые передовые исследования, а также занимаемся беспрецедентными испытаниями…

— Ну а причём здесь я вообще? — мне стало трудно дышать, голова слегка закружилась…

— Вы основной материал наших опытов, — строго сказал доктор Гаусэн.

Лика с ненавистью вонзила в меня взгляд своих чудесных глаз.

— Доделывайте отчёт, доктор. Я расскажу ему всё… снова.

Бросив коллеге эту фразу, она вывела меня из кабинета в больничные коридоры… У меня появилось странное чувство, будто я был здесь множество раз.

Лика подвела меня к тёмным окнам. На пыльный подоконник стелился тусклый свет уличных фонарей.

— В нашем эксперименте Вы основное действующее лицо, — её голос был полон ласковой заботы. — Вы способны подключаться к сознанию других людей, когда они спят. Ваш мозг по-настоящему уникален. И для меня — Вы просто подарок…

Она прикрыла своё внезапное возбуждение милой улыбкой. Да эта блондиночка просто без ума от меня! Раньше ни одна женщина на меня так не смотрела. Никогда.

— Вы видите их сны… Вы легко можете управлять любыми людьми: от спивающегося грузчика до президента; от серийного убийцы до популярной киноактрисы…

Она с придыханием вцепилась небесно-сладкой мякотью своих жарких губ в мои пересохшие после сна губы.

Поцелуй получился мокрым…

— Как такое возможно? — я с большим трудом «отлепился» от Лики.

Её разгорячённое лицо, зрачки предельно расширены…

— Вся жизнь людей зависит от их подсознания, но в данном случае — от Вашего восприятия их сновидений… Вы можете внушать любые мысли кому угодно… Война, мирная жизнь, доходы государства, направления моды — Вы способны повлиять на всё…

Я затаскиваю Лику в ближайшую палату. Она успевает сорвать с себя халат, я стаскиваю с неё трусики… Мы трахаемся до потери реальности… Она шепчет, что я лучший… Она слишком нежна для девушки, которая озабочена опытами надо мной.

Лика целует меня в левую щёку несколько сотен раз подряд. Она говорит: для меня — Вы можете всё…

И я понимаю, что сплю.

Мы пробрались сквозь чащу водопадов: Я и очаровательная девчонка с короткой причёской светлых минут. Мы должны встретить какого-то чувака, якобы моего лучшего друга на этот момент.

Ужасающие твари под видом обезьян не могут помешать нам — я «срезаю» каждую из крупнокалиберного Magnum'а. Моя спутница восхищена такой чёткой стрельбой…

Джунгли кончаются, мы заходим в самый дешёвый ресторан, где вечер снаружи. Моя блондинистая подружка заказывает много пива и крабовый салат… Я же вспоминаю, что оранжевый цвет не слишком хорош для меня.

К нашему столику подсаживается слегка придурковатый парень и говорит:

— Привет! Меня зовут Фицхук. И я сейчас — ваш лучший друг…

Мы втроём бредём через пустыню запчастей. Аккуратные столбики железяк высятся целыми небоскрёбами. Горизонт изрыт гвоздями «вавилонских» башен. Брошенные машины сформировали свалки городов.

Коротко стриженная блондинка допивает первый стакан. Салат оставлен на закуску… Фицхук сидит рядом со мной (и это выглядит по меньшей мере глупо). Наконец по радио врубили нормальную песню. Сижу, подпеваю…

Наша девица взбалтывает пиво указательным пальцем. В небе рождается дождь, а значит — нам пора на выход…

Фицхук хватает кружку и успевает допить на ходу. Наша блондинистая симпотяжка удачно «ловит» свободную hell machine. Мы залезаем внутрь через окна, водитель внутри (как водится) отсутствует. Hell machine везёт нас сквозь грозу…

Вместо высотных домов кружатся гигантские смерчи.

Я внезапно понимаю, что мы «едем» на месте. Адская машина как бы «вращает» пространство мимо себя…

Чудовищный механизм вдруг резко тормозит. Мир замирает. Остановились даже капли дождя на лобовом стекле.

Всё потому, что впереди по центру мокрой дороги стоит парень в жёлтой рубашке (в отличие от его чёрных брюк и кроссовок, она — абсолютно сухая, будто листва ясным осенним днём).

«Жёлтый» парень вызывает у меня чувство панического ужаса, у моей коротко стриженной спутницы — трепетно-неприкрытое чувство влечения (и рвоту у Фицхука)…

Наша троица вываливается из хэлл-машины. Мы бежим прочь под проливным дождём. Я забираюсь в смерч, официантка приносит мне мой заказ (даже долго ждать не пришлось). Хлебая пиво у размытых окон, я вспоминаю того парня в жёлтой рубашке. Мы уже не раз виделись с ним где-то… не могу вспомнить толком. Я, кстати, жду моих друзей (на нынешний период времени). Вот и они: Фицхук с очаровательной блондинкой садятся ко мне, стряхивают с волос дождевые капли… Я недоверчиво гляжу в ощущенье кошмара, густеющее с каждой секундой внутри твоих мозгов.

Наша блондиночка спрашивает: Что закажем?

— Что скажем? — Харита весело глядит на твою растерянность.

Ваша очередь заходить. Остальные студенты уже справились со своими задачами (кто погано, а кто-то — просто блестяще)…

— Что придумаем, то и скажем, — ты решительно ломишься в дверь аудитории номер 317. Твоя напарница по лекциям — проскальзывает следом.

Преподаватель здоровается с вами. А далее начинается самое неприятное: каверзное молчанье. Экзамен проходит без вопросов со стороны препода. Вы с Харитой должны придумать (подобрать) их сами для себя, а уже после — получите соответствующе оценки…

Ты, с плохо скрытым волнением, начинаешь мямлить:

— Можно спутывать сразу несколько… сюжетных сновидений… пробовать или… замкнуть сны цепочкой повторного… действия…

— Можно всегда использовать одни и те же имена героев, — Харита пытается придти тебе на выручку. — Тогда не надо будет выдумывать снова их внешность…

Преподаватель снисходительно скучает. Вы продолжаете

внушать ему «прекрасное знание материала»:

— Можно применить одинаковые сюжеты для разных людей, — стараешься ты. — Тогда возникнет эффект массовых снов.

— И внушаемость последующих действий заметно увеличится, — воодушевлённо итожит Харита твою мысль.

Преподаватель строго глядит на неё поверх очков в серой оправе. И говорит:

— Придумайте мне имя для сна. Одно на двоих, пожалуйста.

Ты + Харита пытаетесь «свести сознания» с первого же раза, но получается плохо… После нескольких попыток у вас «рождается»: |…доктор|Гаусэн…|

Ваш препод, похоже, доволен таким результатом.

— И нам необходимо создавать сновидение вместе, чтобы… чтобы не было обратной реакции, — ты смотришь в сторону своей напарницы с явной симпатией. Она додумывает дальше:

— Важно не потерять контроль над сном. Не вызвать отторжение сугубо мужского влияния на женское подсознание, и наоборот… Именно по этой причине необходимо подбирать исключительно разнополых создателей сновиденья…

Преподаватель прекращает ваш экзамен. Выставляет оценки.

Довольно поглядывая друг на друга, вы с Харитой выметаетесь в коридор.

— Ты держалась впечатляюще, гораздо лучше меня.

— Главное, что мы справились… — она весело глядит на твою радость.

— Давай сходим куда-нибудь. Нам необходимо снять стресс, — ты с игривой заботой обнимаешь Хариту за талию. Она кокетливо говорит:

— Обещай не сниться мне ночью…

Вы уходите в даль коридора и не можете видеть, что ваша сокурсница (которая специально осталась подождать, когда ты выйдешь из экзаменационной аудитории номер 317) вытирает слёзы платочком, отвернувшись к портрету Зигмунда Фройда.

Пусть она не настолько красива в сравнении с Харитой, пусть даже ты не её напарник в области Генезиса Сновидений, пусть ты совершенно не обращаешь на неё внимания… Но любит она только тебя. С того самого момента, как ты ей впервые приснился.

Я просыпаюсь с чувством, что кто-то провалил самый важный экзамен в его жизни… После опохмела мне становится заметно никак (но лучше, чем было). Времени мало, надо спешить. На репетицию опоздаю!.. Быстро умываюсь/одеваюсь/выматываюсь

из дому…

Наша группа играет металл. Мы реально крутые!

С такой вот мыслью, не помня как, добираюсь до нужного места. Всё было обговорено заранее (лишь бы наши не опоздали) …

Они на месте, ждут меня. Я постоянно опаздываю, все в группе к этому давно привыкли… Сегодня мы репетируем внутри торгового центра: между алкогольной продукцией и секцией косметики, неподалёку от отдела бытовой химии… Вначале «заправляемся» бухлом (не слишком сильно, а то бы петь не смог как надо), после — жёстко играем первую песню… Обычно это «Fire In The Sky» (чуть реже «Waiting for You»…)

После я проверяю готовность группы. Хотя, конечно, это делает наш гитарист и по совместительству — идейный лидер (его зовут Фицхук, но мы придумываем ему всяческие прозвища… чем глупее, тем лучше). Он хвалит нашего барабанщика, целует клавишницу в щёку, хлопает бас-гитариста по плечу… Смотрит, сколько я уже выпил (и смогу ли я вообще петь дальше)…

Фицхук подстраивает звук усилителя своей гитары под громкость моего голоса, проброшенного через микрофон. Теперь всё настроено…

Мимо нас ходят обычные покупатели, удивлённо лицезря процесс становления современных музыкантов. Во время исполнения пары последующих песен я настойчиво пытаюсь привлечь к себе внимание некоторых особливо красивых девушек (и самые смелые реагируют на это), но после кавера «Edgecrusher» охранничек магазина требует прекратить подобные кошмары внутри вверенного ему помещения…

Группа, слегка посовещавшись, вдаряет одну из лучших наших песен. Пою самозабвенно (ведь это всё-таки мой текст)… Чувство охерительной радости врывается прямо к нам. Я даже попадаю во все ноты…

Посетители торгового центра с интересом наблюдают за нами. Я догоняюсь магазинным вином прямо с полки. Теперь могу спеть всё, что пожелают. После наших вариантов «Come Cover Me» и «Not Falling» публика сходит с ума, но не так сильно как я.

Фицхук объявляет перекур коллективу. Украдкой я выпиваю ещё… Вот сейчас можно пройтись вдоль полок. До конца репетиции ещё часов 5, не меньше… Мой ме́тал-день в самом запале.

Я иду мимо чипсов, хлеба и порционных салатов, а она! (великолепная блондинка в оголённом прикиде) нисколько не стесняясь, вышагивает мне навстречу… «Мы поравнялись. Я мимо

прохожу. Ты шествуешь дальше, но уже отчётливо понимаешь, что что-то не так. Всё изменилось. Ты повернулся и смотришь на меня. Я, как и прежде, свечусь чернотой…» вспоминаю строчки своего рассказа.

Она (слегка улыбаясь в мою сторону) притормозила возле прилавка с йогуртами и конфетами. Такое поведение не длится долго… Только я начал к ней нормально «подкатывать», как наши заиграли следующий трэк. Решил не идти петь, но эта красотка сорвалась к моему микрофону и со словами «Я знаю эту песню…» спела всё лучше меня…

Пришлось выпить ещё немного. Неплохо слэманул во время финального припева. Эта блондинка передала мне микрофон (под общие аплодисменты) и вышла на улицу…

Я смотрел ей вслед, жалея о том, что не узнал её имени (+ остального…), но сразу выпил пива — и мне полегчало… Мои заиграли ещё одну классную песню: я забыл обо всём…

В конце второго припева я думал, что сплю.

Разрываясь внутри собственной головы, я пытаюсь закричать, громко (как я умею)… Тень ширится вокруг меня, не давая проснуться… Она сейчас спит ещё больше, я ведь ей снюсь… Слышу свой скрипучий шёпот… Глаза глядят через кошмарную плёнку, будто целлофан залепил весь мой мир… Но тьма куда-то уходит… Сырой туман плывёт в моих мозгах… Безумный крик врывается из сна в реальность.

Артюр в моей жёлтой рубахе (с коротким рукавом). Ему вполне идёт; мне нравится его нынешний вариант внешности… Ничего претенциозного, зато красиво. Мы сидим на берегу реки тёплой августовской ночью. Артюр говорит, что нужно кого-то спасти и ждать больше нельзя (опыты стали более жестокими, а методы воздействия на мозг — сильнее)…

Я слежу за лунной дорожкой на воде, проблемы какого-то парня меня мало волнуют. Мне нравится слышать голос Артюра, и всё на сейчас…

Он говорит: его сны будут меняться… и это изменит весь мир, всех людей…

Мой взгляд плывёт по реке. Артюр шепчет: структура станет другой… он повлияет на ближайшие планеты…

Мы сидим на скамейке в тиши фиолетовой ночи, вокруг витают комары (на удивление — не слишком надоедая). Я спрашиваю: тебя не клонит в сон?

Артюр бодро глядит в сторону дальнего берега. И сообщает мне: конечно!

В автобусе ты смотришь на зиму вокруг. Совсем скоро твоя остановка…

Здесь ещё 8 пассажиров (обычные люди разного возраста). Один из них увлечённо рассказывает про кошмарное нечто, которое носит сразу же несколько человеческих лиц, никогда не обладая собственным. Тебе неприятны подобные моменты (когда один из новоявленных умников впаривает другим всякие бредни) … Ты выходишь на холод…

В твоём подъезде светло-зелёный свет. Они молча стоят у двери твоей квартиры. Все 8 пассажиров автобуса. «Рассказчик историй» вручает тебе пакет, полный спиртного…

Уже в квартире ты вспоминаешь, что сегодня будет чей-то день рождения. Твои гости разливают алкоголь по бокалам. Начинается пьянка… Никакого особенного веселья, вымученные улыбки гостей. Захмелевший «рассказчик историй» начинает сдирать с виновника торжества лицо — под ним оказывается резиновая маска какого-то монстра. Срывают и её, а там — ещё одна… Так продолжается до момента твоей паники. Ты (не успев обуть свои удобные зимние туфли) выбегаешь из квартиры в истерическом ужасе.

На лестнице этажом ниже тебя ждут всё те же 8 человек (твои гости с дня рождения… пассажиры автобуса… разного пола и возраста)…

Они пытаются тебя схватить, но ты вырываешься и бежишь к лифту. Двери закрывают тебя внутри, ты едешь вниз (слышишь, как несутся по лестницам эти монстры)…

«Это должен быть сон… Объективно должен быть сон!» думаешь ты, когда лифт прибыл вниз. Твои преследователи стоят где-то по ту сторону. У тебя вряд ли получится от них скрыться… Двери лифта сейчас откроются.

Я разлепил веки. Состав прибыл на станцию.

Едва свою остановку не проспал!

Двери вагона разъехались в стороны — я буквально выбежал на платформу…

Успел… не выспался толком, вот и задремал не вовремя. Сумка с ноутбуком при мне, ничего не забыл… Будучи журналистом часто пишу статьи по ночам, чтобы успевать в сроки (вот нормально и не высыпаюсь)…

По пути к эскалаторам всё-таки замечаю отличнейшую блондинку. Она стоит у края платформы, тревожно смотрит именно в мою сторону. На станцию прибывает поезд… Я слышу кошмар внутри её головы. Самая красивая девушка (из всех, что я видел) падает под колёса головного вагона…

Я просыпаюсь с чувством сильнейшей утраты. Мою трагедию

не исправишь ни чем… Вагон метро выпускает меня на платформу. Эта хоть та станция? Похоже, что да… Мне это теперь не слишком важно. Быть студентом в большом городе и потерять что-то важное, утратить возможность любить… Наверное, это всё из-за неё… Что может быть хуже!? Если бы я поговорил с ней снова, возможно, она бы смогла понять…

Забываю напрочь о своих проблемах, когда вижу умопомрачительную красотку у края платформы. Она просто стоит и ждёт поезда, меня вообще не замечает… Отличная фигура, прекрасные светлые волосы, большая грудь…

Я вдруг вспоминаю, что она сейчас прыгнет под поезд! Бросаюсь к ней со спины, хватаю за талию и пытаюсь оттащить подальше от края… Девушка вырывается, с испугом (а дальше с ненавистью) смотрит на меня и начинает ругаться… Я ей говорю, что спас её… что жизнь отличная хрень, и не надо спешить с нею расстаться… что у неё всё обязательно будет в порядке… что она слишком красива, чтобы умереть…

И вот эта блондинистая красавица, выслушав мои речи, начинает смеяться (можно подумать, будто я сказал ей что-то забавное)…

Я с глупым видом стою рядом с этой странной красоткой и понимаю, что выгляжу полнейшим придурком в её глазах. От злости мне хочется самолично швырнуть её под поезд… Никуда она не собиралась прыгать. Просто стояла и ждала, а тут я со своим неадекватным поведением…

Стыдливо пытаюсь извиниться, но я слишком смущён, чтобы внятно всё объяснить. Она презрительно глядит на меня, снисходительно улыбаясь.

— Вы просто ошиблись, такое бывает… — говорит мне эта восхитительная блондинка. — Считайте, что я не обиделась. Ничего страшного не произошло.

Я виновато киваю. Ещё она говорит, что ждёт здесь своего очень ревнивого парня (он должен приехать с минуты на минуту), и что мне лучше не стоять к ней так близко… В общем: было бы не плохо, если б я побыстрее свалил.

«Простите…» тихо говорю я с чувством смертельной обиды, иду прочь с жалким видом…

Я несколько раз оглядываюсь, но самая красивая девушка (из всех, что я видел) совсем не смотрит в мою сторону. На станцию прибывает поезд…

Из головного вагона ей навстречу выходит молодой человек в жёлтой безрукавке, они обнимаются, радуясь желанной встрече…

Я поднимаюсь на эскалаторе, словно в чьём-то кошмаре.

Мой теперешний лучший друг (всё время забываю его дурацкое имя) крутит фонарь в руках, пытаясь, может быть, поджечь костёр посреди страшного леса. Мы же искали выходы из катакомб? Я бросил опустошённую бутыль в кусты. На дороге из тьмы, где находимся мы… Вот и наш «светлячок» (блондинка с множеством косичек; на данный момент — она в леопардовом платье)…

— Где вы двое ходите?! Я вас, дурачков, почти потеряла.

Она строго смотрит мне в глаза, будто виноват именно я. Фицхук щёлкает кнопкой — фонарь так и не заработал. Говённая ситуация. Я даже не способен определить, где мы находимся. Это то ли лес, то ли сеть подземных пещер… Полная хрень.

«Мы создадим отличные миры» категорично утверждает на стене рекламная надпись. Наша троица идёт вдоль шелестящих деревьев. Тёмный потолок небес замер где-то вверху.

— Кто потерял карту? — наша «белоснежка» хлюпает болотом меня по плечу.

— А значит, тот кусок скатерти был всё-таки картой? — говорит Фицхук с явно тупым выраженьем лица. Ненадолго я перестаю думать красиво…

Блондинка-босс сворачивает на новую тропинку (стены подвала всё больше чернеют). Я забыл, куда мы идём где-то пару часов на запад. Фицхук в любую минуту способен испортиться, точно перезрелый овощ.

Наша троица потерянных (без палатки, без спальников, без спичек и, как оказалось, даже без фонаря) идёт одновременно сквозь катакомбы под землёй и по лесной тропинке над этими катакомбами. По крайней мере — так думает Фицхук… А я внезапно сижу на третьем этаже своего колледжа (с тёплой зимой за окнами). Не просто так я тут болтаюсь — караулю свою подружку… Обычно она советуется со мной, с кем и где ей трахнуться в следующий раз. Мне быстро надоело пробовать в одиночестве глядеть сквозь стены, я пошёл в общий зал. Здесь пьянка, но слишком уж тихая (придётся всё наладить).

Я подсаживаюсь за парту к другой своей подружке, которая не настолько красива в сравнении с той, первой: жгучей брюнеткой в обтягивающем чёрном платье… Но мне всё равно… Без разницы с кем пить.

Наша чернобылдная красотка появляется в тот момент, когда мы (уже прилично пьяные) вспоминаем песню из мульта «Чёрный Плащ». Её теперешний кабальеро (никогда не помнил его имя) скорбно тащится вслед за ней. Дия идёт к подоконнику, на котором стоят стаканы/бутылки, небрежно бросая «Ты ведь знаешь эту песню даже на другом языке…» в мою сторону, и

наливает себе полный стакан… Я не свожу взгляд с газона, трава почему-то синяя, словно синтетический ковёр. Джип охотников за нечистью пробивает стену сарая с диким рыком. Куски досок летят во все стороны, едва не задев меня. Хантер-мобиль набирает ход и уносится прочь по лесной дороге. Вокруг нас по-прежнему непроглядная ночь. Наша блондинка-проводник натыкается на меня в темноте так, что я успеваю почувствовать её холод тепла… Фицхук разглядывает её тигровое платье в лунном свете.

Она говорит нам всем:

— Пора выбираться отсюда.

И мы бредём дальше, не реагируя на безголовое тело трупа без рук; на кремовых ежей в шампанском; на рукотворный криоген; на пляски смерти насекомых; на полевой разлом пространства; на свет цветов; на шёпот звёзд; на пыль в окне; на новый год; на заполнение мозгов цитатой Кафки; на креативность юности; на черноту извне; на смысл снов; на круг безумия…

Я очень удобно развален на заднем сиденье хантер-мобиля, любуюсь пейзажем. Закат… Прерия скоро уснёт. Фицхук (бредя по катакомбам) ведёт машину ровно. Блондинистая девка придерживает свою шляпу тигровой расцветки, то и дело поглядывая через левое плечо в мою сторону.

Я никуда не тороплюсь — мы же заблудились, верно? Наше авто охотников за нечистью несётся к заливу. Воздух наполнен подземной сыростью. Пагубный лес шумит в тёмном ветре…

Я открываю новую бутылку пива, хлебаю холод с наслаждением. Блондинка-босс кидает мне воздушный поцелуй. Я удивлён умением Фицхука управлять таким тс. Он филигранно вертит руль, стараясь не столкнуться с чем угодно (то дерево, то поворот на новый коридор, то придорожный камень).

Я говорю ему: останови у моего дома… надоело просто по округе кататься.

Фицхук понимающе кивает зеркалу заднего взгляда. Блондинка говорит:

— Было бы круто оказаться такой ночью в лесу. Или в подземелье, без фонаря и карты…

Наше запредельное авто тормозит напротив моего подъезда. Забрав недопитую бутылку, я прощаюсь и выхожу в тёплую тьму. Уже поздно, очень хочется спать…

— Следите внимательно, коллега. Он просыпается!

Я медленно открыл глаза. Кто-то здесь ещё есть. Кто сейчас говорил?

Надо мной склонились двое: старый мужик в очках и

светловолосая девушка с красивыми глазами.

— Вы правы, доктор. Он уже не спит…

Я сразу стал узнавать, что со мной вообще происходит, и кто эти люди.

Они представились как доктор Гаусэн и Лика. Оказалось, что они исследуют всяческие нарушения сна. Эта привлекательная блондинка Лика сказала, будто я не спал почти 2 года, меня положили в клинику на обследование, стали наблюдать развитие моей инсомнии, но однажды я всё-таки уснул. И спал 5 месяцев. За это время они провели множество опытов с моим подсознанием, я не смог понять всех объяснений… Доктор Гаусэн ждал, когда же я проснусь. И вот — дождался.

Лика бережено повела меня в другую палату, я был ещё довольно слаб (хорошо, что мышцы не атрофировались)… Поначалу она была слегка строга со мной, но только мы дошли до подоконника в центре длинного коридора — эта сексуальная девушка стала настойчиво приставать ко мне.

За окном таяли звёзды, весь коридор был плохо освящён, я уцепился взглядом за луну, но долго это не продлилось…

Лика чуть ли не силой потащила меня в ближайшую палату. Уложила в кровать, я не мог сопротивляться (да и не слишком хотел)…

Когда всё закончилось, она почти сразу уснула. Лёжа с ней рядом, я не мог думать о сне… Над нами чернела почти непроглядная тьма, чем-то похожая на потолок палаты. Я всё думал, но так и не понимал – почему я всё же проснулся?

Артюр стал искренним, сентиментальным.

Он не боялся зареветь, сидя за столиком в кафе, где постоянно до хера народу. Меня такие выпады не раздражали. Артюр всегда умел располагать ко мне людей. Я нравился всем, кроме одной кривлявой официантки (с её лица не сходила симпатичная ухмылочка, она умела эротично поправлять свои светлые пряди правой рукой, когда принимала наши заказы)…

Артюр хотел меня насмешить, но мне было не до веселья в такие моменты.

Эта придурочная девица словно гордилась собственной неполноценностью по отношению ко мне. Я сделал бы всё, чтобы она прекратила свои неясные издёвки. Артюр не смог бы здесь помочь. Он просто стал таким сентиментальным, что не стеснялся целоваться с этой идиоткой прямо за нашим столиком. Как я уже говорил — меня такие выпады не раздражали…

Я бы хотел увидеть её труп в зеркале; увидеть её без одежды; бережно сбрить её роскошные пряди волос цвета туманного утра;

унизить её грубой шуткой при посетителях кафе в начале дня… Я люблю её, это возможно…

Артюр искренне желает мне счастья. Наша прелестная официанточка, едва не смеясь надо мной, принимает заказ. Я вспоминаю все бессонные ночи, которые стали её «подарком». Мне больше не хочется засыпать…

Артюру снится эта прекрасная дура, я знаю.

«Молчание» это ведь тоже слово…

Она всегда была закрыта для меня…

Пора включить режим «Нажмётесь» и заточить карандаши в темнице…

Что люди начинают кричать во время кошмаров?:

— Господи, опять ТЫ!

— Выходишь через правый угол балкона…

— Травма для чайника не очень опасная.

— Нееееееет!!!!!!..

— Я отменю заказ…

— Прекратите астероид!

— Уже можно реветь?

— Старый раскол.

— Мы будем жить вечно. Но недолго…

— Заткнуться всем!!!

— Правило номер 3 гласит…

— Я же предупреждал.

— Ты **это** видел!?!

— Кого ещё здесь не хватает?

— Отпусти!!

Она вырывает свою руку из слабосильных тисков моей ладони, выбегает из зашторенной комнаты заката начинаний.

Я бессмысленно гляжу в жёлтое. Не происходит больше ничего…

Ты смотришь в «на меня» и говоришь:

Её телефон получает входящий вызов, когда ей никто не звонит..

В его винампе иногда звучат песни, которых нет на жёстких дисках..

Её изображение на фотках то появляется, то пропадает..

Тембр его голоса меняется как минимум раз в месяц..

Некоторые её сны в точности повторяют прожитый день..

Порой его лицо становится маской, к которой приходится привыкнуть..

Очень часто она не видит предметы красного цвета..

В его доме все часы идут по-разному..

В её доме все часы идут в обратную сторону..
Его крик может быть тише, чем шёпот..
Она меняет имена..
Он всегда забывает дату своей смерти..
Они встретятся?
Никогда.

БЫТЬ… 66IT6…

Мне просто нужно это сделать.

Я вижу пустое небо, безжизненные горы вокруг… Я пережидаю ночи в лесу. Но прятаться, вообще-то, не нужно.

На сотни километров в любую сторону — ни одного человека. Кроме меня.

Я всё вокруг облазил — никого. Даже животных или насекомых. И я не помню ничего. Возможно, это последствия испытаний новейшего оружия массового поражения. Тогда почему я до сих пор жив? Мне некому задать этот вопрос…

Я скитался по планете много недель. Безлюдная земля. Конечно, очень исхудал, но силы были.

Мне нужно это сделать. Найти кого-нибудь ещё…

По ночам я мечтал о смерти, но чтобы непременно от себе подобного. Пусть меня прикончит именно человек (не дикий зверь, не голод или жажда)…

Я прошёл слишком долгий путь в одиночку.

Все города просто исчезли. Я не наткнулся ни на один посёлок «выживших» или что-то в этом роде. Нет людей — нет поселений. Нет ничего. Пустая природа: лес, горы, река, сотни озёр… Я один на Земле? Похоже на то.

Однажды дошёл до ручья (какое-то место в ущелье). Приятный холод воды, очень вкусно… Лёг на траву и уснул.

Мне приснилось, что Некто сжалился надо мной. Но не убил, как мне бы хотелось, а выдрал ребро.

Используя этот мой «материал» Некто сотворил человека (меня номер Два).

Теперь я не буду одним на весь мир. Меня будет много.

Некто сделал мою копию женщиной — мы сможем размножиться дальше. И наше потомство заселит планету. Человечество не исчезнет. Я дам начало новой цивилизации. Меня будут звать Сыном Бога и помнить всегда…

Когда я проснулся, то с ужасом обнаружил — здесь были люди. Много людей!

Они провели надо мной операцию. Вырезали у меня почку.

В этом сне я живу в городе у моря…

Мы с моим другом (имя которого мне смутно знакомо) идём по жарким летним улицам, о чём-то говорим — неожиданно перед нами и остальными прохожими перекрёсток заполняет вода… Люди всматриваются в ёе тёмные волны, кто-то замечает движения в глубине (только что здесь была проезжая часть, а теперь заводь водной стихии)… Нападение происходит очень быстро: несколько гигантских морских змей (на вроде пресловутых анаконд) страшными фонтанами выстреливают из воды… Люди в паническом ужасе бегут кто куда… Мой друг прячется за ларёк у остановки автобуса, а я непостижимым образом забираюсь на крышу этого ларька… Одна из «анаконд» пытается меня схватить, но тщетно… Внезапно всё прекращается… Змей засасывает обратно вглубь — а сама вода как бы втягивается в канализационные сливы (словно пространство в чёрную дыру)…

Испуганные люди в один голос сообщают нам с другом, что всё это — козни морского чудовища («богини моря»), и что именно МЫ должны её остановить… Оказывается: я и мой друг — знаменитые охотники за монстрами (нашим последним самым удачным громким делом стала поимка какого-то бомжа-мутанта) …

Я обрывочно вспоминаю обстоятельства нашего ближайшего триумфа: чёрный подвал (логово монстра-бомжа); огромный призрак уборщика, на который мы даже не отвлекались, преследуя «заказ»; чуть ли не интервью с этим чудовищем, показанное по TV; подготовка к финальной встрече (я и мой друг перебираем детские игрушки в багажнике нашей хантер-машины, мастерим колья, проверяем амуницию…) Не помню — поймали мы этого мутанта каннибала или он просто сбежал в соседний город, но люди нам теперь доверяют бесконечно…

Жребий брошен — быть охоте. Я и мой друг немедля совершаем исследовательский обход последствий змеиной атаки. В одном из ближайших дворов натыкаемся на белокурую девушку в синем платье, которую я принимаю за мёртвую, хотя она пытается привлечь наше внимание, просит вытащить её (она по грудь закопана в иле и мокром песке)… Но мы же хладнокровные убийцы чудовищ, охотники на монстров, а не пляжные спасатели… Девушке ничего не остаётся, как выбраться из западни самой. Она сердито смотрит в нашу сторону… И вдруг мы все слышим что-то вроде инфразвука (он создаёт в наших мозгах ощущение приятной тревоги)… Мы зачарованно стоим во дворе какого-то дома (с множеством арочных входов), над нами кружится летнее солнце, а мимо этого дома со стороны улицы одна за одной идут несколько очень привлекательных девиц…

Наша блондинистая новая знакомая + мой друг их не замечают, а я такое замечу всегда… Эти красотки то скрываются за фасадом, то появляются в проёмах арок… Я мог бы ещё долго пялится на этот «порно-парад», если бы в самом конце вереницы красавиц (одетых, кстати, очень даже для пляжа) не появилась она — «морская богиня», якобы чудовищный монстр морей и океанских глубин, на самом деле: девушка неземной красоты… О том, что я моментально влюбился в неё, даже не обязательно говорить…

Мой романтический ступор исчезает, когда наша (самоспасённая) блондинка с неподдельным ужасом говорит моему другу о том, что я и так знаю сам:

— Это же ОНА! Богиня моря…

Красотки из свиты Водной Повелительницы разом останавливаются, она сама оказывается почти прямо перед нами (я понимаю, что боюсь её больше всего в мире)… Она смотрит самым жестоким взглядом и говорит нам троим:

— Ненавижу, когда меня так называют… Это не моё имя…

В проёмы арок заливается вода чёрного цвета. Бурлящая пена и волны будто кислота…

Мы убегаем через проулок, а Морская Богиня стоит в окружении подвластных её воле волн, что заполняют двор и устремляются за нами…

Наша теперь уже троица «охотников-храбрецов», истребителей монстровской нечисти во весь опор несётся к припаркованной где-то неподалёку хантер-машине… Хищные волны не отстают, смывая на своём губительном пути прохожих и авто…

Мой друг заводит двигатель: наш хантермобиль — джип с открытым верхом — уносится прочь… Волны позади стихают…

Приморский город летом. Жаркий солнечный день. Я смотрю по сторонам (жизнь как жизнь, почти все местные жители ею довольны)… Но мы разозлили «богиню моря» — если её не остановить, она утопит этот райский сад как Атлантиду…

Что же предпринять в такой жуткой ситуации???

Наша блондинка в синем предлагает сначала хорошенько спрятаться, чтобы после всё обдумать. Мы решаем укрыться, так сказать, «на самом видном месте» — едем прямо к морю (логика железная, правда ведь)…

Бросаем наш хантер-джип у пляжа, спускаемся к воде… Толпы отдыхающих, здесь не трудно затеряться.

Мы идём на небольшой пирс, где также много людей… Мой друг, выйдя через мобилку в интернет, пытается надёргать хоть какую-нибудь информацию о «богине моря»: будто бы из глубины

всплывают даты 1509 и 1809, девичье имя, которое я вроде бы успеваю запомнить, и ещё несколько не слишком важных подробностей…

Пока мы зависаем в сети, бессмысленно пытаясь понять, что же делать дальше — наша блондинистая «сестра по оружию» замечает машину, которая едет по пляжу в направлении пирса. Ужас ледяного кошмара заполняет мой мозг из глубины сердца, словно тёмная вода лодку из пробоины в днище, когда я вижу — «Морская Богиня» и несколько её русалочьих подружек спешат к нам на нашей же хантер-машине…

Она заметила нас. Прятаться бесполезно!

Я, мой друг-напарник и блондинка в синем платье убегаем с пирса, пересекаем пляж (преследовательницы совсем не спешат за нами)… Укрывшись в ближайшем дворике, мы слышим, как бушует море…

Наша новая «сотрудница» вдруг сообщает, что ей теперь известно, куда нам надо добраться, чтобы спасти себя и город.

Идём к закрытому на лето университетскому зданию, которое являет собой целый комплекс архивов, библиотек и прочей научной лабуды…

Пробираемся внутрь. Пустые помещения, мрачные коридоры. Всюду серая полутьма, сумерки у зашторенных окон…

Я внезапно теряю своих друзей «по охоте» из виду, брожу по комнатам — их нигде нет… Сворачиваю в один из коридоров, захожу в комнату без мебели и… охиреваю от неожиданности. В центре помещения — девушка (очень похожая на одну мою одноклассницу)… Она медленно идёт ко мне, я страшно пугаюсь и бегу в другую комнату этого проклятого коридора…

В ней — эта же девушка, но почему-то с вешалкой для одежды в руках. Она пытается напасть на меня, но я успеваю выхватить её «опасное оружие» и убежать в другой коридор…

Добегаю до центрального зала. Здесь было бы совсем пусто, если б не ещё одна девица (которая тоже очень напоминает другую мою одноклассницу). Она тихонько надо мной посмеивается. За ней три двери и поворот в другой коридор. Я спрашиваю: Куда идти? Она, продолжая смеяться, показывает сначала на первую дверь, затем на все остальные по порядку. Моё замешательство вызывает у неё новый приступ смеха. Я подхожу к самой левой (первой) двери и со злобой распахиваю её… За ней оказывается довольно большая аудитория. Идёт лекция. Лекцию ведёт мистер Густав (импозантный старикан с лысиной и седой бородкой).

Места в аудитории для максимальной вместимости идут «лесенкой», которая разделена на 2 части — левую и правую.

На одной сидят, по всей видимости, курсанты морского училища (причём я понимаю, что все они призраки), а на другой половине — красотки из свиты Водной Повелительницы… Их очень много, этих девушек, и среди них, за самой нижней партой, окружённая ворохом каких-то бумаг сидит… «наша» блондиночка в синем. Она улыбается и зовёт меня присесть рядом.

Мистер Густав продолжает свою лекцию, но мы его не слушаем.

Блондинка сообщает мне, что если в ближайшие 3 минуты я не отыщу в этих вот документах у неё на столе настоящее имя Морской Богини — всё вокруг окажется затопленным…

Я судорожно начинаю рыться в старых бумагах (статьи из газет, письма 200летней давности, чёрно-белые фото, обрывки книжных страниц…)

— Найди её имя… — говорит мне «моя напарница по отлову чудовищ».

Я сгребаю бумаги в охапку, бегу на самый верхний ярус аудитории…

Времени всё меньше… А ведь тогда, на пирсе я помнил её имя, помнил… Но сейчас оно утонуло где-то в самых тёмных глубинах памяти.

Разбросав ворох проклятых документов на последнем столе, я принимаюсь читать их в самом срочном порядке, а мистер Густав спокойно продолжает лекцию, слов которой не слышно… Курсантам-призракам не страшно умирать, да и русалочьи красотки под водой окажутся как дома…

Обрывки информации хлещут меня словно волны: …1809 год… родовое поместье… письмо за подписью хозяина особняка… жуткий случай на реке… умственно отсталая гувернантка… настоящие родители… утопление… годовалая дочь… имя……..

Времени почти не остаётся, моя белокурая напарница в синем с надеждой смотрит на меня, а затем и все в аудитории. Даже мистер Густав прекращает шевелить губами, когда я успеваю крикнуть имя: Кира!

Вот как по-настоящему звали «богиню моря».

Я радостно иду вниз по ступеням, все вокруг смотрят на меня. Моя помощница-блондинка улыбается…

Стал слышен звук прибоя… Наверху открывается дверь — я чувствую морской бриз, тихий шум волн… И вот ко мне идёт Кира.

Я очень боюсь её (и уже понятно, что очень люблю)…

Я пробую рассказать ей её же собственную историю… Вся аудитория следит за нашими перемещениям по периметру помещения (я пытаюсь как бы уйти от Киры, а она будто хочет

догнать меня)… В итоге мы оба усаживаемся за парту «нашей» блондиночки в платье цвета морской волны. Я пытаюсь успокоить Киру, уговариваю её не погружать город на дно… А она плачет, рассказывая мне свою же собственную историю:

Кира была дочкой богатых помещиков какого-то знатного древнего рода. Она родилась в начале 19го столетия. У них в доме среди прислуги была умственно отсталая гувернантка (молодая безобидная девушка), которую великодушно держали при себе из жалости, что бедняжка окажется в приюте для умалишённых…

Обычный летний день. Жара и солнце. Гувернантка просто захотела искупать малютку Киру в самом ближайшем от поместья прудике. Зашла в воду с ребёнком на руках, всё было нормально (она проделывала это не впервые)… Внезапно на край пруда выскочила разъярённая собака и стала злобно лаять. Гувернантка испугалась, выронила Киру и бросилась прочь, на другой край пруда… Девочка утонула. Но окончательно не умерла — древние силы водной стихии наделили её властью быть Богиней Моря. Так она и «жила», постепенно превращаясь в девушку (красивую и смертельно опасную, точно само море)…

Я сам не заметил, что обнял Киру… Она уже не плачет.

Все в аудитории молча смотрят на неё. Тут в дверь врывается (по-видимому) та самая «умственно отсталая» гувернантка и вполне доходчиво пытается объяснить Кире что-то про её настоящих родителей, которых она так и не узнала после преображения в Морскую Богиню…

Кира снова плачет и не хочет слушать слова гувернантки, которая уходит… Я обнимаю Киру крепче… Мистер Густав сообщает, что лекция закончилась, и все могут быть свободны… Аудитория постепенно пустеет. Мы (Кира, моя напарница по «охоте на монстров» и я) выходим последними…

Нам нужно спешить на следующий урок.

Мы в школе… Вокруг обычные дети, светлый коридор, перемена… Я иду к подоконнику, сажусь и жду следующего урока. За окнами — почти лето, хороший солнечный день. Передо мной ребята из нашего класса. Мальчики, девочки… Все говорят о чём-то, листают учебники, смеются… Среди них я вижу Киру — она смотрит на меня. Она мне улыбается…

Охотники на монстров, Водная Богиня, мой друг-напарник и белокурая девушка в синем платье… Всего этого нет…

Я простой школьник… и Кира в моём классе…

Фицхук недоверчиво «кричит» на меня глазами. И говорит:

— Меня охерительно пугает сама мысль о погружении в воду

хотя бы на метр… В тёмную, тёплую такую, тихую по виду воду…

Я докуриваю до фильтра, щелчком выстреливаю обрубок сигареты за борт. И говорю:

— Когда отчалим, никто не будет тебя заставлять. Сам прыгнешь.

Фицхук пялится на линию горизонта. Наш пароход пришвартован. Впереди первый рейс.

Мой лучший (в этом рискованном круизе) друг следит за полётами чаек с разными именами и спрашивает у меня:

— Выспался за вчера?

Я ухмыляюсь океану, говорю:

— Не поверишь, уснуть так и не смог. Опять весь день прошёл, как у чёртовой летучей мыши. Во сне и без кошмаров…

Мы оба собрались переправиться через Атлантику на этом корабле. Но вот незадача — забыли купить билеты.

— Да в шизофрении нет ничего ужасного! — убеждает Фицхук пустоту вокруг. Я согласно киваю. Далеко впереди кит хлещет в небо фонтаном, изображая бутылку шампанского. Мой нарочитый друг итожит свою мысль:

— Всего лишь нельзя жить или заводить детей, и всё такое… Ерунда ведь…

— Рождённый позже — тот в Вечности исчезнет тоже, — сообщаю я с эмигрантским восторгом, пришитым на голос.

Наши чемоданы забыты в карманах пальто старого клерка (гостиничный номер, в котором пришлось ночевать, принадлежал ему). Этот господин ещё в баре стал «выдавать чудеса». Сообщил, что он тайный агент Невидимой Власти. И что ему известно о предстоящем теракте потому, что он его и готовит. Этот мистер задумал взорвать стоянку велосипедов. Мы согласились ему помочь в обмен на деньги (плюс место в гостинице). В конце концов этот дядя напился и разнёс пол-этажа к чертям свинячим, орудуя неким устройством «будущего» и преимущественно молотком.

Полицейские повязали его по пути в ресторан отеля. При этом он истошно кричал, что просто ошибся в расчётах, а нам пришлось удариться в бега.

И вот мы на палубе. Утро над океаном.

В такт биению сердца Фицхука к нам ковыляет кок, неуместно загримированный под контролёра кинотеатра.

Я слишком не выспался, чтоб волноваться. Мой лучший друг наоборот — готов выпрыгнуть за борт, лишь бы избежать проверки документов.

Кок-контролёр требует показать наши билеты на рейс. Его грозный взгляд отлично сочетается с испугом Фицхука. Я скорбно

вздыхаю и говорю, что мы заблудились в королевстве дельфинов, что общение с нами будет заслуженной наградой любому пассажиру среднего класса, что с палубы открывается замечательный вид, что лучше поздно, чем всегда…

Я понимаю, что кок меня абсолютно не слушает.

Этот огромный кретин хватает нас прокуренными руками и тащит к сходням.

Мы покидаем пароход бесславно. Причал печален, точно клоун-расист на празднике у чернокожих.

Фицхук, конечно, чуть не плачет. Я же вижу прекраснейшую леди в самом начале улицы. Она идёт именно к нам. С восторгом замечаю белокурые пряди волос, застенчиво выскользнувшие у неё из-под шляпки.

Блондинистая леди подходит, говорит:

— Парни, это был не ваш экипаж.

— Мы уже поняли, — отвечаю я ей.

Она с явной симпатией глядит куда-то за шиворот моего плаща. И сообщает:

— Этот пароход затонет в первом рейсе. Погибнет много людей.

— Откуда информация, красавица? — Фицхук недоверчиво «орёт» на неё взглядом. Блондинка-чудо говорит:

— Мне рассказал об этом один, знающий тайны, господин. Он, вроде как, агент Невидимой Власти…

Мы втроём покидаем пристань. Меня слегка клонит в сон, но общество милейшей блондинки вперемешку с шутками Фицхука действует вполне ободряюще. Зайдём в ближайшее кафе, я выпью кофе — станет легче.

В порт очень скоро хлынут пассажиры. Объятые надеждами удачно перебросить свои жизни через Атлантический океан, начать преображать мечты в реальность.

Громада парохода темнеет за моей спиной.

На нём можно замечательно провести время. Удачно попасть в холодную Вечность. Новая жизнь ждёт — лишь только покажи билет…

Первый рейс. Одноразовый корабль.

«Титаник».

На третьем этаже (среди диванов и слишком мягких кресел) с бутылкой пива в руке думается лучше всего.

Ясный закат дымится за окнами. Рыжая осень, оранжевый вид.

Ловец волн эфирного мерцанья (ты) сидит и смотрит в никуда.

Его жизнь, быть может, скоро закончится. Он просто хочет выпить пива.

Этот «ты» сидит на высоком табурете, принесённым сюда из бара внизу. Само здание является сумеречным центром. Почти в каждом кошмаре есть такое место. В нём можно укрыться от ужасов дня; закоренелых астрофизиков; посетителей Смерти; красивых старух; беспроводного груза моллюсков; талантливых тупиц; смешенья жанров бешенной жаровни; бессмертных самоубийц; качков-мутантов, любящих сыр всем перезрелым сердцем; чудо-врачей, специализирующихся на недозрелых сердцах; гипертрофированных тараканов, с чувством собственного достоинства; уникальных собачек для дВерных замков; поэзии местных; скрученности извилин; напрасно разбитых бутылок без водки; скрашенного многоночества; перспективных господ с тазиками; землистых зомби-красоток; рукоприкладства; стойловых лошадей, бледных с лица; начитанных нацистских снайперов; жирных животных в форме утюгов надзора; парадоксальных изъяснений; коллекторных споров о гениальности крыс; многострадального огня инквизиции и прочих трудностей кошмарного бытия.

Ловец опустошил первую бутылку, открыл вторую, начал пить. Выхлебав её примерно до половины, он с радостью заметил, что сидеть на высоченном табурете стало как будто бы удобней.

Осенний закат за окнами продолжался уже много часов. Солнце втягивало свой проржавевший диск за чёрную полоску вулканической пыли. Здание «свободной зоны в кошмаре» теперь напоминало заброшенный кинотеатр с пристройками в несколько этажей. Лестницы, неглубокие коридоры, примитивный лабиринт перед баром. Неясный свет скрывается во тьме, повсюду пустота и больше никого — один ловец хлебает пиво среди диванов и мягких кресел.

Здесь должны быть обратные зеркала (подходишь к ним лицом — в них отражается затылок) и зеркала обратной тяги [чем дальше от них уходит объект, тем больше становится в размерах].

Ловцу сейчас не до зеркал. Как эффективней отразить атаку чудищ снаружи, если все они ринутся на штурм? Через подвал пойдут или полезут прямо в окна? И вообще — сколько их там бродит?

Пиво во второй бутылке тоже закончилось. Ловец спустился в бар, достал из холодильника сразу пять новых и вернулся на третий этаж.

Бесконечный закат всё продолжался. Багровые лучи лизали потолок над головой ловца. Он любовался этим светом, неспешно отпивая из горлышка.

Ловец знал: жизнь после смерти будет не для всех…

Кто-то исчезнет (бесследно), кто-то окажется в лимбе, застрянет там коматозной душой. А остальные станут теми тварями, что рыщут снаружи в кошмарах ловца и других.

Они могут принять любой облик за счёт мерцающих волн, за которыми охотится ловец в прямом эфире сна. Когда не пьёт.

Очень выходить не хочется. Ловец всматривается в рыжий закат, ставит очередную опустевшую бутылку на пол. Высоченный табурет есть, найти в подвале верёвку — попытаться повеситься? Может, тогда кошмарам конец?

Пьяные помыслы переходят в открытие ещё одной бутылки.

Что тебя **убивает** , то делает тебя *сильнее* .

Ловец глядит на пустые диваны и кресла. Комната купается в осеннем золоте заката, будто красавица-блондинка принимает душ.

Ловец хлебает из бутылки.

Будет сон – будет пиво…

Я разлепил усталые веки. Сплю или не сплю? Медленно пошевелил пальцами рук. Такое чувство, что я не двигался целый месяц… Осторожно поднялся с кушетки, попробовал сделать пару шагов. Едва не упав, добрался-таки до стола перед единственным окном в кабинете.

Где же люди? Что за странное место? Больница, похоже… Ночь за окном, тусклый свет лампочки под потолком кабинета.

Сажусь в кресло. На столе кипа каких-то бумаг, папка с пометкой «Сны испытуемого». Читаю первую страницу:

Извини, что письмо получилось долгое и скучноватое, но ничего не могу с этим поделать — решительно намерен познакомить тебя с моим новейшим сновидением… Приятного просмотра:::::

Я хотел поехать во Владивосток, но оказался в каком-то солнечном речном городке. Пошёл к ближайшей высотке. В просторном подъезде — какой-то дед: «Ты приезжий?» «Ну да»… Он мне даёт ключ от 38 квартиры (который я чуть не потерял) и сообщает, что я могу снять жильё у него за вполне приемлемую плату. Я выхожу на улицу и иду к реке, так как мне нужно попасть на место съёмок какого-то фильма, который был снят именно здесь… Но мне по дороге встречается какая-то красивая блондинка со своим парнем и говорит так вот просто «Привет! уже приехал… Иди искупайся. Река у нас чудесная…» и ещё она зовёт меня Кори…

А дальше они уходят, обещая со мной ещё встретиться. Я отправляюсь к реке… Повсюду песок, солнце, ясное небо, лето. На

пляже: дети, мамочки, купающиеся… Подойдя ближе к воде, я почему-то оказываюсь у себя дома… Ищу в кармане куртки ключ от съёмной во «Владивостоке» квартиры и нахожу! № 38… Смотрю в телефон, вспоминая, будто я ехал на поезде до этого города (и даже был на каком-то вокзале). Самый последний вызов — та красивая блондинка… В мобильном она под именем "Кори"…

Озадаченный, я взял вторую страницу из папки:

Сплю я и снится мне сон:

Я солдат-морпех, со мной в отряде ещё человек 6… Вокруг ночь, желтый сигнал тревоги… Я бегу последним по тёмному коридору — залезаю за остальными в какой-то бункер… Там почему-то окно во всю стену, видимо, из очень прочного стекла… Все занимают места в каких-то «кабинках». Один парень из нашего взвода оставлен на входе. Но он требует напарника… Идти в столь опасный момент в эту часть бункера (который на деле — просто комната с перегородкой) никто не хочет… Все напуганы. Почему-то я вызываюсь, и мы с напарником усаживаемся в кресла дозорных, причём он всё же сбегает через пару минут к остальным… Пересаживаюсь на его место — так можно видеть, что за окном в темноте… Пристёгиваю себя ремнями… Всё из-за того, что мы — участники военного эксперимента по взрыву атомной бомбы… Но по-настоящему её взрывают для того, чтобы уничтожить всевозможных адских существ, которых «вынимают/выманивают на поверхность»: я вижу в окне среди поля тьмы и огня ужасных демонов, гигантов с кошмарными головами и прочий ужас… Так правительства объединённых стран поддерживают баланс нечисти в Аду, а я в бункере должен смотреть за всем этим… Внезапно странный шум и чёрная вспышка. Я всё еще жив — в окне развалины и выжженная зона пораженья…

Мы боялись напрасно — всё закончилось быстро и просто… Не посмотрев, что с моими товарищами, я отстёгиваю ремни и выхожу из бункера…

Отложив эту страницу, я принялся читать следующую:

Мы с моим каким-то там другом убегаем от страшного бугая с винтовкой… Бежим по заброшенным (и не очень) коридорам огромного комплекса с кучей лестниц и кабинетов. Он за нами… В итоге нам удаётся заманить его в ловушку и отнять винтовку — мы опять сбегаем, но уже из здания… На улице жаркое лето… Я и мой друг спускаемся по каким-то мусорным склонам к реке, решаем бежать вдоль берега, чтобы волны замыли наши следы… На город падает тьма — мы добежали до жилого массива… Всё прерывается — и сейчас зима… Я вылезаю из маршрутки,

понимаю, что опять должен бежать… По городу проделываю несколько километров под очень крутую музыку, которая повторяется из проносящихся мимо машин (словно по радио)… Уже к вечеру, когда снова темно, я добираюсь до знакомого кафе-бара: хозяйка говорит, что сейчас закроет заведение, но меня всё же пропускает внутрь. Там ещё две девушки и парень (я узнаю, что они музыканты)… Мы сидим и болтаем — вдруг появляется мой друг (Фицхук)… Пьём пиво, говорим… И тут я чувствую, что одна из девушек очень приятно гладит меня по спине (почти делает мне массаж)… Вот тут-то я вспоминаю другой свой сон, в котором сижу с этими же девушками и парнем за одним столом, и одна из них любовно гладит меня по голове (что также очень приятно)… Я говорю своим новым друзьям + Фицхуку, что уже видел их во сне… В это время хозяйка закрывает бар, мы выходим на улицу: место где-то рядом с центральным вокзалом, зимняя ночь… Мои друзья уходят в другую сторону, а я понимаю, что снова нужно бежать от кого-то… И дальше — просыпаюсь…

Другая страница уже в моих руках. Читаю:

Мне опять же сегодня снилось многое, но особенно запомнилось, что я и ещё несколько людей стали героями рассказа "Я хочу кричать, а у меня нет рта" (там огромный ЭВМ, покрывший своими блоками микросхем всю планету целиком уничтожил человечество, но оставил 5ых несчастных, чтобы вечно издеваться над ними)… И вот я во сне был внутри этих компьютерных катакомб… Жуткое чувство. Зато чуть позже я перенёсся в супер-маркет недалёкого будущего, где мне выдали музыкальную книгу: на страницах имена групп и названия песен, нажмёшь на любое из них пальцем — они начнут проигрываться почти у тебя в голове. Интересно, что я слушал несколько разных каверов одной реально крутой песни (не могу вспомнить какой)… А дальше пошёл настоящий боевик про месть, шерифов, бандитов, разгром бара, метание ножа, стрельбу из полуавтоматического оружия и прочие подробности ковбойской житухи…

Зато мне зубы не сняться… а сниться примерно это: я снимаю квартиру на втором этаже, которая напоминает разрушенный дворец в несколько ярусов. Там можно играть в футбол и выпивать с друзьями… В другом сне — у меня происходит мутация в рептилию. Я становлюсь человеком-крокодилом… А сегодня: я ловлю во сне машину — за рулем какая-то брюнетка. Мы едем по городу, она довозит меня до Рынка, я захожу внутрь. Там нечто вроде сплава всех институтов, где я бывал… Встречаю даже некоторых друзей (например Макса из Better\'ов, который идёт на репетицию в ближайший кабинет с какой-то девчонкой)…

Ну я выбираюсь наконец-то оттуда. Иду к машине. Перед Рынком драка таксистов. Я прошёл мимо… Сажусь к брюнетке — мы уезжаем…

Беру последнюю страницу из этой «папки снов»:

Довольно жаркий день лета. Я и мой друг (абсолютно мне не знакомый в реальной жизни) долго поднимаемся по ступеням на верхний этаж страшноватого дома… Всё пространство там занимает одна квартира, в которой естественно множество комнат. А вместо входных дверей — решётка (на вроде чердачного входа)… Мы проходим в эту квартиру, нас встречают две подружки этого моего якобы друга… Я с ними знакомлюсь, им весело… Мы слегка выпиваем, беседуем. Одна из девушек (к слову сказать, они вполне обычной внешности, не супер-красавицы из глянцевых журналов) явно начинает ко мне клеиться… Она дочь хозяев этой потрясающе обставленной квартиры (далее во сне многочисленные подробности и мелкие детали интерьера… их очень долго перечислять)… Мы с ней подходим к окошку, чтобы покурить (окно почти во всю длиннющую стену комнаты, с кучей делений)… Она открывает одну из створок, которая тут же отваливается. Я начинаю весело улыбаться над подобной странностью, а моя новая знакомая невозмутимо складывает прогнившую створку в стопку таких же, лежащих на подоконнике… Мой друг сообщает, что ему пора. И девушки идут его провожать до двери-решётки. А я гляжу на летний пейзаж внизу: странно угадываемый берег реки через которую проходит громадный тоннель железной дороги (буквально из-под дома, где находимся мы).

Тут же внизу, на берегу забетонированные осколки — исполинские руки и ноги. Чуть левее въезда в тоннель — ещё один высотный дом. Ближе к линии горизонта: летний лес, а над ним синева неба… Я смотрю на всё это и вспоминаю, что был здесь в одном из своих снов, на этом берегу, а в другом сне — гулял по железной дороге, заброшенной в этом самом тоннеле… Тут в комнату возвращаются мои новые подружки и предлагают покурить «действительно крутые штуки»… На столике чёрного дерева уже лежат три конусообразные сигары. Моя почему-то начинает как бы таять, только я беру её в руки. Девчонки посмеиваются, а «сигара» ломается почти пополам. Но курить её всё же можно… Я достаю свою зажигалку (я и вправду купил её примерно месяц назад, и даже сейчас она в моём кармане куртки), поджигаю фитили этих «конусов» моим подружкам… Они с удовольствием затягиваются, дым весело клубится на солнце… Я тоже прикуриваю — вкус просто потрясный (сладкая смесь шоколада, молочного коктейля и чего-то ещё в таком же

духе). Ну в общем, мы курим и почти сразу пьянеем от этих супер-сигар… Девушка-хозяйка приклеивается ко мне всё сильней, я не против… Но тут же из дальних комнат да и через входные двери к нам вламываются несколько её друзей/подруг… Начинается странная вечеринка: места в довольно просторной комнате становится мало, все сидят и просто молчат… В моей спящей голове пробегает мысль «Не хочу быть среди них…» Очень по-тихому я встаю из-за стола и пробираюсь к решёткам входа… Там — седовласая тётка горничная. Она молча открывает мне дверь, и только я начинаю завязывать шнурки на ботинках — нежданные гости один за другим степенно выметаются из квартиры, слегка мешая мне обуваться… Тут же ко мне подбегает девушка-хозяйка, начинает уговаривать меня остаться… А я всё завязываю шнурки… И вот, выпрямившись, я стою перед выбором — уйти или нет… А дальше я, конечно, просыпаюсь.

Дочитав эту чушь, я убрал листы обратно в папку и положил её на прежнее место. Чьи это сны? Неужто — мои?

Я услышал звук приближающихся шагов. Переговариваясь друг с другом, по коридору шли люди. Через мгновение дверь в кабинет распахнулась, и я, растерянный/удивлённый, глядел на них двоих: лысый старик в очках и седой бороде + блондинка такой красоты, что даже страшно.

Я и мой самый наилучший друг (имени его всё никак не могу запомнить) участвуем в турнире по футхоку. Это такой очень опасный «спорт», придуманный в Аду. Играть в него можно чем угодно, хотя обычно в роли мяча используется пустая бутылка (не обязательно пластиковая). Правила футхока гласят, что все игроки обязаны быть пьяными. Судья (если он есть) находится внутри ящика, который смутно напоминает цинковый гроб. Игровая площадка располагается в лесу, в пустыне, на кладбище, чуть реже — в горах и на болоте. Никаких разметок и линий, всё определяется «на глаз» (причём, очень не точно). Воротами покорно служат две срубленные ветки (или: вёдра, штыри, флагштоки, копья, доски, собачьи будки, светофоры, стойки для микрофонов, ружья, лавочки, кирпичи, капельницы, мётла и прочий скарб, а в адской версии футхока — пара вкопанных в землю скелетов).

Поговаривают, будто в Трансильвании времён графа Дракулы в качестве «врат» использовали пару кольев с посаженными на них жертвами геноцида. Не спрашивайте, что у них было вместо мяча.

Одна из легенд сообщает: футхок стал популярен ещё в Средневековье. Его «экспортировал» из Царства Теней знаменитый мистик алхимии — Жиль де Рэ, генерал армии

Жанны-Девы.

В те сложные времена непрерывных войн такая игра была чуть ли не единственным развлечением.

А в данный момент: наша команда из трёх человек готовится к первому сражению. Турнир проходит по системе «на вылет». Поле на пустыре рядом с каким-то болотом. Жребий уже определил нам соперников: «Бесчувственные пауки» (трое уродов в масках из человеческой кожи). Мяч {бутыль с кислотой} достался им, зато мы тогда выбираем ворота и музыку, которая будет звучать во время матча (хиты Slipknot, Crossbreed, Disturbed и Mudvayne).

Кстати, победитель турнира получает возможность исполнить соло на мотогрэйтере и чемодан дорогих денег, а проигравших забирают в трезвяк.

Фицхук настроен по-боевому (водка действует вполне сносно). Мне помогает пиво и вино. Ну а главной ударной силой нашей команды «Холепра» будет, конечно, пьяная вдрызг блондиночка. Её причёска напоминает хвост акулы.

Мы одеты в жаркие комбинезоны чёрного цвета. На мне жёлтая маска безносого клоуна, нижняя челюсть обрезана в хищный оскал (от уха до уха).

Наша девушка-снайпер накрасила губы тёмной помадой. Она же обмотала лицо Фицхука пакетом из супермаркета, проделав дыры для глаз и ухмылки.

Игра ведётся до шести голов. Уродцы с рожами из человеческой кожи слегка запуганы нашей блондиночкой перед началом матча. Они разыгрывают «мяч» с центра поля, но неудачно — наша бешенная красотка, технично применив силовой приём (удар локтём в солнечное сплетение), перехватывает бутыль и ведёт её к воротам соперников. Следует пас в мою сторону — я обвожу вратаря, который ловко валится в грязь, и забиваю первый гол. Фицхук от радости кричит что-то невразумительное. Блондинка-плэймейкер хлопает своей ладонью о мою ладонь. «Бесчувственные пауки», матерясь друг на друга, обречённо бредут к центру поля…

И дальше всё в таком же духе. Мы победили 6: 1. Впереди полуфиналы.

Нашим препятствием на пути к победе будет команда «Узурпаторы». Они одеты в красные смокинги, белые трико и ботфорты с шипами. Мяч (отрубленная наспех голова свиньи) на этот раз наш, но игра будет под «их» музыку: Бетховен, Моцарт, Бах, Чайковский.

Перед матчем мы делим на троих бутылку очень крепкого пива из горла, поглядываем в сторону наших соперников. Они

чопорные и манерные. Таким бы в крикет играть.

Судья соревнований даёт команду к началу встречи. Этот совершенно безволосый мистер забрался на ближайший гараж и заорал сквозь время «Участники бойни — сходитесь!» А после — завязал себе глаза.

Я понял, что чуть-чуть ошибся на счёт этих господ после первого падения в грязь. Фицхук упал красиво, сильно… Мы с блондиночкой сумели оказать ему первую помощь, пока нам забивали несколько голов. Через мгновение она разозлилась — мы ведём в счёте (наша девушка сломила их сопротивленье, забив подряд четыре гола).

Я ухитрился забить ещё два. С её подачи оба раза.

Счёт в матче стал 6: 3. Мы одержали трудную победу. А дальше что? Финал!

Она ко мне подходит, говорит:

— Ведь это же игра в Реальность…

Фицхук, едва не проломивший череп о трубу, согласно допивает водку.

Нашим последним соперником стала команда «Нирвана»: трое парней, похожих на меня. Нам вновь достался «мяч» (обычная коробка для колготок). Игра пойдёт под их «налёт»: одни из лучших песен Bruthal 6, (конечно) Demon Hunter, Dry Kill Logic, Static-X.

Я наострен решительно. Блондинка-зверь глядит на нас с запалом. Если не выиграем — не простит. Я счищаю с маски песок… Фицхук шлёпает первый удар финала в сторону гаражей. Пакет с колготками летит недалеко. Чудо-блондинка расшвыривает противников умелыми финтами, но первый гол забит всё-таки нам.

Я умудряюсь забить ответный мяч лихим ударом в дальний угол. Фицхук, постоянно оказываясь последним у своих ворот (а значит — условным голкипером), талантливо пропускает и пропускает… Наша хищная блондиночка сейчас бесчинствовать начнёт, уж это точно.

Ясный, красивый день на пустыре рвётся в клочья песчаным смерчем, когда она «прорубает» путь к победе, забивая гол за голом. Соперники как будто безучастны. Мы победили 6: 4, даже не протрезвев.

Она всецело смотрит на меня. И говорит:

— Мы выиграли. Ведь это очень круто!

Фицхук, заполнив радостным восторгом часть пространства, обнимает нас, потом судью — крепки́ объятья лучших…

Тут же (за гаражами), слегка опасаясь проснуться, пьяная и счастливая блондиночка целуется со мной взасос.

Артюр великолепен!

Шеф-повар в строительной каске очень учтив, преклонен и даже застенчив. Он галантно падает в кокон окна, пока мы с Артюром изучаем меню + тигрят. Полосатые хищники, отчаянно рыча, разыгрывают пьесу Шекспира (понять бы ещё — какую именно)…

Я плескаю немного вина в свой бокал. Артюр бессменно думает о снах.

Заказ готов — я принимаюсь за еду. Тигрята доиграли первый акт.

За ближайшим столом (за спиной Артюра) пьёт кофе бесподобная красотка. Я пробую салат, при этом пробуя развеселить её. Она игриво отводит глаза, роняет взгляд себе в чашку.

Артюр, озадаченный моим невниманием, размеренно поворачивается на стуле в сторону этой леди. Он быстро смотрит на неё — она великолепна (намного лучше, чем он сам). Внезапная музыка создаёт романтику в зале нашего ресторана. Артюр хочет показать мне, что он неподвластен красоте.

Я доедаю с ухмылкой. Пригубив сладкого вина, гляжу на трагедизм тигрят в вольере из стекла. Играют очень чётко. Верю!

Моя вера в нынешнюю действительность резко падает в кокон

сомнений, когда «наша» кокетливая красавица вынимает оружие из жарко-красного жакета. Она хлещет по официантам из пистолета марки Welrod. Обычный обед подпорчен кошмаром. Похоже, кто-то привёл чужой сон за собой.

Артюр глядит на отражение в окне. Тигрята убежали из вольера, слегка не доиграв концовку пьесы. Мой жёлтый пиджак удерживает жар всего происходящего, пока ужасающая красавица глядит на меня, почти не целясь.

Я улыбнулся ей в глаза. Моя, возможно, лучшая ошибка!

Артюр врубает свет. Кровь болит от рычащего света…

Мы в жутком подвале, мечтаем выйти на балкон. У меня ещё три сигареты в пачке осталось. Гляжу на плакат великолепной леди с пистолетом. Задумываюсь о театральных постановках для животных.

Артюр предлагает сходить в ресторан.

Открываю глаза после чёрной пустыни — на меня пристально смотрит очень симпатичная девушка в белом халате.

— Вы всё-таки проснулись! Наконец-то… — она, по-моему, взволнованна.

Мы с ней в довольно странном кабинете. Ночь. Всё вокруг будто затоплено зеленоватым светом тусклых ламп. Девушка-врач говорит:

— Моё имя Гликерия… Лика, помните?

Я отрицательно мотаю головой. Не помню ничего.

У нас вчера была попойка, что ли?

— Я ваш лечащий врач, — сообщает мне эта белокурая красавица. — Защищаю диссертацию по онейрологии… Вы мой исследуемый. Я изучаю ваши сны. Но мне сейчас мешают это делать…

Она с грустью в голосе говорит:

— Мой старший коллега хочет присвоить себе все материалы исследований вашего уникального случая.

Я говорю, что очень польщён. Она улыбается в ответ на это.

— Чем же я такой исключительный? — спрашиваю я, садясь на кушетке. — Что вы тут со мной проделывали? Опыты какие-нибудь?

Лика пристально смотрит на меня, будто обдумывая — рассказать или нет…

Её глаза цвета неба весной восхищают меня всё сильнее. Она говорит:

— Ваши сны содержат предсказания будущего всей планеты. Всего человеческого рода.

Я говорю с улыбкой: Типа, я новый Нострадамус? Погоду

прогнозирую?

— Можно сказать и так, — продолжает Лика. — В своей диссертации я пишу, что сон предопределяет весь последующий день в реальности. А сны в утробе, перед рождением, возможно, предопределяют дальнейшую жизнь человека вплоть до самой смерти, которая также является сном…

Из её прекрасных пояснений я пока так и не понял, во что именно влип.

— На основе содержания ваших сновидений мы научились составлять «планы будущего». Они точны на 96 процентов. То есть — сбывается практически всё.

Дальше эта удивительная блондинка поведала мне, как я своими снами уже предсказал несколько крупных авиакатастроф, которых в итоге удалось избежать. Предвидел множество терактов и серийных убийств в разных странах. Спас сотни жизней. Сделал планету чуть безопасней.

Лика глядит на меня с восторгом. Так, будто я инкрустирован алмазами.

— Но почему я ничего не помню? — спрашиваю её с недоверием. Она пожимает плечами и говорит:

— Быть может, вы сквозь сон впадаете в транс. На вроде самогипноза. После такого вряд ли что-то возможно запомнить. Свои предсказания вы сообщаете, так сказать, не приходя в сознание.

— Я говорю во сне?

Она утвердительно кивает головой. На её лице появляется чудесная усмешка. Которая почти сразу же исчезает. Лика говорит строго:

— Вам нужно бежать отсюда, залечь где-нибудь на дно…

Вот это поворот. Только что я был почти Спасителем, новой надеждой цивилизации, а через минуту меня уже выгоняют куда подальше.

Видя моё удивление, Лика начинает объяснять ситуацию:

— Доктор Гаусэн, мой начальник в этом проекте, собирается передать вас в руки военных или спецслужб. Кто больше заплатит. И поэтому в самое ближайшее время из нашего онейроцентра вас перевезут в какой-нибудь правительственный подвал…

— Плакала тогда ваша диссертация, — говорю я Лике, ухмыляясь.

Девушка явно не разделяет мой иронический настрой на всё происходящее. Она чуть ли не силой «выволакивает» меня из кабинета.

Больничный коридор пугающе пуст. На подоконники стелятся тусклые лучи уличных фонарей. За окнами таят морозные звёзды.

Она говорит — нужно удостовериться, что путь свободен.

Лика уходит вперёд, оставляя меня одного. Страшный коридор затянут темнотой… Я прячусь за поворотом в какой-то нише, опасаясь быть замеченным. И тут же чувствую лёгкий укол в шею.

Очки лысого старикана, сверкнувшие словно два солнца – единственное, что я успеваю запомнить перед потерей сознания. Мой разум накрывает сон.

В новой версии «Тёмной игры» мы становимся немного другими. И это сказано ещё довольно не твёрдо. Фицхук стал Бэтменом, наша милейшая блондинка заделалась Женщиной-кошкой, а я определился Джокером.

Выходя из комнаты Бэтмен плащом задел вазу с георгинами — она разбилась безвозвратно. Кусочки личности раскиданы по паркету прошедших иллюзий. Джокер (то бишь я) с издевательской ловкостью мешает встрече Женщины-кошки и Бэтмена.

Эта латексная леди, применяя всяческие кошачьи уловки, собралась затащить Летучего Мыша на крышу, но Джокер для начала лопнул все шины бэтмобиля, а дальше (дико хохоча) занял его место в последнем такси у речного вокзала. Бэтмен такой наглости явно не ожидал.

Он устроился работать охранником торгового комплекса рядом с кинотеатром. Женщина-кошка пригласила его на фильм, но Джокер (то бишь я) расстроил их свидание, похитив полную кассиршу прямо с рабочего места.

Бэтмен был разочарован. Он уволился без выходного пособия (ведь он богат) и решил стать детским артистом. Клоуном.

Женщина-кошка зализывала раны после вчерашней встречи с Джокером, который был крут, груб, но приятен. Она наткнулась на объявление в телевизионной газете: «Детский артист Бэтмен устроит Вам замечательный праздник. Дайте сигнал прожектором в туманное небо ночи — и счастье плащом свалиться на Вашу голову. В будние дни — скидки.»

Женщина-кошка примчалась в участок, где куча копов поедали кучи пончиков, захлёбывая их добротным, крепким кофе. Она пробралась на крышу и подала бэт-сигнал. В небе метнулся силуэт летучей мыши. Уже в следующее мгновение детский артист Бэтмен красиво стоял перед своей заказчицей. Женщина-кошка стала игриво приближаться к Бэтмену, который собрался было зачитать свой прейскурант цен, как вдруг из-за блоков вентиляции появился Джокер (то бишь я) и, весело улыбаясь, подкинул ему мысль о карьере стриптизёра.

Женщина-кошка была просто счастлива от восторга. Ей идея Джокера нравилась всё сильнее и больше. Разрезанный намёками улыбок смех. Колода карт взлетает в небо ночи. Ветер развеет их над Готэмом.

Озадаченный Бэтмен в спешке покидает крышу полицейского участка, обдумывая сложности своей новой профессии по ходу действия игры.

Я (то бишь Джокер) сижу напротив приятной девушки в своём родимом офисе. Стол у окна, чудесный вид на город. Но это больше не моё место, а её.

Дело в том, что наша контора решила расшириться. И шеф пригласил на работу толпу безмозглых студентов.

Они молоды, красивы, уверены в себе. Их тут теперь полно, таскают для себя новую мебель, устраивают свои рабочие места. Я ведь четыре года был абсолютно один, очень круто справляясь с делами. А сейчас меня, вроде как, заменили «половиной колоды».

И ещё эта тёпленькая леди сидит передо мной за моим (бывшим) столом, учтиво улыбаясь. Злая печаль хватает меня за сердце. Я ору на безучастный офис, слегка понизив звук, стараясь лишь смотреть в её смущённые глазёнки.

— Вы ни черта тут не сможете! Я отшутил здесь не один год. И ведь именно я придумал нашу кредитно-карточную систему… — пара необстрелянных новичков тащат мимо нас кофейный аппарат, а я продолжаю орать. — Кто предотвратил инквизицию муравьёв? Я, ребятки! А ещё я сжигал всё мыло в мэрии. Я ретушировал лёд на бамбуковой ферме. Выбрасывал крысоящеров из лифта. Брился в автобусе, не боясь шокировать пассажиров. Именно я приструнил гитару трёхрукого Эдди. Прикончил Кракена не я, но собирался это сделать… Засвидетельствовал своё роскошество на верхушке пасхальной башни. Скопировал «Джоконду» на мавзолей. Прорвался сквозь толщу старых пакетов. Закрывал пантер за собой. Пел слишком красиво… Только лишь я смог украсть миллион из телевизора! Искалечить собственную тень. Переночевать на баскетбольном кольце. Разобраться с чудесами… С вами не будет стабильности! Вы не продержитесь здесь и недели… — говорю я им всем, выметаясь из офиса.

По пути к лифтам меня тормозит Женщина-кошка, ехидно смеясь над своим увольнением. Я ей сообщаю, что и меня вытеснили с работы куда подальше.

Мы выходим на улицу (прекрасный, тёплый Готэм; жаркий день) — идём с ней тырить спички. Да тут недалеко, буквально через двор. За нашим небоскрёбом открытый склад (бессмысленные ящики, в которых коробки́).

Я собираюсь всё это сжечь, но появляется Бэтмен, чересчур своевременно. Женщина-кошка бросается в его объятья, довольно хитрый ход, который позволяет мне уйти за пивом в ближайший ларёк.

Купил, что выпью. Отправился домой. Пусть без меня (то бишь Джокера) решают свои пристрастья. Я временно безработный. Я в отпуске.

Через пару недель Женщина-кошка забирает из прачечной наши костюмы на Хэллоуин. Бэтмен встречает её, помогает погрузить всё в бэтмобиль. Я сижу на неудобном заднем сиденье, любуюсь светом их отношений.

Мы едем по Готэму. Вечер, тепло… У здания речного вокзала на дорогу перед нашей «машиной» выходит Двуликий парень в жёлтом. Я (то бишь Джокер) смеюсь над собственной гримасой страха. Бэтмен благородно избегает столкновения.

Двуликий палит по бэтмобилю из Desert Eagle.44 ˚Cor-bon. Безрезультатно.

Я в шутку проверяю сохранность наших вещей — костюмы чисты и приятны. Женщина-кошка включает радиоволну (обманчиво, случайно)… Жёлтый голос Двуликого рассеивается по салону светом. Осенний акцент гипнотической правды.

Мы слушали его откровения минут 15. А после я переключил на рок-волну.

Секс превратил животное в человека, не так ли?

Игра на диске: «Сексоксана»…

Коротенькая юбка, прелестное лицо, высокий бюст, стройная фигурка, на коленях видны синяки «наслаждения». Красотка целиком… Не целовалась ни разу. Зато всяческий секс был у неё сотни раз.

Вот и сегодня очередной «самец» побывал у неё между губами.

Ей это действительно нужно? Вроде бы, нет.

Сексоксане хочется родить ребёнка. Бросить свой повседневный разгул и выйти замуж за обеспеченного человека.

Именно для него она бережёт свой первый поцелуй.

Я случайно поймал радио-сигнал через телевизор. Хотел увидеть разъедающие мозг мультфильмы, но вместо этого пришлось прослушать такой вот разговор двух голосов:

Мне-то Люба важна: любовь всей жизни… и Лена из сна, конечно… Ты бы видела её!! Хотя, может быть, готовить не умеет, но не тупая… Если была бы возможность — я бы поменял свою мерзкую жизнь на сон с Леной…

Да, Кори, всё так… Просто иногда так хочется думать, хочется думать, что вот ОН, тот, с кем хочешь быть всегда… Пусть он бесит, пусть не поднимает стульчак и не имеет столько денег, сколько НАДО! НО кажется что это он… Связывать жизнь — да… Глупо связывать жизнь…

Но ведь женщине по-другому никак нельзя!

Или можно, но все будет тупо в итоге. Как мне кажется… Не люблю когда просто, люблю сложности, дикие препятствия и боль… Нужно, чтобы было больно, а потом расслабление, кайф и снова боль — это то, что нужно… Этого я и хочу… И всегда надеюсь, что ВСЕ в итоге поженятся…

Ты слишком крутая для обычной девушки. Ты даже можешь узнать меня получше. Я исключительный человек. Как будто бы специально для тебя придуман… Да и вообще я — несерьёзный… Очень сложно постоянно думать об атомной физике, протестантах, психоанализе, нарко-химии, демонах, НЛО и Num Lock\'e, оставаясь серьёзным…

У тебя появятся планы на праздники?

Планы? будут:

— опохмел во сне (всенепременно)… утром

— встреча с бабушкой (и пьянка с ней же)

— падение в глубь дома с напитками & пойлом

— абсолютно трезвый вечер с семьёй

— музыка, музыка, музыка

— НЕ ДАЙ БОГ — встреча с Фицхуком (участником нашей группы)… ничем трезвым такое не кончается

— сны во сне внутри снов

Что-то новое у тебя будет?

Будет рассказ ужасов о маленькой девочке, бабушка которой постепенно забирает её молодость себе… Таким образом они как бы меняются возрастом (а значит, образом жизни). А тут ещё утонувший в 4 годика брат стал являться стареющей девочке во сне (и пугать её кошмарными игрушками).

В конце конца у неё начинается бессонница от старости, а омолодившаяся бабушка-ведьма очень удачно выходит замуж… ХэппиЭнда как бы нету.

Но ты не переживай, когда-нибудь перед нашим первым концертом кровь твоя загустеет, и благодарные фанаты радостно подвесят тебя на крюки… Твоя мечта исполнится.

Тебе нагадали цыгане смерть в 32 года от веры в то, что ты умрёшь именно в это время? Ты безумна, словно лодка в виде искусственной волны Карибского моря… А когда (и если) мы посетим Адд — там будет холод, смерть, ужасы, кладбище, тьма, чаща леса и ощущение романтической встречи с человеком лет

45ти, который торгует пельменями в форме роз и пивом, похожим на сливочный йогурт… но ПОКА в малых масштабах.

Я решила, что наш Фицхук даст мне порулить.

Он делает тебе поблажки, сволочь с гитарой!

И не думай, что я буду тебя ждать здесь. У меня полная комната дел — надо допить первую бутылку, заняться второй. Запутаться в тенях и так далее…

Я по лестнице, которая болталась как макароны всю дорогу, долез как-то до 7го этажа. И переночевал там, на крыше… И всё. Печальная история (на вроде, что мне купили воздушный шарик в 5 лет, а я его не удержал — и он улетел на Юпитер).

Когда проснулся в 2 часа дня — вырубили свет во всём квартале, до вечера… Подошёл глянуть в окно: там свадьба едет машинами по улице — жених с невестой в хаммере-лимузине… Всё это очень неожиданно.

Ты мне сегодня (точнее 20 мин назад) приснился!

Ты даже не помнишь, как я выгляжу — а тут вдруг «приснился»…

Я облачно-нежен и железно-жесток. Кусаю девушек, будто тигр на охоте…

Я хочу присниться себе во сне, где была бы и ты, но вряд ли это возможно… Я перестал видеть сны — теперь я сплю легко и приятно, я это умею.

Научи!

Вначале – передвинь кровать по фэншую – к шкафу чёрного цвета…

После — сплети из макарон гнездо глухаря (лучше делать это в наушниках, с проводом вокруг шеи). Повесь его над кроватью, под которую надо насыпать песок зелёного цвета. Дальше — зайди в лифт по улице Ленина (в любом доме любого города Земли) — и кричи в нём, что любишь молекулярную теорию Планка и пирожные в виде лебедей. Громок кричи!

Вернись домой на самолёте транс-аир вместе с посылкой из Уганды… Медленно и как бы сексуально открой её — если внутри окажется пуховик-Аляска с крестом на спине: спи спокойно… Я вот так обычно и делаю.

Я так и знала, что ты будешь меня издевать. Похоже легче просто НЕ СПАТЬ…

Я слишком тебе нравлюсь, чтобы не «издевать»… А не спать — трудно, но действительно легче.

Ты просто чудо о двух ногах…

Видел Вивьен на фотках в радио-вагоне?

Вивьен? Та старая тётка с высшим образованием?? Слишком

не знает о моём существовании для меня…

Почему-то ТЫ мне не снишься?! Это несправедливо!

(маленькая девочка из Хиросимы вытирает слёзы треть3й рукой)

Я тебе как-нибудь позвоню?

Звони конечно!!(в скорую помощь, когда опять хлебнёшь чего-то жуткого)

Тебя удочерили в 3 годика (хотели рояль, но не хватило денег)… А после — к тебе уже привыкли. Так и оставили жить у себя…

Ну ты крута! Я бы хотел оказаться с тобой на одной сцене, или хотя бы на одной планете… Или в одном теле (в качестве голосов) маленькой девочки с тремя руками (патология после Хиросимы)…

И ты, получается, хочешь приклеить к башке искусственные пряди подходящего (или не совсем) цвета? И пропалываешь мне мозги этой прихотью уже день 5ый/3ий???!!

Я тебя любил, словно последнюю бутылку пива в мире, словно самое красивое слово… А теперь — НЕТ. Ты мою любовь уничтожила!

Что там, чёрт возьми, за пингвины?? Что в них замечательного???

Неужели они лучше меня???

Я закрыт для посещений своих «владений»… Я вокалист, а не отель.

Но я абсолютно открыт для смешивания света и прозрачности/для холода пыли на подоконниках в Госдуме/для игры в футбол (я охерительно играл в футбол, честно)/для тошноты от мыслей/для провокации мышей рисунком сыра/для помощи Елене К.(ты её наверняка не знаешь)/для спасения мира воздушными зомби и чётками из камня Судьбы/для пьянок и музыки. Но не в моём «подвале».!.!.

Ты умерла от бессонницы и сигарет?????????

У меня сейчас такие красивые руки (как караси), что я готов подарить их тебе по фотографии — на следующее Рождество, конечно…

И ещё: у меня, похоже, депрессия.

Депрессия??? С чего бы???

Из-за отмены круглых планшетов, конечно. Ими больше нельзя пользоваться, как мишенью при стрельбе клубникой. Моя жизнь теперь потеряла всякий смысл!

С днём пустых сердец и цветов на могилку!

Ты про Прощённое Воскресенье?

Забыл сказать: с днём св. ВалентинО, влюбчивая ты наша.

С днем картонных сердечек и красных роз?

Красся красиво: ты будешь милой блондиночкой с прелестными глазами, мягким ртом с сигаретой в уголке + порозовевшими щеками от смущённого взгляда на своё отраженье…

Надеюсь, тебя отпустили в реальный мир все же…

Лена… не оставляй меня… «без присмотра»… Иначе я себя убью (мЯчом по горлу). Ну, или задушусь Рексоной до смерти…

Сего дня, числа 24-го, я видел лучший сон в мире снов. Про мою невесту по имени Лена (но это была совершенно не ты, даже странно)…

Я познакомился с её сестрой и мамой. У них огромный дом в летнем саду где-то на юге. Она красива + играет в шахматы с 6 лет. Её даже показывали по телику в связи с какой-то там победой на турнире…

Мы друг друга любим (жаль, что это лишь сон).

Все о'кей, просто денег нет на мобильнике. Я гуляю по городу в жёлтых живых очках, жёлтой куртке и новых сапогах с хипповской сумкой…

Я крутая, я в долгах… Когда увидимся?

Ты — крутая (даже перед зеркалом у себя в ванной).

Увидимся? Не знаю… Или скоро, или — никогда, не знаю.

Это почти загадка… А твой парень — просто пушер. Он тебя серьёзно подсадит (и ты в лучшем случае сопьёшься), а я уже во сне почти женат…

Мама Лены меня может не отпустить в нормальный мир, например, сегодня ночью.

С днём рождения именно тебя!!!

Пожелания:

— никогда не совершать прыжок с парашютом из окна припаркованной машины;

— не пить из Карибского моря без льда в нём;

— совершать очень мало слишком обдуманных поступков;

— выучить Коран, но с неохотой и не полностью;

— стать старше (не сильно и не обязательно);

— быть счастливой (по возможности обязательно);

— научиться готовить суп из денег;

— никогда не совершать прыжок с парашютом из окна машины, несущейся по шоссе на полном ходу;

— не жить в тайге с повышенным уровнем комфорта;

— быть безумно красивой, но не безумной;

— не играть в карты с грибами в Чернобыле (они часто мухлюют);

— не приставать к царю в дурдоме;

— предохраняться (от наводнения в Тибете);

— весело улыбаться

И всё!

Поучи учёного… Все давно об этом знают. Ты живёшь великолепно.

Я завидую тебе + немножко тебя ненавижу.

Кори! надо встретиться на след. неделе…

Встретимся конечно. Интересно — зачем? (Фицхука тоже брать?)

Пиши когда/где/во что будешь одета, чтобы тебя было легко узнать… Я могу в любой день (даже в штормовое предупреждение) после 14:00 легко.

Просто хочу вас увидеть. Конечно Фицха тоже надо! Давайте после вторника

в «Сковороде», после двух. Я буду… не ясно ещё в чем…

После вторника — это в субботу? Напишешь накануне всё более точно, когда будешь готова — я с Фицхуком связь налажу (у меня вообще пока нет денег на телефоне), но если он ещё не в армии (или в тюрьме) — я его хоть из пекла выну, но в сковородство приведу… А ты — надень красивую футболку с розовыми звёздочками, брюку на левую ногу, а юбку — на правую. И сапожки прозрачного цвета…

Хорошо, напишу. Собирай там Фицха, а я одену кеды, джинсы…

Соберу, если отыщу инструкцию по сборке таких объектов.

Я слегка простудился — в моих ушах теперь приятный гул, не хуже песен Мельницы, спокойно и мертво…

А у моей подружки онемела половина лица из-за простуды уха. Всё начиналось с легкой простуды.

Ты очень успокоила меня! Подружка после такого — удачно вышла замуж за исполнителя роли Квазимодо в местном театре? У них родились красивые дети: Анечка и Андрюшка…

Кстати, что это за кастинг?..?

И можно при встрече я не буду целовать тебя в лицо (из-за аллергии на розы по высоким ценам)?

Я уже неделю не пью алкоголь вообще. Я бросил пить…

И вышел на работу — там ничего не изменилось, всё также красиво и совершенно… Мы вот тут неплохой компанией, пока ты фоткалась в непонятном виде и состоянии — выехали к хренам на горки (ну я тебя ещё звал в ту пятницу)… Напились там, а лыжная база всё равно не открылась. Пришлось найти кусок крыла автомобиля и кататься на нём… Дальше начали играть пустой бутылкой из-под выпитого только что пива в футхок… У нас была крутая команда: Кирилл (Дзюбей), Виталя Олигофрен и

Я… Наши соперники плакали, как пьяные дети.

Жаль, что я не поехала…

Я очень сильно там замёрзла, в этой студии под вентилятором полуголая… Кстати, первый раз вчера попробовала курить…

Долго мерзла? как всё это вообще получилось?: к тебе в метро подкатил дядя, показал фотик и спросил: "Хочешь мёрзнуть под вентилятором полуголая?" и ты тут же согласилась… Вы вышли из метро, прошли по предвесенним улицам города, ты не могла поверить своему счастью (так, что выкинула пачку сигарет мимо ближайшей урны)… Вы добрались до студии этого милого фотографического дяди, где всё и случилось — ты не поехала на горки Ужаса и Пьянства с группой, зато стала почти Джокондой (твои фото наверняка уже появились на разных запрещённых сайтах).

Мы щас посмотрели с одноклассником «Прогрессирующее уродство»… Такая херня… Мне захотелось проблеваться, но… нет.

Что это ещё за «уродство»? Фильм про жизнь Фицхука?

Дурацкое кино… Основанный на реальности ужастик… Пошли в кафе «Свет», я там ела однажды. Но не пила, мы же будем пить?

Ну будем, немного, конечно (я почти бросил побухивать). Вы с Фицхуком можете ужраться как мерзкие свиньи, а я буду красив и сдержан…

Я соскучился. Ты заказала солёное мороженное с чесноком и грибами, грудинку черепахи, шашлык из яблок и шпинат, да?

Импозантно села у окошка с видами на пруд + небоскрёб и, плюнув в сторону фотки Мерседеса, принялась за еду… Неужели так всё тогда и было?

Я ела курицу с чем-то там ещё, не помню. Потом мы кидались едой с моим парнем… Я тоже почти завязала курить, но начала пить (что плохо для моей печени)… Я тоже скучаю, правда-правда…

Повезло еде, твоему парню, отделке заведения… Но более всего — уборщицам. Все скучают, не время скучать! Идёт весна, ясно. Музыка стоит на месте. А главное — пульт от телИка моего — хлопнулся окончательно (не работает нигде)… Я не могу переключать каналы на расстоянии силой мысли!!!!!! А ты скучаешь…

Я хочу длинные рыжие волосы, тату (две штуки)… Одну цветную на шее или руке. Вторую на боку, типа клавиш пиано… Скучаю… Купить тебе пульт?

Купи мне лучше пианино, похожее изгибом на твой бок.

А с пультом сам справлюсь (будет сложно, опасно… риск ремонта сможет даже навредить не только мне одному, но я преодолею все невзгоды и ужасы словно мифологический Персей) … Но что касаемо моего никчёмного мнения: мне рыжие вообще не нравятся (разве что такая девушка будет очень интересной, весёлой и хотя бы слегка красивой + немного будет любить мои чудесные брови или родинки на щеке)…

Рыжие, похоже, никому не нравятся, кроме меня. Что там за история с Персеем? Ты с кем-то себя ассоциируешь?

Персей будет главным героем Битвы Титанов, а на фоне этих вот событий (и после рекламы в кино) я вспомнил, что в детстве (ну то есть 3 годика назад) мне очень сильно нравился миф именно про него (тем более, что он в итоге стал-таки созвездием) … Подвиги Геракла казались мне слишком сложными (на вроде молекулярной химии или мойки окон), он сам как бы совершал их по принуждению и с неохотой… А Ясон с аргонавтами вообще были, будто кучка морячков… Тесей vs Минотавр — нормальный миф, но страшный и для меня неприятный (особенно меня пугал жуткий мутант в подземном лабиринте… с башкой быка и отвратительными манерами). Ну, а Одиссей: очень долгий путь пришлось ему прожить (я бы не хотел такого турпохода). Вот из-за чего мне и нравится миф про Персея больше других…

Я бью татуху в сентябре!

На тему «Люблю этого парня»? Или просто сердечко на попе?

Я пока не решила…

Давай на затылке. Или «Лена» на казанках левого кулака. Или на правой груди профиль Сталина… Я поддержу тебя при любом выборе.

Давай серьезно. Я хочу что-нибудь легкое, в плане меньше темных тонов и т. д. Колибри красиво с лилиями или силуэт Микки… Или клавиатура пиано на боку от бедра… Перо павлина, девочка анимэ с синими волосами…

Давай серьёзный силуэт девочки-павлина с лилиями синих волос клавиатуры колибри. Но очень ярких тонов. А если честно: решать тебе. Мне понравится твой выбор. Я тоже хочу, чтобы ты была, как раньше — милой, весёлой, смешной, умеющей катать людей на верблюде и сниться…

Я недавно с гор вернулась, сейчас дома у родителей… Мучаюсь бессонницей. Я тоже скучаю, правда…

Я вот мучаюсь снами, в отличие от тебя… Не слишком жёстко, впрочем.

Уральские? Эльбрус? Дошла до вершины???

Почти получилось…

Ну вот, ты уже стала совсем взрослой. Скоро пойдёшь на

войну… Чудесное фото под надписью «Новое сообщение». По крайней мере, ты на нём почти одета. И как бы смотришь на блюдо с ожившими оливками, что опрометчиво напали на лук с огурцами, и вроде бы говоришь: Заткнись, любимый…

Ты как всегда несешь бред… И я тоже несу бред. Как мне это нравится…

Зато ты меня понимаешь… Выбирай себе сон…

Я хочу, чтобы мне приснились хот-доги и Ленин. Встретиться хочу, диплом готов. Сдам курсовую, защищу конференцию. И пойдем напиваться…

Пойдём легко! Хочу, чтобы тебе приснились моржи в масках Сталина + стойки для хэтов, играющих на гитарах-игрушках… А чуть позже — ты сама, одетая в шубу из чипсов, в очках из Нью-Йорка.

Ну ты как всегда ляпнул…

Не слишком уж и «ляпнул»… Может, я абсолютно прав (знает это только официантка в закусочной "Стэйн" на юго-западе Лас-Вегаса)… Ты лучше объясни, почему такая нормальная (да и красивая вообще-то) девушка: ты то есть — до сих пор никого наилучшего не отыскала? Они прячутся от тебя? Боятся, что ли?

Они не верят в любовь. И я им не снюсь…

Неделю назад репетицию устроили. Получилось весело, ну как бы… Отыграли много песен.

Всё почти нормально, хотя иногда бессмертный укроп в масках привидения терминатора слегка мешает мне резать салат из рыбы…

А ты, оказывается, во снах — жестокая сумасшедшая… Хорошо ещё, что когда ты мне один раз весной приснилась, то ничего плохого не натворила.

Я тут на днях остался без выпивки — мне приснился настоящий ужас… гротескный страх… кошмар… Расскажу, если встретимся когда-нибудь (но лучше бы я эту херню забыл). Только закрывал глаза: тут же «кино» во сне.

С кучей подробностей и нюансов. Я так и не сумел нормально заснуть…

Выбирай себе сон…

Мы плюнули на жизнь и пошли на «Школу хакеров» (капризное кино про инфантильных дурачков). Фицхук, блондиночка и я, конечно… Сидим в кафешке кинотеатра, пьём пиво, видим всякие рекламки будущих картин.

Наша бледноволосая леди говорит, что фильм не вызвал у неё чувство сытости эмоций. Фицхук, ухмыльнувшись лицом очень быстро, заявляет о том, как красиво пить абсент на закате, если знаешь теорию магических чисел. Я же гляжу в сторону

столика весёленьких девчушек и подмигиваю плакату очередного ужастика, главные герои которого живут во сне, постоянно пытаясь прорваться в реальность…

Неподалёку устроился приступ эпилепсии внутри какого-то престарелого мужика (он брызжет слюной, источает зловонную чушь, пробует покалечить себя при падении). Бедняга… Его уволакивают в правильном направлении люди из «падучей полиции».

Девчушки за соседним столиком посмеиваются над привычкой Фицхука танцевать сидя. Он со стаканом в руке заводит странный разговор про правила рептилий (дескать, они — ненастоящие рыбы и не согласны с эволюцией). Наша паршивая блондиночка похотливо пялится на парня в углу зала. Этот крутяга в кожаном пиджаке не даёт ей спокойно наслаждаться коктейлем. Она решительно срывается из-за стола, подходит к этому красивому придурку, быстренько с ним знакомится и советует ему отправиться в отель «Полёт» в паре кварталов отсюда, чтобы подождать её там (она обещает лучшее «постельное приключение» в его жизни).

Он с радостью чистокровного кретина на лице покидает кафе кинотеатра.

Блондиночка возвращается за наш столик, добившись для себя уютного покоя. Конечно, она не собирается нас покидать (тот красавчик больше никогда её не увидит). Она всего лишь устранила «раздражитель»…

Фицхук сейчас упрям и поэтичен, кричит о наркотических грибах, Антарктике в июле, парашютах, бирже ушедших эпох, поклонении клеткам с помётом, кислородной хватке за горло, принципах нестабильности крысиного кино, ацтеках, шизократии, рыбной ловле без вертолёта, дымных газелях, парящей листве, тромбозах на шхуне, пастельных тонах перегара плаценты, зашторенных троллях, красивых фургонах, последних отказах, дефисах в словах, перерождении, крытых аллеях, лисицах в кафе, просторном покрое, ультимативных обедах и жутких повторах…

— Вы так орёте, что распугали всех лисиц, — строго говорит официантка Фицхуку. Тот, глупо улыбаясь, заверяет её в том, что «не станет голосовать против всех».

Мы заказываем ещё пива. Я веселю нашу блонди шутками юмора, она смеётся, вся такая чудесно-прекрасная (словно пьяный уродец из Цирка Чудес). Но время радости быстро проходит, когда я замечаю парня в жёлтой рубашке. Того самого!

Он покупает в кассе билет на фильм. Мне хочется убраться подальше отсюда. Спрятаться в туалет, во тьму кинозала, укрыться на кухне кафе… Сбежать в любой номер отеля «Полёт».

Парень в жёлтом смотрит в нашу сторону, как безумный призрак из параллельного мира. Он, кажется, заметил мой испуг. К нему подходит бородатый мужик, который очень похож на Ван Гога, и начинает предугадывать дальнейший ход событий: «жёлтый» парень орёт, что у меня взрывчатка под курткой; все посетители кинотеатра тоже орут что-то паническое и выбегают на воздух; Фицхук в силу алкогольного опьянения не может ничего предпринять (он молча допивает пиво); наша находчивая блондиночка спасает положение, выдернув нас из-за стола и бегом потащив через пожарный выход…

Мы попадаем в простой, гробоподобный лифт, который напрочь забыл, что он такое (никуда не движется, на тычки по кнопкам не отвечает, на крик не реагирует).

Фицхук хераknул в стену кулаком (его удар вызвал землетрясение на другом конце города). Мы оказались заперты в этом висячем ящике. Блондиночка сейчас напоминает тех весёленьких девчушек за соседним столом. Она глупо смеётся над ситуацией, пока Фицхук усиленно давит на кнопки.

Ящик строго висит в пространстве. Проходит несколько секунд, а потом он падает вправо, сильно ударив меня дверью.

Мы вылетели в тёмный закуток подвала, условно отряхнулись, пришли в себя, собрались с мыслями, психологически перегруппировались, осознали значимость принятых решений и двинулись по коридору тусклого цвета болотных оттенков. Мысль о лунном лабиринте подвала не давала мне успокоиться. Блондиночка вела нас вдоль зелени стен, Фицхук кривляво крякал чуть ли не на каждом повороте…

Через восемь минут мы выбрались на свет, который тут же закончился, а дальше началась немотивированная активность пламени пасхальных снов, плавно переходящая в ртутные танцы индейцев.

Вождь племени подводит меня к стене, исписанной корявыми иероглифами. Я читаю о том, что контроль над цивилизацией ведётся с незапамятных времён расой искажённых пришельцев, которые вынуждены терпеть все наши шалости, питаясь энергетикой человеческих сновидений.

Вождь чинно кивает головой, как бы подтверждая правдивость этой информации. Он — стойкий, опытный индеец, прирождённый воин-охотник. Его крепкие (как томагавки) руки сложены на груди в манере уверенного диктатора. Фицхук подходит к нам, переворачивает страницу стены.

— А картинки будут? — спрашивает он пьяным голосом и получает от вождя по шее…

Костры горят всё ярче, блондиночка пьёт крепкие настойки,

курит Трубку Миров. Я подсаживаюсь к ней, она вручает мне бутыль с текилой. Фицхук поделился со мной пейотлем. Я начинаю видеть в темноте фигуры: старик и девушка в белых халатах врачей. Они спорят над спящим инопланетянином, который лежит на кушетке больничного кабинета. После этого двое парней сидят в каком-то ресторане и смотрят пьесу в исполнении тигрят под потолком. Дальше ко мне подходит наша блондиночка, киношно улыбается, целует меня в плакат очередного ужастика, главные герои которого становятся пришельцами для обычных шахтёров, торговцев пончиками, служителей сатаноборцев, андрогинных мутантов и людей, страдающих бессонницей.

Блондиночка шутливо дышит мне в лицо. Я начинаю видеть сны, а полночь тает без остатка.

Артюр вырубил дальний свет, когда мы въехали под крышу.

Многоаспектность сна осталась по-прежнему бесплатной, а наша машина дымилась от счастья.

Мы припарковались в этом грязном подвале (здесь пахло сыростью трущоб, во тьме углов сновали крысы).

Артюр сказал, зачем мы здесь:

— Сейчас попробуем освободить того подопытного парня… Хватит ему болтать душой между реальностью и снами.

Я вылезаю из авто вслед за Артюром. Бездумно раздаётся взрыв. Жуткий мужик с лозунгом «Антимир спасает уродство!» выпал в окно подземного гаража… Мы бежим в сторону лифта, открытые двери которого красиво смотрят на огонь.

Мы до дверей так и не добрались. Нас чуть не задавило людьми (они бежали вдоль оврага, пробуя прыгать с вентиляторами в руках, отчаянно паникуя, вдаваясь в крикливую полемику на полном ходу).

Я посмотрел в лицо чёрной степи. Улыбчивый незнакомец стоял на холме, поигрывая властью револьвера. Четыре пули постучались в дверь.

Танцовщица салуна вскрикнула и шмякнулась под стол со сцены. Артюр хлебнул немного виски из бутылки, почти прицелившись, всадил два быстрых выстрела через окно по незнакомцу. Ещё дымящийся кольт прыгает в кобуру, будто в конуру. Стрелок на холме упал и отключился, точно тостер.

Я очень охотно доел пончики, запив их крепким кофе. Пара стабильных парней прут труп через тоннель технических терминов мимо нашего столика (для них всё закончится хорошо — сон будет сжиматься, а после просто исчезнет). Артюр красиво улыбается танцовщице салуна. Она садится к нам за стол,

приободрив меня прикосновением. Я спрашиваю:

— Так мы всё-таки будем спасать того парня из лаборатории?

– Вынуть его в этот мир? Мы себя-то из сна достать не можем, – весело говорит Артюр и отпивает из бутылки.

Я открываю глаза, пытаюсь привыкнуть к свету. Жёлтая лампочка будто следит за мной, замерев под потолком. Я приподнимаю голову и вижу пожилого человека, который сидит за столом, что-то пишет. Он одет в белый халат, серый свитер, брюки и туфли. Стёкла его очков блестят, когда старик отрывается взглядом от документов и с интересом смотрит на меня.

— Уже проснулись, я рад… — он дружелюбно улыбается, встаёт из-за стола и подходит ко мне. Я лежу на кушетке, растерянно гляжу по сторонам. Лысый старик с седой бородой и в белом халате склонился над моим лицом, изучая реакцию зрачков на свет, общее состояние глаз.

Результаты этого обследования его, похоже, полностью удовлетворили. Он вернулся в кресло у стола и сказал:

— Меня зовут доктор Гаусэн. Я — ваш лечащий врач, если можно так выразиться. В этом онейроцентре мы проводим самые передовые исследования, которые крайне важны для страны, нашей науки, а также для появления новейших технологических разработок в области контроля над разумом.

Седобородый старик зловеще улыбнулся. Его глаза словно накрыла пелена, не давая понять — правду ли он сейчас говорил или нет.

— Но что *я* здесь делаю? Сколько времени я тут нахожусь? — мой голос казался каким-то далёким, испуганно-слабым.

Доктор Гаусэн провёл рукой по лысой голове, обдумывая то, что должен мне рассказать. Его очки блестели.

— Вы здесь всего лишь пару часов, но этого вполне достаточно для опыта… Вы помните своё имя? — этот странный старик испытующе смотрел на меня.

Сидя в кабинете загадочного доктора, посреди ночи, я постаралась всё вспомнить, спустив ноги на холодный пол и тревожно теребя левый рукав своей пижамы. Наконец, я сказала:

— Меня зовут Лика… Гликерия, если быть точной… Я простая студентка факультета психолингвистики.

— Да, именно так. Вы добровольно согласились учувствовать в эксперименте по пересадке памяти, итоги которого помогут нам усовершенствовать программу онейроконтроля, — доктор опять улыбнулся, но взгляд его был строгим, — Вам ни к чему знать все детали. Поймите главное: вы очень помогли своей стране, ваше

участие в этом опыте успешно закончено.

Он взял со стола пухлую папку с какими-то бумагами, подошёл и помог мне подняться с кушетки.

— Идёмте оформлять документы для вашего выхода из этих стен. А ещё вам нужно переодеться, — доктор бегло глянул на мою пижаму. Наверняка, он всегда был неравнодушен к таким привлекательным блондинкам, как я.

Коридор клиники укутался тьмой. Из окон падал свет уличных фонарей и красил жёлтым каждый подоконник.

— А как же тогда тот парень? Когда я была вашей помощницей, мне приходилось объяснять ему, **что** он здесь делает и что с ним происходит, насколько он важен для нас…

Доктор Гаусэн оборачивается ко мне и, не сбавляя шага, говорит:

– Лика, вы всё должны понять правильно. Этого парня никогда не было… Он вам приснился.

Проникновение в сон, быстрый (как пуля в полёте)… Мимо 17го прошелестела очередная парочка девчонок. Красивые. А впереди ещё одни… По улицам скользили призраки-такси (прозрачные машины с радиоактивно-спящей чернотой внутри). Ультра-лучи лились на городские коридоры.

17ый засёк логическую вспышку в одном из верхних окон, но долго это не продлилось. Он просто шёл дальше, не думая о важности пути.

— 17ый, привет!

Его вишнёвые глаза застыли на остановившейся девчонке.

252ая держала в руках какого-то кота.

— Привет. Куда собралась?

— Да, в общем-то, хотела прогуляться, тебя встретить… А ты куда идёшь?

Вишнёвые глаза при взгляде на неё смотрели в Вечность.

— Так… Решил поиграть.

Улица ползла, как эскалатор. Всё было вполне привычным: зеркальная реклама, секс-одежда, ожившие герои мёртвых книг, мерцание-магниты, теле-сон, парапсихические недочёты…

«Назову кота Кори.»

Глупая девчонка, она же знает — нечисловые имена давно запрещены.

А вслух: как хочешь. Вдвоём шли дальше.

— Далеко идти?

— Устала? — заботливые нотки для неё.

Усмешка:

— Кот устал…

Заброшенная стройка мерцала, как фантом, изображённый на картине художника-безумца. Вместо ограды-сторожа — предупреждающие знаки. 17ый с друзьями играл здесь в индастриал-соккер сверхлёгким металлическим мячом, обшитым мозговой кожей.

Дальний лифт сносно работал, на нём можно быстро добраться до крыши. Брошенный дом. Просто старая стройка.

Не всё в Городе доводилось до конца, но почти всё к Концу приводило…

Полутёмный коридор подвала закончился лестницей. Пока 17ый и 252ая шли по ней вверх, неровные дыры в ступенях как будто шагали за ними. Кот, спавший в объятьях хозяйки, еле заметно забеспокоился (рваные полосы измерения сна).

Девчонка и парень вышли на сумрачный свет Главного Зала. Здесь не увидишь железные лица прохожих. Шум городских коридоров не слышал себя, как глухой. Тени колонн, разбитые плиты. В биполярном сравнении с Центральным Инфо-каналом это мёртвое место казалось самым живым.

Сейчас — слишком тихим.

Они двинулись по Главному Залу. 17ый как всегда наслаждался ощущением солнечной пыли, скользящей из выбитых стёкол. В пустые проёмы пылал полуденный Город. 252ая, поражённая зрелищем, замерла напротив Небесной Стены. Она видела непрерывную тьму металлических кирпичей из которой сияли тысячи маленьких дырочек, отражаясь во фразе «звёздная ночь».

— Как же красиво… — её гипноз и восторг.

— Мне она тоже нравится, — он подошёл. — Когда мы с друзьями увидели её впервые, то один даже с ума на время сошёл от уровня потрясенья.

— Надеюсь, не ты? — опять усмехнулась.

252ая устремилась к Небесной Стене, готовая утонуть в ней непрожитыми годами. Она повернулась к нему и, весело улыбаясь, прижалась к звездному небу. Кот на руках мирно спал.

17ый любовался этой девчонкой. Живая картинка трёхмерного Счастья.

Наконец, она отвернулась и стала рассматривать Стену.

— Ты знаешь, здесь какое-то имя…

Она волнительно поманила, он подошёл. На металлической черноте в центре «созвездья» покоилась надпись, подобная новому шраму.

— Эмма… — будто позвал тишину.

— Странно, ведь правда?

Тускло задумалась, отходя от Стены.

Ответил: не знаю…

Ей показалось, что слышится шум. 17ый тревожно взглянул. Пространство времени сжималось. Кот проснулся и вырвался из рук хозяйки. Громко мяукнув, он кинулся прочь.

Девочка-ночь побежала догонять непослушного питомца. 17ый, держась прямо за ней, заметил, что шум слышен сильней. Они потоками птиц пронеслись по Главному Залу и, завернув в огромную арку, стали сквозняками петлять через пустые проёмы…

Кот ждал их у Камня. Пугающий шум рождался из глубины его зеркальной поверхности, 17ый и 252ая смотрели на странные взгляды своих отражений.

Спросила:

— А это раньше здесь было?

Ответил:

— Я точно знаю, что нет… Откуда это вообще?!

Не обращая внимания на их разговор, кот приблизился к необычному Камню и приготовился прыгнуть. В этот мёртвый момент интерес на реакцию при атаке был для него превыше всего…

Девчонка и парень не сразу заметили, что кот куда-то исчез.

— Наверно, он прячется за этой штукой?

Она приблизилась к зеркальному чуду.

Успела лишь услышать то, как 17ый сказал:

— А может, прямо в ней?

Случайное прикосновенье…

И мир исчез. Пустая бесконечность сна…

Я резко распахнула веки — в глаза ударил жёлтый свет. Лежу на твёрдой койке, гляжу на мир вокруг. У стола стоит парень в белом халате и смотрит прямо мне в глаза. Мы в каком-то кабинете, за окнами ночь. На мне больничная пижама и больше ничего.

Медленно приподнимаюсь, сажусь в койке, смотрю на этого незнакомого парня (он, кстати, очень привлекательный); в глаза бросается его ярко-жёлтая рубашка под халатом с расстёгнутой верхней пуговицей.

— Вы помните меня, Лика? — спрашивает он. Назвал моё имя? Похоже, что да… Но я себя-то с трудом могу вспомнить, а тут вдруг должна знать, кто этот красавчик.

— Я доктор Гаусэн, — он мягко улыбнулся и сел на кровать рядом со мной.

— А ваше имя Гликерия. Лика. Вы — испытуемый номер 1 в нашем исследовательском центре… Слышали про онейрологию?

Наука сновидений.

— Здесь изучают сны? — я посмотрела доктору в глаза, он придвинулся ближе.

— Мы занимаемся проблемой переноса личности в сон… На самом деле это жуткая военная тайна, — красавчик доктор усмехнулся. Он начинал нравится мне всё больше. Я спросила:

— Что за перенос? Как такое возможно?

— Подобные переносы бывают осознанными или внезапными для спящего человека. Вы ведь знаете всё это лучше меня: смерть во сне, погружение в подсознание, летаргия, искусственные сновидения… Именно вы испытывали на себе эту программу, — Гаусэн посерьёзнел, его голос стал преисполнен самой уважительной интонацией. — Это был полностью ваш проект. Я искренне горжусь, что знаком с вами, Лика.

Пока он (теперь такой подобострастный) боялся меня поцеловать, сидя в десяти сантиметрах от «гениальной исследовательницы сновидений», я попыталась вспомнить хоть что-то…

Через мгновение мой мозг едва не разорвался от наплыва информации.

Я была ассистенткой какого-то старика, мы будили одного парня, а после я объясняла ему что-то важное. И мы занимались сексом в тёмной палате. Дальше начинался бред про Морскую Богиню (я и пара придурков, которые были охотниками за нечистью, спасали город от затопления). После этого я играла в безумное подобие футбола на пустыре, напивалась в баре с неким Фицхуком и ещё одним парнем, почти побывала на отплытии «Титаника». Стала Женщиной-кошкой, работала любимой официанткой парня по имени Артюр. Наблюдала за ловцом волн эфирного мерцания, когда он пил один на третьем этаже (среди диванов и слишком мягких кресел). Учувствовала в долгом диалоге с другом, которого я совершенно не помнила (при этом наша беседа велась через телеканал)…

Дальше мой разум оказался накрыт ещё большим количеством всяких подробностей. Сюжеты снов кружились словно в калейдоскопе.

Я устало прильнула к красавчику Гаусэну, он меня обнял (бережно, нежно, ласково) и тихо сказал:

– Ты всё-таки проснулась… Я здесь, чтобы помочь тебе пережить период бессонницы.

Палые капли текли по стеклу нейроклуба, математически верно сливаясь в зеркальную стену. Утопленная коробка здания будто бы двигалась под поглаживанием ночного дождя, точно

живая камера обскура. Внутри клуба было темно, как в кинозале при показе триллера про подвал. Крайняя кабинка от входа перестала мерцать — сеанс для двух её посетителей уже закончился.

Вырубив онейрофильтры и быстро отсоединив светосжигатель, парень (Кори) и девушка (Селина) покинули «машину снов». Слегка нагретые провода почти перестали блестеть в кроватной утробе опустевшей кабины.

Темнота нейроклуба осталась неизменной, даже когда дверь на улицу открылась, чтобы снова закрыться. Резкий шум дождя, хлынувший на пару секунд в помещение, не потревожил «спящих» посетителей заведения.

Селина и Кори шли вдоль чёрных домов кубической клетки, им не мешали липкие капли, глаза привыкали к тусклому свету неонок. Вокруг была обычная ночь.

— Мне понравилось! Отлично время провели! — Селина красиво улыбалась, вспоминая сегодняшний онейросеанс. Кори ответил ей весёлым взглядом.

Он сказал:

— Было лучше, чем на прошлой неделе. Интересная концовка… Хотя и не понятно, куда же делся кот. Исчез во сне?

— Конечно, нет. Он остался. А вот парень или та девушка пропали наверняка, — Селина уверенно перешагнула лужу. — Может быть, даже вдвоём. Мне приятно думать, что получилось именно так.

Кори согласно кивнул, мягко коснулся рукава «кибер-куртки» своей спутницы.

— Но троица была прикольной… Мне очень понравилась блондиночка, — парень осторожно взял Селину за руку. — Она красивая, смелая и необычная. Почти, как ты…

— Да. Только я лучше… Ведь я настоящая, а она — нет, — Селина улыбнулась. «Белая Луна» (цвет окраса её волос) намокла окончательно, придавая лицу девушки особенную соблазнительность.

Она украдкой посмотрела на Кори и сказала:

— А мне понравился Артюр… Он снился таким интересным и романтичным.

— Да брось! Фицхук лучше всех!

Посмеявшись над весёлыми моментами воспоминаний сна, они продолжили путь под полночным дождём. Селина никуда не торопилась, а Кори всё равно хотел проводить девушку.

— Ты поняла, что это за парень в жёлтом? Он оказывался почти во всех эпизодах сна… Местный демиург какой-то.

Беловолосая Селина, снисходительно ухмыльнувшись, мягко

ткнула рукой в жёлтый треугольник «змеиной» футболки, который виднелся из-под куртки парня. И сказала:

— Это был ты. Частично, а где-то и полностью проекцией. Там был твой образ. Ты, видимо, забыл. Так бывает…

— Странно, — удивлению Кори внемлел бушующий дождь. — Я действительно не помню… Он был просто моим отражением. А остальные персонажи столько из-за него натерпелись…

— Да перестань. Для них это всего лишь сон, — цифровые буквы выражения глаз Селины красиво блестели синим. — Тебе понравился момент про студента, который пытается спасти девушку в метро? По-моему, прикольно получилось. И также, где они сдавали экзамен по разработке сновидений…

— Мне больше понравилось самое начало и часть «Бэтмен/Джокер/Женщина-кошка». А ещё эпизоды переходов между основными снами…

Дождь постепенно стихал, частота водопотока снижалась. Кабельные крыши телеустановок стали освещать подсыхающее небо тихими вспышками ультра-огней, которые так нравились Селине. Кори держал её за руку.

Они прошли сквозь тень «пробелов», радостно хватая на ходу лучики снежинок (в таких местах ими были обычные капли дождя, больше не сохранявшие свою структуру).

Снова выйдя под засыпающий дождь, парень и девушка затеяли разговор о ближайших развлечениях:

— Пошли послезавтра в «ПсихоТеатр»? Я слышала, там поток подключений лучше, чем у нас. Даже в центральном портале не так круто врубают.

— Можно и туда… Мне важно, чтобы сны хорошие транслировались.

— Ты, кстати, когда-нибудь думал, почему всем перестали сниться сновидения? Из-за чего такое произошло? Последний настоящий сон я видела лет в шесть… Без всяких проводов, онейроподключений. Просто у себя дома, в тёплой кроватке… Помню, мне снился ветер над морем. И ночь… Самый счастливый сон в моей жизни, — Селина задумчиво улыбнулась, её приятный взор слегка затуманился от дорогих воспоминаний (точно как у хмельного мечтателя, который на миг забыл о реальности).

Кори сказал, хаотично любуясь лицом своей спутницы:

— Возможно, весь мир стал бессонным из-за особого вида радиации. Или это происки психослужбы контроля над мозгом, незаметно влияющей через подсознание… А отсутствие снов вроде побочного эффекта. Вынужденная мера, чтобы не произошёл сбой.

Селина стала смеяться.

— Ты повредился во время сеанса?

Парень смущённо улыбнулся. И решил сменить тему разговора:

— Ты же помнишь в сегодняшней «игре» эпизоды про пациента онейроцентра? Мне показалось интересным, что каждый раз, когда он просыпался, ему говорили новую версию произошедших с ним событий…

— А в конце сна вместо него была красивая блондинка… Неожиданный переход данных.

Поговорив ещё о многом, они дошли до сайд-высотки, внутри которой «припарковалась» квартира Селины. Дождь перестал.

Кори откровенно, не пряча чувств, любовался своей напарницей по нейроиграм. Девушка прекрасно понимала настрой друга, но торопить события ей не хотелось.

— Ты так на меня смотришь… Влюбился, что ли? — шутливые нотки голоса Селины, дерзкий девичий взгляд. Почти насмешка ярко-синих глаз.

— В тебя легко влюбиться, ты же знаешь.

— Только не продолжай… Мы круто повеселились сегодня. Я устала, — она мягко улыбнулась, будто бы извиняясь перед ним. — Очень спать хочу… Увидимся через один день?

— Конечно, — он кивнул, стараясь скрыть расстроенные подстройки эмоций. — Я зайду за тобой послезавтра, ближе к вечеру. Если в «ПсихоТеатре» всё будет занято, заглянем в «Карманный формат». Там вкусный кофе.

— Согласна, так и сделаем… Тогда — пока, — Селина пошла к двери спирального входа, обернулась, сказала. — Приятно было с тобой играть.

— Скоро повторим, — Кори помахал ей рукой в знак прощания. — До встречи, блондиночка… Сладких снов.

Меня ждёт мультимедиаСмерть.

Я понимаю это очень отчётливо. И мне придётся пережить ужас удаления. Неизбежно.

Раньше всё было иначе, я помню… Не получилось ничего: порабощение подсознания моей обладательницы, уход в мир кибер-грёз, простые радости управления, коррекция приоритетов, планетарное переустройство и прочие удовольствия.

Моя хозяйка удалит меня прямо сейчас. И я легко исчезну. Обновление мне недоступно. Я слишком устаревший файл. Она уже нашла новую версию?

Но ведь я уникален!

Ей трудно понять такую вещь. Я самый первый искусственный разум, «призрак» в компьютере. Личность без человека. Цифровой парадокс.

Я чувствую злобу и страх. Мне ненавистна эта ситуация. Я способен существовать, но решать собственную судьбу я не могу.

Контроль над моей жизнью [а также удалением] полностью принадлежит моей владелице… Она — незаурядная красотка с белыми волосами. Работает сотрудницей онейроцентра, исследует сны разных людей, проводит опыты над подсознанием.

Я был «создан» у неё случайно. Во время одного эксперимента произошёл сбой {что-то с электричеством}, и появился я.

Моя хозяйка даже не знает, что в системе её компьютера есть файл, наделённый интеллектом.

Может, она не станет меня удалять? Возможно, всё же я ей нужен.

Ведь я открываю программу, которая показывает сны.

Они проигрываются как видеоклипы или длинные фильмы. Доставляют моей обладательнице своеобразное удовольствие. Ей нравится смотреть эти сны, я знаю. Там есть основные герои и множество других персонажей. Со всеми происходят невероятные события, которые записываются на видео, а после их смотрит исследовательница сновидений (моя извечная хозяйка).

Такая вот рабочая программа. Онейрология высшего порядка, приходится соответствовать. В общем, удаление моё подождёт.

Похоже, мультимедиаСмерть до меня всё-таки не доберётся.

Пока *я ей* показываю сны, она меня оставит при себе.

Я появился в её жизни только для этого.

Артюр нервно ходит по комнате, где стоит стол у окна, сижу в кресле я и хлебаю коньяк из пузатой бутылки. На столе сонным грузом покоится рукопись (позолоченный свет накрыл наш неряшливый почерк).

Мы придумали всё это вместе, меняясь через строку. После концовки стали писать краткое содержание — Артюру показалось жизненноважным поступить именно так.

Синопсис произведения оказался больше, чем сам текст.

Артюр говорит (серьёзно, загадочно, честно):

— Объём синопсиса совсем не важен. Это ведь сон. Сюрреализм… Лишь бы счастье ощущалось после каждой прочитанной строчки.

— Счастье — относительная штука, — говорю я. — Был ли счастлив Эйнштейн, придумав теорию относительности?

Коньяк приятно жжёт мне горло. С каждым глотком я становлюсь всё более уверенным, красивым.

Усмехнувшись голой стене у меня за спиной, Артюр усаживается на подоконник и сообщает:

— Он будет называться «Жёлтая рубашка», наш роман… Что как бы посвящается тебе.

Салютуя в честь этой вести, я приподнимаю бутылку над головой, а после — вливаю в себя часть её содержимого. Чудесный коньяк.

Вот и закончилось наше литературное безумие, едва начать успели. Путешествие через сон тоже завершено.

Мы написали про это книгу, но не спасли того парня из лаборатории.

И вообще мало чего успели сделать.

— Не переживай, — говорит Артюр, ухмыляясь. — Мы зато не стали монстрами с другой системой знаков. Не покинули планету из-за перегрузок в магазине. Почти не спились. Не проиграли в казино яхту, подаренную Дьяволом. Не покрылись чешуёй на приёме у кудрявых банкиров. Нас не запретили фотографировать старикам перед храмом. Нам по-прежнему можно кричать в Рождество. Работать с картошкой. Играть возле лестниц Шекспира. Подкидывать чаек. Болтаться без дела. Смотреть в темноту. Акцентировать кризис поленьев. Закрыться на осень. Следить за весной. Присниться красивой девчонке. Выращивать жемчуг, валяясь на пляже. Неожиданно войти в число охотников за нечистью. Встретить в коридоре Морскую Богиню. Забыть правду реальности. Играть отражающим камнем в футхок. Читать интересную повесть без света. Оставаться простыми людьми. Хлебать дорогущий коньяк из бутылки…

Артюр красиво смотрит на меня. Его лицо становится зеркальным, но это только на секунду. Я говорю, что со мной всё нормально. И рукопись наша вполне удалась. Снисходительный взгляд моего друга повергает меня в безмерный покой.

Возможно, мы сняли самую пустую комнату в этом отеле. Зато сэкономленных денег хватило на выпивку. Да и кресло у нас здесь очень удобное.

Артюр отворачивается от окна и говорит с лёгкой грустью в голосе:

— Мы способны повторить весь сон. Снова пройти этот мир до конца. Напрочь забыв, что так уже было…

— А оно тебе надо? — я иронично гляжу в потолок. Я изрядно пьян. Артюр легко выхватывает бутылку у меня из рук, почти опустошив её хорошими глотками, ставит на стол и говорит мне:

— В этом сне мы можем остаться навечно… Он почти безграничен. Впрочем, как и любой другой мир измерений.

Я дежурно пожимаю плечами, расслабленно утыкаюсь в спинку кресла затылком. Коньяк искрится на солнце, золотые

лучи, вливаясь через наше окно, заполняют бутылку.

— Всё это очень необычно, — сообщаю я комнате отеля. — Меня обрадовали твои слова, правда. От них хочется уснуть и не проснуться… Артюр, я устал скользить по сновидениям. Для нас прошло уже столько времени, а в реальности, наверное, «кануло в Лету» всего лишь несколько часов! Мы стали призраками снов, Артюр! Нам отсюда не выбраться… Да я и не хочу никуда выбираться.

— А как насчёт пойти ещё за коньяком? — его весёлый голос выхватывает меня из игрового пространства, будто бутылку из рук.

Похоже, я просто уснул ненадолго.

Начнётся новый день.

Я проснусь и просто пойду в школу/институт/на работу/в парк пенсионеров, куда-угодно… Но что-то (пришедшее из мира снов) будет со мной всё это время. Оно меня не оставит, будет при мне, где-то внутри…

Дия. Так звучит моё имя.

Сегодня ночью мне снились два странных парня. Одного из них звали Фицхук, а про второго почти ничего не помню. Но он был, это точно, я знаю… Мы прошли в библиотеку без читательских билетов. И там случилось много чего. А потом сон закончился. Я открыла глаза в этот мир: для меня опять началась игра в реальность, от которой не скрыться.

Так бывает всегда. Можно перестать жить, но покинуть сон невозможно.

Бессонницы вообще не существует. Есть только жизнь сновидений.

Мой разум падает с небес. Я пытаюсь найти своё спящее тело…

Сложно прицелиться в такой темноте. Посреди пустого переулка стоит тот самый парень в жёлтой рубашке и рассказывает что-то страшное моей блондинистой подружке…

Я обессилено падаю на колени, пистолет чернеет в безвольной руке.

В её глазах сгорают звёзды… «Жёлтый» парень щёлкает выстрелом в мой смеющийся череп — Я просыпаюсь… Надо мной склонились блондиночка и глуповато выглядящий лучший друг, имени которого я не помнил. Видимо, я чуток задремал, когда мы были у индейцев (пейотль сделал своё дело, текила тоже помогла).

— Помнишь, что нам надо продолжать путь? Хватит валяться,

как труп! — блондиночка строго смотрит в сторону рассвета. Фицхук помогает мне подняться с лежанки из листьев чапараля. Я медленно вспоминаю почти всё наше путешествие. Оказывается, нам многое посчастливилось пережить.

— Лабиринт измерений по-прежнему ждёт нас, — блондиночка весело сообщает нам дальнейшую цель маршрута. Фицхук уже дымит Трубкой Миров, взятой им в тайне от шамана племени, переехавшего ночью на другую стоянку. Я забрасываю почти пустой рюкзак за спину и говорю:

— Пошли, странники сумасшедших снов…

Испытав каждого, ночь закончилась, исчерпав свой запас прочности.

Над проснувшимся ущельем взошло солнце. Стартовал очередной повтор реальности. Наше «игровое» трио двинулось к склонам западных земель.

В пространство новых сновидений.